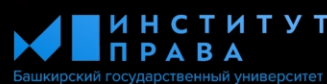
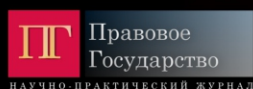

Правовое государство: теория и практика

The Rule-Of-Law State: Theory And Practice

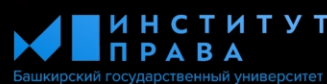
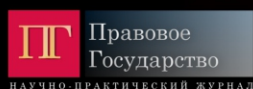

Тема выпуска:
Проблемы реализации правовой политики государства
в условиях современных вызовов

Правовое государство: теория и практика

The Rule-Of-Law State: Theory And Practice

Тема выпуска:
Проблемы реализации правовой политики государства
в условиях современных вызовов

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 4 (66) 2021

Общественно-политический и научно-правовой журнал

Издается с 2005 года

Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

Раянов Фанис Мансурович – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Абашидзе Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов, г. Москва);

Аззуз Кердун – доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев Ахмеда и Башира Ментури, г. Константина, Алжир);

Арзамаскин Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

Боголюбов Сергей Александрович – доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, доцент (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Университет Перпеньян, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор (Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Макарова Тамара Ивановна – доктор юридических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Малевски Гендрик Мариянович – доктор права, профессор (Академия общественной безопасности Университета им. М. Ромериса, г. Вильнюс, Литва);

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Полякова Татьяна Анатольевна – доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва);

Россинский Сергей Борисович – доктор юридический наук, доцент (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва);

Семитко Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Глепина Шолпан Валерьевна – доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан);

Шабуров Анатолий Степанович – доктор юридических наук, профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент

Зам. главного редактора

Гизатуллин Ирек Альфредович – кандидат юридических наук

Ответственный секретарь

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук

Члены редакционной коллегии:

Агапов Павел Валерьевич – доктор юридических наук, профессор;

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент;

Гизатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Дьяконова Оксана Геннадьевна – доктор юридических наук, доцент;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

Фролова Елизавета Александровна – доктор юридических наук, доцент;

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор;

Эксархопуло Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке eLibrary.ru

ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА:

- теоретические вопросы формирования правового государства;
- правовое государство в системе естественно-исторических закономерностей развития общества;
- правовое государство в системе обществоведческих институтов;
- принципы правового государства и практика законодательства;
- правовая жизнь современных муниципалитетов;
- правовое государство в системе юридической науки

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERS:

Aslan Kh. Abashidze – Doctor of Law, Professor (RUDN University, Moscow);

Azzouz Kerdoun – Doctor of Law, Professor (Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

Nikolai N. Arzamaskin – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Ilya S. Dikarev – Doctor of Law, Associate Professor (Volgograd State University, Volgograd);

Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);

Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor (Togliatti State University);

Ilona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Gendrik M. Malevski – Doctor of Law, Professor (Academy of Public Security of M. Romeris University, Vilnius, Lithuania);

Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Tatyana A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Sergey B. Rossinsky – Doctor of Law, Associate Professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Anatoly S. Shaburov – Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

Irek A. Gizatullin – Candidate of Sciences (Law)

Executive Secretary

Nataliya S. Latypova – Candidate of Sciences (Law)

Editorial board members:

Pavel V. Agapov – Doctor of Law, Professor;

Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor;

Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor;

Oksana G. Dyakonova – Doctor of Law, Associate Professor;

Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Elizaveta A. Frolova – Doctor of Law, Associate Professor;

Aslyam N. Khalikov – Doctor of Law, Professor;

Alexey A. Exarkhopulo – Doctor of Law, Professor

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»

Translation Reviewer – *Z.A. Yusupova*

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131

THE JOURNAL IS INCLUDED:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library elibrary.ru

THE SCOPE OF THE JOURNAL COVERS THE FOLLOWING TOPICS:

- theoretical issues of the formation of the rule-of-law state;
- rule-of-law state in the system of natural history laws of social development;
- rule-of-law state in the system of social science institutes;
- rule-of-law state principles and legislation practice;
- legal life of modern municipalities;
- rule-of-law state in the system of legal science

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**Дьяконова О.Г.**Подготовка нового закона о судебно-экспертной деятельности:
инновация, требующая комплексного подхода..... 9**Злотникова Т.В.**Международный и региональный опыт развития геопарков
как правовая основа изменения экологического законодательства 28**Лафитский В.И.**

Правовое государство: факторы развития в эпоху перемен 47

Очерedyкo Ю.В., Старкова Л.М.Правовые аспекты противодействия созданию и распространению
фейковой информации в Интернете на примере зарубежного
законодательства и практики международных
региональных организаций 59**Пинкевич Т.В.**Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере оборота
цифровой валюты (криптовалюты) 82**Фильченко А.П., Жандров В.Ю.**Противодействие запрещенной рекламе интернет-магазинов
по продаже наркотиков..... 97ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**Калинин С.А.**

Уникальное и закономерное в современном понимании государства..... 110

Крижановская Г.Н., Галиев Ф.Х., Дерюгин А.А.Деятельность негосударственных обществ и союзов как институтов
политической системы Российской Империи в конце XIX – начале XX века
в контексте правового государства..... 129**Раянов Ф.М.**Наша лепта в фундаментальные обществоведческие
научно-правовые исследования 144

Семитко А.П.

Частное и публичное право как исходные правовые начала в трудах
Сергея Сергеевича Алексеева..... 155

Хакимов С.Х., Каримов Р.Р., Каримова Г.Ю.

Организационно-правовая структура и деятельность территориальных
подразделений милиции НКВД Башкирской АССР в 1920-е годы..... 172

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Иванов В.В.

Защита охраняемых законом тайн при производстве следственных
действий с мобильным телефоном и иными электронными
носителями информации..... 183

Кирющенко И.И.

Досрочное прекращение полномочий судей в контексте
конституционных преобразований 196

Подольный Н.А.

Разумный срок получения заключения эксперта на стадии
возбуждения уголовного дела 210

Шведова К.А.

Некоторые возможности применения инструментальных методов
при технико-криминалистическом исследовании документов,
изготовленных полиграфическим способом..... 220

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Абадиха М., Латыпова Н.С.

Существует ли противоречие между справедливым и равноправным
режимом и общественными интересами в соответствии с международными
инвестиционными соглашениями и арбитражным урегулированием
споров между инвесторами и государствами?..... 230

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Попова А.В.

Что необходимо поменять в системе высшего образования России
в целях реализации поручений Президента Российской Федерации:
практические соображения..... 247

К АВТОРАМ..... 269

CONTENTS

PROBLEMS IN IMPLEMENTING THE STATE LEGAL POLICY IN THE FACE OF CONTEMPORARY CHALLENGES

D'iakonova O.G.

Preparation of a new law on forensic expert activities: an innovation
requiring an integrated approach.....9

Zlotnikova T.V.

International and regional experience in the development of geoparks
as a legal framework for changing environmental legislation.....28

Lafitsky V.I.

The rule-of-law state: development factors in the era of changes47

Ocheredko Y.V., Starkova L.M.

Legal aspects of countering the creation and dissemination of fake
information on the internet on the example of the domestic legislation
of states and the practice of international regional organizations59

Pinkevich T.V.

Prevention of crimes committed in the digital currency
(cryptocurrency) turnover.....82

Filchenko A.P., ZHandrov V.YU.

Counteracting forbidden advertising of online sale of drugs97

GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL PROBLEMS IN THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE

Kalinin S.A.

Unique and naturally determined attributes of the modern
understanding of a state.....110

Krizhanovskaya G.N., Galiev F.Kh., Deryugin A.A.

Activities of non-state societies and unions as institutions of the political
system of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries
in the context of the rule-of-law state.....129

Rayanov F.M.

Our contribution to fundamental social and legal scientific researches144

Semitko A.P.

Private and public law as initial legal principles in the works
of Sergey Sergeevich Alekseev155

Khakimov S.KH., Karimov R.R., Karimova G.Y.

Organizational legal structure and activities of the territorial militia units
of the NKVD of the Bashkir ASSR in the 1920s 172

**CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT
OF SECTORAL LEGISLATION**

Ivanov V.V.

Protection of secrets safeguarded by law during investigations
with a mobile phone and other electronic media 183

Kiryushchenko I.I.

Early termination of the powers of judges in the context
of constitutional reforms..... 196

Podolny N.A.

Reasonable time limit for obtaining an expert opinion at the stage
of initiating criminal proceedings 210

Shvedova K.A.

Some possibilities of applying instrumental methods while
making forensic-technical expertise of documents made by printing 220

INTERNATIONAL LAW

Abadikhah M., Latypova N.S.

Is there any contrast between fair and equitable treatment and public interests
under international investment agreements s and investor-state arbitrations?..... 230

PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

Popova A.V.

What needs to be changed in the Russian higher education system
in order to implement the instructions of the President
of the Russian Federation: practical considerations 247

TO THE AUTHORS 269

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**

**PROBLEMS IN IMPLEMENTING THE STATE
LEGAL POLICY IN THE FACE
OF CONTEMPORARY CHALLENGES**

УДК 34

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.1

ДЬЯКОНОВА Оксана Геннадьевна

*доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры судебных
экспертиз Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия;
oxana_diakonova@mail.ru*

**ПОДГОТОВКА НОВОГО ЗАКОНА
О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ИННОВАЦИЯ, ТРЕБУЮЩАЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА**

Законодательство о судебно-экспертной деятельности находится на этапе реформирования, что требует внимательного, взвешенного и научно обоснованного подхода. **Цель:** проанализировать тексты проектов законов о судебно-экспертной деятельности, появившиеся в период с 2013 по 2020 г. Сравнение проводится по ряду структурных элементов, начиная с преамбулы закона, правовой основы, основных терминов, задач и принципов судебно-экспертной деятельности, правового и профессионального статуса судебного эксперта и руководителя судебно-экспертной организации, регламентации отдельных видов судебных экспертиз и др. **Методы:** при проведении исследования использовались сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-функциональный методы. **Результаты:** анализ позволил сформулировать выводы о структурных элементах рассмотренных законопроектов и общий вывод о необходимости применения экспертологического подхода к созданию положений нового закона о судебно-экспертной деятельности, его обсуж-

дения и подготовки с привлечением научного сообщества и практиков, работающих в этой области.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-экспертная деятельность; законопроект; эксперт; руководитель судебно-экспертной организации.

Введение. Необходимость в обновлении законодательства о судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД) является очевидной по ряду причин: 1) активное развитие СЭД, в том числе за счет увеличения числа как государственных, так и частных судебно-экспертных организаций (далее – СЭО), деятельность которых урегулирована сейчас только в общих положениях гражданского законодательства и некоторых нормах действующего Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ о ГСЭД); 2) отсутствие обязательных единых требований к профессиональному статусу судебного эксперта, его сертификации; 3) отсутствие реестра экспертов и СЭО; 4) отсутствие организации профессионального экспертного сообщества; 5) отсутствие обязательных к исполнению нормативных требований к аккредитации СЭО, экспертных лабораторий; 6) противоречивость и пробелы в специальном законодательстве о СЭД, процессуальном законодательстве и др.

Материалы и методы. Подготовка законопроекта о СЭД началась еще в 2012 г., а с 18 января 2013 г. увидели свет несколько его редакций. Следует отметить, что не все они были официально размещены на соответствующих электронных ресурсах, не во всех случаях состоялось их широкое общественное обсуждение.

Сравнительному исследованию были подвергнуты редакции четырех законопроектов, появившиеся с 2013 по 2020 г.: 1) Проект-1 – принятый Госдумой 20 ноября 2013 г.²; 2) Проект-2 – представленный во втором чтении. В соответствии с заключением Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству, а также с решением этого Комитета проект было предложено отклонить ввиду необходи-

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23, ст. 2291.

² О судебной экспертной деятельности в Российской Федерации : проект ФЗ № 306504-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в первом чтении 20.11.2013) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 13.10.2021).

мости доработки многих концептуальных положений¹; 3) в 2019–2020 гг. научной общественности были представлены две редакции поправок к проекту № 306504-6, представляющие, по сути, варианты законопроекта (далее – Проект-3 и Проект-4).

Обсуждение. Неугасающий интерес к реформированию законодательства о СЭД в научной среде привел к появлению в работах ученых как текстов полноценных законопроектов [1; 2; 3], так и отдельных предложений по совершенствованию законодательства [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Однако законодатель далеко не всегда принимает за основу такие предложения.

1. Преамбула проектов или определение сферы действия закона. В Проекте-1 сфера действия закона ограничена конституционным, гражданским, административным и уголовным судопроизводством. Отмечается, что особенности производства судебной экспертизы устанавливаются соответствующим процессуальным законодательством. В Проекте-2 сфера определена более широко и включает осуществление СЭД в судопроизводстве, а также контроль и надзор за СЭД. Проект-3 содержит конкретизированный перечень видов судопроизводств, как и Проект-1, дополняя его производством по делам об административных правонарушениях. В Проекте-4 преамбула отсутствует.

Проведенное нами сравнительно-правовое исследование [3] законодательства государств – членов ЕАЭС в сфере судопроизводства, а также регулирующего осуществление таможенного и налогового контроля, обеспечения доказательств нотариусом и исполнительное производство, позволило выделить тождественные процессуальные и непроцессуальные формы и соответствующие виды использования специальных знаний в каждой из них, сделать вывод о необходимости унифицированного нормативного регулирования идентичных по своему характеру видов использования специальных знаний (например, судебная экспертиза и экспертиза при осуществлении таможенного контроля). Закономерным стал вывод и о возможности распространения положений нового закона о СЭД на сферу использования специальных знаний в указанных выше видах юрисдикционной деятельности, что необходимо отразить в преамбуле.

2. Определение правовой основы в проектах также различается: от перечисления в общем порядке нормативных правовых актов, регули-

¹ Заключение на законопроект № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». На рассмотрении [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6> (дата обращения: 13.10.2021).

рующих СЭД, начиная с Конституции РФ (все проекты, за исключением Проекта-2), до определения конкретных процессуальных кодексов и законодательства о налоговой и таможенной деятельности. Единогласно все проекты сводятся к установлению приоритета положений ратифицированных международных договоров. С учетом высказанной позиции о распространении закона о СЭД на проведение экспертизы в других видах юрисдикционной деятельности, полагаем, это требует отражения в правовой основе.

3. Терминология проектов. В структуре проектов имеются статьи, содержащие определения основных понятий.

Во-первых, обращает на себя внимание количественное несовпадение терминов в проектах.

Во-вторых, ни в одном проекте, за исключением Проекта-4, не приводится определение понятия «судебно-экспертная деятельность», хотя в каждом из проектов имеется положение, раскрывающее ее составляющие. При этом ни в одном из проектов в ее структуру не включена деятельность по подтверждению компетентности и повышению квалификации экспертов, а также международно-правовое сотрудничество по направлениям в области СЭД.

В-третьих, отсутствует четкая структурированность в перечне терминов. Так, в первых двух проектах термины приводятся в алфавитном порядке, а в Проекте-3 прослеживается попытка перечислить их по смысловому значению, относительно отдельных направлений СЭД.

В-четвертых, смысловое содержание перечня разнится. Так, в первых двух проектах приводится термин «валидация» в отношении методических материалов по производству судебной экспертизы, в последних двух проектах от этого термина отказались. В то же время в первых двух проектах наряду с термином «валидация» фигурировал термин «сертификация научно-методического обеспечения судебной экспертизы», а в последующих двух появилась «сертификация методических материалов по производству судебной экспертизы». Проекты 3 и 4 сходятся в установлении приоритетного порядка использования сертифицированных методических материалов по производству судебной экспертизы. В противном случае – и это подчеркивается во всех проектах – эксперт должен научно обосновать применение иных материалов. Таким образом, путь предлагаемого реформирования научно-методического обеспечения СЭД от валидации до сертификации пройден достаточно быстро, особенно с учетом того, что в законопроектах, устанавливающих валидацию и сертификацию одновременно, не указаны принципиальные сущностные от-

личия этих видов деятельности, разница заключается в их процедуре и результатах.

Как положительный момент следует отметить наличие терминов «экспертная специальность» и «научно-методическое обеспечение судебной экспертизы», а также расширение перечня объектов экспертных исследований во всех редакциях проектов. В этой части все проекты имеют тождественные положения. Тем не менее многие термины, так или иначе значимые для СЭД, остались не охваченными в рассматриваемых проектах.

4. Задача СЭД относительно четко определена только в Проекте-1, при этом она уточнена в сравнении с действующим ФЗ о ГСЭД. В отношении других проектов задачу можно определить исходя из ряда положений, в том числе при определении СЭД или в качестве задачи СЭО. Полагаем, правильным будет определить цель и составляющие ее задачи так: «Целью экспертной деятельности в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности является оказание помощи органам и лицам, ведущим судопроизводство, а также заинтересованным в юридическом исходе дела участникам процесса, в разрешении вопросов, требующих применения специальных знаний в различных областях. Задачами экспертной деятельности в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности являются: а) производство судебных экспертиз, назначенных органами или лицами, ведущими судопроизводство; б) производство экспертиз, назначенных органами или лицами, осуществляющими таможенную, налоговую, нотариальную деятельность, исполнительное производство; в) проведение экспертиз на основании договора о производстве экспертного исследования; г) научно-методическая проверка экспертных заключений по обращению органов или лиц, ведущих процесс, а также участников процесса, заинтересованных в юридическом исходе дела» [3, с. 14–15].

5. Принципы СЭД в проектах в целом изложены тождественно. Однако по неясным причинам в Проекте-4 отсутствует указание на принцип законности и ни в одном проекте, за исключением Проекта-1, не приводится принцип соблюдения профессиональной этики эксперта, указание на который все-таки представляется значимым.

Практически все проекты единогласны в том, что заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить научную обоснованность и достоверность сделанных выводов. Однако в Проекте-1 допускаются к применению методические материалы по производству судебной экспертизы, если в отношении них

проведена валидация и (или) сертификация научно-методического обеспечения судебной экспертизы. В Проекте-2 устанавливается, что методические материалы по производству судебной экспертизы должны разрабатываться, утверждаться и применяться в соответствии с национальными стандартами и быть сертифицированными.

6. Профессиональные и квалификационные требования к судебному эксперту. Все проекты определяют перечень лиц, которым может быть поручено производство судебной экспертизы. Тожественно во всех проектах указываются сертифицированные государственные судебные эксперты, а также сертифицированные негосударственные (по терминологии Проекта-4 – частные судебные) эксперты. Использование термина «частный» представляется более правильным в сравнении с термином «негосударственный» [14]. Однако конструкция «государственный – частный» показывает только принадлежность эксперта к какой-либо организации. Именно поэтому все эксперты могли бы именоваться судебными экспертами, а при необходимости можно подчеркнуть, сотрудником какой организации он является. Поэтому вполне применимы наименования «судебный эксперт государственной судебно-экспертной организации» и «судебный эксперт частной судебно-экспертной организации».

Также проекты выделяют в качестве эксперта физическое лицо, обладающее специальными знаниями, но не имеющее сертификата компетентности, при условии «предоставления сведений, касающихся возможности производства судебной экспертизы (в том числе сведений о наличии необходимой материально-технической базы), а также имеющихся документов об образовании и (или) квалификации». При этом не разъясняется, какие документы должны быть предоставлены.

Кроме того, в отдельную категорию в Проектах 3 и 4 выделен в качестве эксперта медицинский работник, имеющий право проводить судебно-медицинскую и (или) судебно-психиатрическую экспертизу в соответствии с законодательством в сфере охраны здоровья. Возможно, выделение этой категории связано с особым порядком подготовки судебных экспертов медицинской сферы, однако так же, как и другие эксперты, судмедэксперты проходят подготовку, переподготовку и повышение квалификации и получают соответствующее удостоверение и сертификат. Помимо этого, в приведенной цитате настораживает использование союза «и (или)», фактически смешивающего разные классы судебных экспертиз и вводящего в заблуждение правоприменителя.

Требования к эксперту во всех проектах разделяются в зависимости от его принадлежности государственной СЭО. Так, в Проекте-1 речь

идет о несудимом, дееспособном гражданине Российской Федерации, обладающем специальными знаниями, которые он приобрел в процессе профессионального обучения и (или) профессионального опыта. Государственным экспертом может быть только лицо, соответствующее указанным требованиям и имеющее сертификат компетентности, высшее образование и прошедшее последующее профессиональное обучение по конкретной экспертной специальности. Исключение делается для сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, которые могут иметь среднее профессиональное образование по специальности «Судебная экспертиза». Проект-2, в отличие от Проекта-1, не упоминает требование о гражданстве эксперта.

По Проекту-3 государственный судебный эксперт должен иметь высшее образование и дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности либо (для экспертов – сотрудников экспертно-криминалистических подразделений) среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы, а также проходить каждые пять лет аттестацию на право самостоятельного производства судебной экспертизы по конкретной экспертной специальности. Негосударственный же эксперт должен иметь высшее образование, дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности и сертификат компетентности, подтверждаемый каждые пять лет. Требование о высшем образовании и одновременно дополнительном профессиональном образовании по конкретной экспертной специальности на момент подготовки проекта было излишним, поскольку уже действовал ФГОС по специальности «Судебная экспертиза», позволяющий подготовить эксперта по ряду направлений¹. Этот недостаток был исправлен в Проекте-4.

В отличие от других проектов в Проекте-4 в отношении специальных требований сделана попытка уравнивать судебных экспертов государственных и частных СЭО и требуется: 1) высшее образование и дополнительное профессиональное образование по конкретной специальности либо получение экспертной специальности в рамках высшего образования (для экспертов – сотрудников экспертно-криминалистических подразделений сохраняется исключение); 2) прохождение экспертом каждые пять лет аттестации, проводимой федеральным органом исполнительной

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалиста) : приказ Министерства образования и науки РФ от 28.10.2016 № 1342 [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/400503> (дата обращения: 13.10.2021).

власти в сфере юстиции. Не совсем корректным с точки зрения возможности наличия коррупционного фактора является формулировка положения ч. 7 ст. 18 Проекта-4, в которой устанавливается, что «за проведение аттестации частного судебного эксперта ... может взиматься плата, размер и порядок взимания которой устанавливаются федеральным органом исполнительной власти в сфере юстиции». Представляется, что такая плата должна взиматься по единому тарифу вне усмотрения такой возможности для всех частных экспертов, что предполагает исключение слова «может» из приведенной цитаты.

7. Правовой статус судебного эксперта. В первых трех проектах в отношении эксперта устанавливается перечень обязанностей и запретов, а также права. Различие, в том числе в сравнении с действующим ФЗ о ГСЭД, видится в их объеме и формулировках. Так, в Проектах 1 и 2 следует положительно оценить предоставление эксперту права подавать жалобы на действия (бездействие) лиц и органов, если эти действия (бездействие) нарушают права судебного эксперта. Однако не очень понятно, зачем необходимо дублирование этого права (например, п. 3 ч. 1 ст. 22 и п. 5 ч. 2 ст. 22 Проекта-1) при условии правильного с точки зрения юридической техники формулирования. Отметим, что в Проекте-3 постарались устранить этот недостаток.

В Проекте-4 отсутствуют положения о правах и обязанностях судебного эксперта, что вызывает недоумение. Закон о СЭД является *lex specialis* по отношению к процессуальному законодательству и вполне обоснованно закрепление в процессуальном законодательстве перечня общих прав и обязанностей эксперта, его процессуальной ответственности. Специальные же права и обязанности эксперта следует закрепить в законодательстве о СЭД, а в процессуальных кодексах разместить бланкетные нормы к этому федеральному закону, не перегружая и не дублируя от кодекса к кодексу положения о правах и обязанностях судебного эксперта. Тем более что законодатель в этой части не проявляет комплексный подход в регулировании процессуально-правового статуса эксперта, в связи с чем в зависимости от процессуального кодекса меняется объем прав эксперта. Такое противоречие недопустимо, поскольку функция эксперта во всех видах судопроизводства одинакова и его правовое положение не может изменяться в зависимости от того, в каком процессе он участвует.

По вопросу о необходимости государственного реестра судебных экспертов проекты практически тождественны, за исключением Проекта-4, в котором устанавливается ведение совместного Государственного

реестра судебных экспертов и аккредитованных частных СЭО. Но при этом ни в одном из них не установлено, какие сведения об эксперте или частных СЭО должны быть отражены.

8. Требования к руководителю СЭО в проектах неоднозначные. Так, во всех проектах установлено требование о наличии у него высшего образования, только Проект-2 уточняет о высшем образовании в области судебной экспертизы или ином высшем образовании. Все проекты, за исключением Проекта-4, устанавливают требование о наличии в качестве дополнения к высшему образованию профессионального обучения в области судебной экспертизы (Проект-1) или дополнительного профессионального образования в области судебной экспертизы (Проекты 2 и 3). В Проекте-3 при этом последнее требование установлено для лиц, не имеющих высшего образования в области судебной экспертизы. Полагаем, что руководитель СЭО должен иметь высшее образование в области судебной экспертизы либо в иной сфере, но в таком случае желательно наличие дополнительной подготовки в области судебной экспертологии.

Правовой статус руководителя СЭО практически идентичен, но недостаточно полно, как показывает проведенное исследование [3, с. 227–229], зафиксирован в Проектах 1 и 2. Полностью тождественными являются и соответствующие положения Проектов 3 и 4. В отличие от первой группы проектов во второй запреты приводятся в статье «Права руководителя судебно-экспертной организации» и отсутствует его право «ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, о привлечении граждан иностранных государств, обладающих специальными знаниями», предлагаемое в Проектах 1 и 2.

9. Требования к государственным и частным СЭО. В проектах установлены некоторые тождественные положения, на которые следует обратить внимание:

1) определены государственные и негосударственные (или частные – в Проекте-4) СЭО, причем к последним предъявляются требования их некоммерческого характера, установление СЭД в качестве основной деятельности, а также не менее одного (Проекты 1 и 3) или пяти работников (Проект-4) по основному месту работы. И если ученые в большинстве своем поддерживают установление первых двух требований к частным СЭО, то остается неясной природа требования о количественном составе экспертов по основному месту работы. Однако вполне оправданным видится дополнительное требование в Проекте-4, в соответствии с которым учредителями частных СЭО не могут быть ино-

странные граждане, граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства, лица без гражданства, иностранные юридические лица, а также организации, в составе учредителей которых имеются указанные граждане и лица;

2) для государственных СЭО во всех проектах определяется территорияльность и устанавливаются случаи, когда она не действует, в основном это вызвано объективными причинами, преодолеть которые своевременно не представляется возможным;

3) государственные СЭО действуют в соответствии с установленным профилем, Правительству РФ предоставлено право устанавливать перечень видов судебных экспертиз, проводимых только в государственных СЭО.

Отличительными особенностями проектов являются следующие:

1) в Проекте-2 изложено требование об обязательном лицензировании СЭД негосударственной СЭО;

2) Проектом-2 предполагается создание Государственного реестра СЭО, при этом приводятся также положения о Государственном реестре судебных экспертов;

3) определение основы деятельности СЭО. В Проекте-1 указывается, что СЭО «осуществляет деятельность по организации и производству судебной экспертизы, основываясь на теории судебной экспертизы, едином научно-методическом подходе к экспертной практике, профессиональному обучению и специализации экспертов». Представляется, что на научной базе судебной экспертологии, частью которой является общая теория судебной экспертизы, должна осуществляться в целом СЭД, но возникает вопрос о необходимости фиксировать это требование в статье закона. Тем более что далее указывается научно-методический подход, который разрабатывается, несомненно, в рамках судебной экспертологии. В других проектах это положение претерпевает некоторые изменения, и в Проектах 3 и 4 речь идет о деятельности СЭО, основанной на едином научно-методическом подходе, подготовке и специализации экспертов.

10. Положение о государственном реестре методик судебных экспертиз и Государственном фонде методических материалов по производству судебной экспертизы нашло место только в Проекте-2. Полагая, на данный момент сложно говорить о возможности формирования реестра методического обеспечения СЭД. Среди различных государственных ведомств и частных СЭО отсутствует единый подход к исследованию одних и тех же объектов в целях решения тождественных задач. Прежде всего, следует организовать экспертное сообщество, чтобы пре-

доставить возможность вести многосторонний диалог и вырабатывать единую позицию по целому ряду вопросов, в том числе и по научно-методическому обеспечению СЭД [3, с. 207–218].

11. Вопрос организации профессионального сообщества судебных экспертов, несмотря на зарубежный опыт (например, Республика Казахстан) и предложения ученых в этой связи [2, с. 211; 3, с. 207–218; 14, с. 15–42], в проектах не решен.

12. Регулирование отдельных видов экспертиз. Проект-4 не содержит положений, посвященных производству отдельных видов судебных экспертиз, в связи с чем анализу в этой части не может быть подвержен.

Дополнительной и повторной экспертизам посвящена в первых трех проектах одна статья, и редакционно ее положения тождественны. Однако в Проекте-2 содержится положение, уточняющее право участников процесса ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы, если оно предоставлено им российским процессуальным законодательством. Настаивая на том, что положения о дополнительной и повторной экспертизе, особенно об основаниях их назначения, должны быть размещены в законе о СЭД, считаем приведенное положение излишним. Оно относится исключительно к процессуальной области, и нет никаких причин с точки зрения надлежащего осуществления СЭД для его регламентации за пределами процессуальных кодексов.

Когда речь заходит об определении особенностей комиссионной и комплексной экспертиз, проявляются противоречивые подходы к их регулированию. Следует отметить в качестве отрицательного момента указание в Проектах 1–3 на проведение комиссионной экспертизы несколькими экспертами одной специальности. Прежде всего, и законодатель, и разработчики проектов не учитывают теоретические основы судебной экспертологии, в рамках которых разрабатываются теории комплексной, а также комиссионной экспертизы. Представляется неправильным отнесение двух этих экспертиз к классификации по одному основанию [4, с. 509–517]. Нарушением правил классификации представляется смешение количества субъектов – сведущих лиц и количества отраслей специальных знаний, которые интегрируются для достижения определенной общей задачи. Это разные категории, вполне обоснованно выделяемые под разными критериями классификации. По количеству исполнителей – сведущих лиц: единоличная и комиссионная экспертизы, по интеграции специальных знаний [12, с. 163–167], то есть

по количеству объединяемых для решения общей задачи отраслей специальных знаний: однородные и комплексные экспертизы.

Поддерживая авторов, считающих комплексную экспертизу понятием процессуального и гносеологического характера, полагаем возможным выделить ряд признаков, ее характеризующих: 1) исследование одного объекта, группы объектов, разделять которые для производства экспертизы нецелесообразно; 2) разнородное, но при этом совместное исследование производится для ответа на вопросы, поставленные при назначении судебной экспертизы; 3) при проведении комплексной экспертизы решается общая экспертная задача, что подразумевает взаимосвязанное и цельное по характеру исследование; 4) исследование проводится одновременно с применением всех интегрированных для производства данной экспертизы сфер наук; 5) формулирование общего вывода. И еще два признака, характеризующие комплексную экспертизу при ее производстве в комиссионном составе: 6) разделение ответственности между экспертами; 7) наличие эксперта-организатора при равном статусе экспертов.

Как видно из приведенных признаков, комплексная экспертиза «не привязана» к количеству экспертов, она вполне может проводиться единолично, поскольку на сегодняшний день этому способствует профессиональная подготовка экспертов. Однако законодательство, прежде всего процессуальные кодексы, основываясь на ошибочном представлении о природе комплексной экспертизы, настаивают на ее комиссионном составе. Отметим, что такой подход присущ большинству процессуальных кодексов, в том числе в государствах – членах ЕАЭС. Только в ст. 282 УПК Республики Казахстан¹ допускается единоличное производство комплексной экспертизы при условии, что эксперт «имеет право производства исследований по различным экспертным специальностям» [1]. Тем не менее в Проектах 1 и 2 содержится норма о возможности единоличного проведения комплексной экспертизы. В Проекте-3 данное положение отсутствует.

Таким образом, выделенные признаки характеризуют сущность комплексной экспертизы, процессуальная составляющая при этом не является значимой, если ее вообще можно выделить в качестве отличительной особенности в сравнении с другими видами экспертиз. Представляется правильным установить эти признаки в положениях соответ-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V [Электронный ресурс]. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 13.10.2021).

ствующей нормы в новом законе о СЭД [3, с. 147], при этом необходимости регламентации комплексной экспертизы в процессуальных кодексах нет. Положительным аспектом стало бы закрепление в законе о СЭД положения об определении характера (комплексной или однородной) экспертизы, а также необходимости ее комиссионного производства руководителем СЭО.

Осмысливая положения проектов о комиссионной экспертизе, можно выделить позитивные нормы, касающиеся объема проведения исследования (каждый судебный эксперт проводит исследования в полном объеме с последующим совместным анализом полученных результатов), а также организации комиссии, которая возлагается на руководителя СЭО либо на руководителей нескольких СЭО, при этом ведущая СЭО определяется органом или лицом, назначившим экспертизу. Недостаточно обоснованным и редакционно неверным представляется положение ч. 7 ст. 28 Проекта-2: «В составе комиссии судебных экспертов, которой поручено производство судебной экспертизы новых, редких, уникальных объектов, не обеспеченных методическими материалами по производству судебной экспертизы, предусмотренными частями 3 и 4 статьи 8 настоящего Федерального закона, обязательно присутствуют работники государственных судебно-экспертных организаций, один из которых может выступать в качестве эксперта-организатора, при этом его процессуальные функции не отличаются от функций остальных судебных экспертов». В первую очередь неясно, чем обоснована необходимость включения в комиссию эксперта государственной СЭО. Во-вторых, использование глагола «присутствуют» вместо «участвуют» не выдерживает критики с точки зрения «юридического» смысла. Подобное положение включалось и в ч. 2 ст. 29 Проекта-2 при проведении комплексной экспертизы.

13. Требования к содержанию заключения эксперта в проектах изложены неоднозначно. С одной стороны, достаточно подробно приводятся элементы, которые должны найти отражение в заключении. В Проекте-2, например, подробно изложено, какие сведения об эксперте и СЭО должны приводиться в заключении, от ФИО до сведений о квалификационном аттестате и сертификате. Такие разночтения обусловлены разными подходами к аттестации/сертификации судебных экспертов, предлагаемыми в проектах.

Весьма настораживает, особенно с учетом указанного в требованиях к содержанию заключения, определение в Проектах 2 и 3 термина «заключение эксперта» как письменного документа, за исключением

случаев, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации, оформленного в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, отражающего ход и результаты судебно-экспертного исследования. Определенно, это соотносится с нормой ч. 1 ст. 82 КАС РФ. Уже неоднократно подчеркивалось, что это положение КАС РФ установлено вопреки разработанному в теории судебной экспертологии подходу к заключению эксперта. Отметим, что в Проекте-4 спорная фраза исключена из определения.

14. Регламентация альтернативной экспертизы [3, с. 116–132], которая представляет собой вид использования специальных знаний в судопроизводстве или иной юрисдикционной деятельности, состоящей в проведении экспертом исследования и даче заключения по вопросам, поставленным перед ним лицами, имеющими юридическую заинтересованность в исходе дела, а также их представителями, осуществляемой на основании договора о проведении экспертного исследования, в проектах не предлагается. Однако можно считать первым шагом к этому положения ч. 2 ст. 20 Проекта-1 и ч. 2 ст. 22 Проекта-2, в которых предлагается предоставить руководителю СЭО право «заключать договоры о проведении исследований, требующих использования специальных знаний, для юридических и физических лиц» с учетом ограничений, установленных законодательством Российской Федерации. К сожалению, в последних двух проектах это положение отсутствует, что является шагом назад в установлении положений об альтернативной экспертизе, реализуемой на практике уже много лет.

15. В части регулирования в проектах судебной экспертизы в отношении живых лиц отметим некую непоследовательность. Так, первые два проекта не содержат вообще никаких норм, посвященных этому правовому институту. Предлагалось сохранить с изменениями действующий ФЗ о ГСЭД в отношении судебной экспертизы живых лиц¹ [5, с. 220], а новый закон о СЭД распространить на все остальные виды и роды судебных экспертиз. Такое обособление научным сообществом было воспринято отрицательно по вполне понятным причинам: бессмысленно разделять виды деятельности, основанные на едином теоретико-методологи-

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России, не внесен в ГД ФС РФ; текст по состоянию на 19.08.2013) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.10.2021).

ческом подходе. Особенности, связанные с производством судебной экспертизы, имеются во всех ее видах, но это не обуславливает необходимость отдельного регулирования на уровне закона каждого из них.

В Проектах 3 и 4 имеются главы о судебной экспертизе в отношении живых лиц. Нормативные положения практически тождественны существующим в ФЗ о ГСЭД. Однако есть и некоторые моменты, которые требуют внимания. Во-первых, в обоих проектах является вполне обоснованным исключение из статьи, устанавливающей особенности присутствия участников процесса при производстве экспертизы живых лиц, положения, в соответствии с которым «присутствие иных участников процесса допускается с разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу, и лица, в отношении которого производится судебная экспертиза, либо его законного представителя».

Во-вторых, в обоих проектах статья о сроках пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, дополнена положением об учете этих сроков для лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения по стражу, в соответствии с правилами УПК РФ. Но, в-третьих, в обоих проектах в статье, устанавливающей основания и порядок госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, отсутствует указание на судебно-медицинскую экспертизу, как и в статье о сроках пребывания лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях. Возникает вопрос: какими положениями должно регулироваться производство судебно-медицинской экспертизы и будут ли они отличаться от приведенных в проекте положений? Ответом на него является действующее совместное регулирование в ФЗ о ГСЭД.

Заключение. Проведенный анализ проектов закона о СЭД не претендует на исчерпывающую полноту. Проекты, без сомнения, содержат положительные элементы, однако принятие любого из них в существующем виде, к сожалению, повлечет больше практических проблем, нежели позволит сократить число противоречий и пробелов в сравнении с действующим ФЗ о ГСЭД. Поэтому длительный процесс подготовки и принятия законопроекта вполне оправдан.

Принятие закона, распространяющего сферу своего регулирования на институт судебной экспертизы в различных видах судопроизводства и иных видах юрисдикционной деятельности, должно осуществляться именно с учетом мнений и предложений научного сообщества, практикующих экспертов и юристов из указанных областей. Судебная экспер-

тология на протяжении более 40 лет своего существования сформировала основанные на эмпирическом опыте теоретические предложения в пределах своего предмета исследования. Это дает сейчас возможность разрабатывать положения законопроекта комплексно, на основе экспертологического подхода, с учетом особенностей, присущих различным видам юрисдикционной деятельности.

Библиографический список

1. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 717 с.
2. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения : дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2016. 482 с.
3. Дьяконова О.Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств-членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 647 с.
4. Россинская Е.Р. Избранное. М. : Норма, 2019. 680 с.
5. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Законодательное закрепление инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 220–227.
6. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма – Инфра-М, 2006. 480 с.
7. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 470 с.
8. Майлис Н.П. О необходимости унификации понятийного аппарата в судебно-экспертной деятельности // Российское правосудие. 2021. № 5. С. 72–76.
9. Моисеева Т.Ф. Унификация процессуального законодательства о судебной экспертизе // Российское правосудие. 2016. № 9 (125). С. 101–104.
10. Моисеева Т.Ф. Проблемы правового регулирования судебно-экспертной деятельности // Российское правосудие. 2016. № 7 (123). С. 107–109.
11. Иванова Е.В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связан-

ных с опасными для здоровья веществами : дис. ...д-ра юрид. наук. Колмна, 2016. 468 с.

12. Судебно-экспертная деятельность: правовое, теоретическое и организационное обеспечение : учебник для аспирантуры / Е.Р. Россинская [и др.]. М. : Инфра-М, 2019. 400 с.

13. Теория судебной экспертизы. (Судебная экспертология) : учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2019. 368 с.

14. Чернявская М.С. Судебно-экспертная деятельность негосударственных экспертных организаций: теоретические и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 227 с.

Дата поступления: 29.10.2021

D'IAKONOVA Oksana Gennadievna

Doctor of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia; oxana_diakonova@mail.ru

PREPARATION OF A NEW LAW ON FORENSIC EXPERT ACTIVITIES: AN INNOVATION REQUIRING AN INTEGRATED APPROACH

The legislation on forensic expert activities is at the stage of reform, which requires a careful, balanced and scientifically based approach. **Purpose:** the article attempts to analyze the texts of the draft laws on forensic expert activities, which appeared in the period from 2013 to 2020. The comparison is carried out on the basis of several structural elements, starting with the preamble of the law, the legal basis, basic terms, tasks and principles of forensic expert activity, the legal and professional status of a forensic expert and the head of a forensic expert organization, regulation of certain types of forensic examinations and others. **Methods:** during the study, comparative legal, formal legal and systemic functional methods are used. **Results:** the analysis makes it possible to formulate conclusions on the structural elements and a general conclusion on the need to apply an expert approach to the creation of provisions of a new law on forensic activities, its discussion and preparation with the participation of the scientific community and practitioners working in this field.

Keywords: forensic examination; forensic expert activities; draft law; expert; head of the forensic organization.

References

1. Zajceva E.A. *Koncepciya razvitiya instituta sudebnoj ekspertizy v usloviyah sostyazatel'nogo ugolovnog sudoproizvodstva. Dokt. Diss.* [The concept of development of the institution of forensic examination in the context of adversarial criminal proceedings. Doct. Diss.]. Moscow, 2008. 717 p.
2. Aminev F.G. *Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii: sovremennye problemy i puti ih resheniya. Dokt. Diss.* [Forensic Expertise in the Russian Federation: Contemporary Problems and Ways to Solve Them. Doct. Diss.]. Ufa, 2016. 482 p.
3. D'iakonova O.G. *Special'nye znaniya v sudebnoj i inoj yurisdikcionnoj deyatel'nosti gosudarstv-chlenov EAES: teoriya i praktika. Dokt. Diss.* [Special knowledge in judicial and other jurisdictional activities of the EAEU member states: theory and practice. Doct. Diss.]. Moscow, 2021. 647 p.
4. Rossinskaya E.R. *Izbrannoe* [Selection]. Moscow, Norma Publ., 2019. 680 p.
5. Smirnova S.A., Omelyanyuk G.G., Usov A.I. Legislative consolidation of the innovations in the forensic activities in the Russian Federation. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij = Russian Journal of Legal Studies*, 2016, no. 1 (6), pp. 220–227. (In Russian).
6. Averyanova T.V. *Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchej teorii* [Forensic examination. General theory course]. Moscow, Norma – Infra-M Publ., 2006. 480 p.
7. Lazareva L.V. *Konceptual'nye osnovy ispol'zovaniya special'nyh znaniy v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve. Dokt. Diss.* [Conceptual framework for the use of special knowledge in Russian criminal proceedings. Doct. Diss.]. Vladimir, 2011. 470 c.
8. Maylis N.P. On the need to unify the conceptual apparatus in forensic activities. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2021, no. 5, pp. 72–76. (In Russian).
9. Moiseeva T.F. Unification of procedural legislation on forensic expert examination. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2016, no. 9 (125), pp. 101–104. (In Russian).
10. Moiseeva T.F. Regulation of forensic expert activity. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*, 2016, no. 7 (123), pp. 107–109. (In Russian).

11. Ivanova E.V. *Konceptual'nye osnovy ispol'zovaniya special'nyh znaniy pri vyyavlenii i rassledovanii prestuplenij, svyazannyh s opasnymi dlya zdorov'ya veshchestvami. Dokt. Diss.* [Conceptual framework for the use of expertise in the detection and investigation of crimes involving dangerous goods. Doct. Diss.]. Kolomna, 2016. 468 p.

12. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M., Podvolotsky I.N., Sokolova T.P., Chubina E.A., Podkatilina M.L. at al. *Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost': pravovoe, teoreticheskoe i organizacionnoe obespechenie* [Forensic expert activities: legal, theoretical and organizational support]. Moscow, Infra-M Publ., 2019. 400 p.

13. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Teoriya sudebnoj ekspertizy. (Sudebnaya ekspertologiya)* [Forensic theory. (Forensic expertise)]. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2019. 368 p.

14. CHernyavskaya M.S. *Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' negosudarstvennyh ekspertnyh organizacij: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Kand. Diss.* [Forensic activities of non-governmental expert organizations: theoretical and applied aspects. Cand. Diss.]. Moscow, 2021. 227 p.

Received: 29.10.2021

УДК 349.4, 349.6, 553.3/9
DOI 10.33184/pravgos-2021.4.2

ЗЛОТНИКОВА Тамара Владимировна

*доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой
земельного права и государственной регистрации недвижимости
Московского государственного университета геодезии и
картографии (МИИГАиК), заслуженный эколог Российской
Федерации, почетный работник охраны природы, академик
Российской экологической академии (РЭА),
г. Москва, Россия; tzlotnikova@yandex.ru*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ ГЕОПАРКОВ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена исследованию зарубежного и первого отечественного опыта создания и деятельности геопарков, их правового регулирования. **Цель:** анализ проблем создания геопарков и развития отечественной сети геопарков, их встраивания в Глобальную сеть геопарков под эгидой ЮНЕСКО, внесение предложения по правовому регулированию геопарков. **Методы:** сравнения, описания, диалектической логики, толкования правовых норм, сравнительно-правовой. Проанализирован зарубежный и отечественный опыт создания геопарков. Рассмотрено современное состояние Глобальной сети геопарков под эгидой ЮНЕСКО. Приведены различные определения понятия геопарка, цели и функции геопарка. Рассмотрен примерный порядок действий и условия включения территории в Глобальную сеть геопарков. Сформулирована обобщенная основная цель, стоящая перед создателями геопарков. Показана уникальность геологического строения и природных характеристик наиболее интересных объектов первых российских геопарков «Алтай» и «Янган-Тау». Проведен сравнительный анализ правового статуса некоторых категорий особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и геопарков. **Результаты:** исследование позволило обосновать вывод о необходимости правового закрепления понятия геопарков в современном экологическом законодательстве в качестве дополнительной самостоятельной категории ООПТ. Отмечено, что вопросы создания и правового регулирования геопарков на территории России весьма своевременны и соответствуют научным,

природоохранным и рекреационным интересам регионов, способствуют эффективному социально-экономическому развитию территорий.

Ключевые слова: геопарк; геологическое наследие; Глобальная сеть геопарков; Всемирное природное наследие; геологический туризм; экологический туризм; природно-познавательный туризм; правовое регулирование; устойчивое развитие территорий.

Геопарки как новый вид территорий, обладающих определенной геологической ценностью, появились в 90-е годы прошлого века. В настоящее время их становление и развитие происходит во многих регионах планеты, почти на всех континентах, кроме Антарктиды и Австралии.

Впервые идея создания геопарков на основе принципов устойчивого развития территорий в целях сохранения и разумного использования геообъектов была озвучена в Пекине в 1996 г. на 30-м Международном геологическом конгрессе, который проводился в рамках работы симпозиума по сохранению геологического наследия ЮНЕСКО [1, с. 4]. В 2000 г. на учредительной конференции была принята концепция «Европейского геопарка» и сформирована Европейская сеть геопарков (European Geoparks Network – EGN). Главной целью создания такой сети является сохранение геологического наследия Земли [2, с. 3, 5].

С 2001 г. в рамках ЮНЕСКО действует специальная программа, направленная на создание и поддержку всемирной сети национальных геопарков в целях сохранения ценности регионов, имеющих в истории Земли большое геологическое значение. Кроме того, предусматривалось проведение научно-исследовательских работ, достижение эколого-просветительских и туристических целей развития сети геопарков по единообразным подходам.

Первая группа Глобальной сети была объявлена в 2004 г. в парижском офисе ЮНЕСКО на 1-й Международной конференции по геопаркам. В ней участвовали представители нескольких авторитетных международных организаций (научный совет Международной программы ЮНЕСКО по геологическим наукам, Международное географическое общество и Международный союз по геологическим наукам).

В последнее десятилетие возрастает роль геопарков не только как объектов геолого-исторического, но и культурного наследия. Образованная Глобальная сеть геопарков является добровольной международной неправительственной организацией. Она создана для взаимодействия и обмена опытом в вопросах управления и использования геологического наследия и действует на основании правил, определенных ЮНЕСКО.

В ноябре 2015 г. 195 государств – участников Конвенции ЮНЕСКО «Об охране Всемирного природного и культурного наследия»¹ ратифицировали создание нового вида мирового наследия – Глобальные геопарки ЮНЕСКО. Одновременно были приняты Устав и Руководящие принципы Глобальной сети геопарков ЮНЕСКО, определен механизм подачи заявок для включения новых объектов в эту сеть (иногда ее называют Глобальная сеть национальных геопарков – GGN)². В настоящее время Глобальная сеть геопарков включает 169 объектов в 44 странах. К сожалению, Россия в этом перечне выглядит пока весьма скромно, хотя на федеральном уровне предпринимается немало усилий по соблюдению указанной Конвенции ЮНЕСКО, ратифицированной еще в советский период.

Безусловным лидером по количеству глобальных геопарков является Китай. В этой стране зарегистрировано 39 глобальных геопарков, которые составляют почти треть от общего количества геопарков Глобальной сети. Страна лидирует и по общему количеству созданных геологических парков. По статистике уполномоченного национального органа (Государственного управления лесного и степного хозяйства КНР), в Китае на период 2019 г. зарегистрировано 213 геопарков общегосударственного значения и 343 геопарка регионального (провинциального) уровня. С тех пор как в Китае с начала 2000-х годов стартовала кампания по созданию геопарков, их число превысило 600. В результате такой продуманной политики страна стала мировым лидером не только по количеству геопарков, но и по темпам их прироста. Только за 2019 г. в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО вошли два геопарка в провинциях Восточного Китая, что позволило придать охранный статус Всемирного достояния одной из четырех буддистских священных гор Китая с многочисленными уникальными ландшафтами (геопарк Цзюхуашань). Вторым включенным объектом стал геопарк Имэншань, в составе которого находится одна из крупнейших на азиатском континенте кимберлитовых трубок, где было добыто около двух миллионов карат

¹ Об охране всемирного культурного и природного наследия : Конвенция ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 17.10. 2021) ; О ратификации Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия : указ Президиума ВС СССР от 09.03.1988 № 8595-XI [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 17.10.2021).

² Глобальные геопарки ЮНЕСКО и устойчивое развитие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iphsph.ru/priroda-klimat/2892-globalnye-geoparki-yunesko-i-ustojchivoe-razvitie> (дата обращения: 17.10.2021).

алмазов¹. Подобный китайскому международный опыт вполне применим и для нашей страны, но пока созданию геопарков общенационального и тем более глобального значения у нас не уделяется достаточно внимания, хотя Россия богата не менее значимыми геологическими территориями.

Программа GGN работает в тесном взаимодействии с другим проектом ЮНЕСКО – Всемирной сетью биосферных резерватов «Человек и биосфера», которая в настоящее время насчитывает около 700 таких охраняемых природных объектов в 122 странах, включая 20 трансграничных. В России к 2021 г. на базе самых высокозащищаемых разновидностей ООПТ (государственные заповедники и национальные парки) образовано 48 таких резерватов, включенных во всемирную сеть [3, с. 338, 345].

Создание геопарка преследует три цели: сохранение геологического наследия конкретной территории, популяризация геологических и экологических знаний и достижение устойчивого развития территории. С учетом международного опыта и научных публикаций обобщенная основная цель, стоящая перед создателями геопарков, может быть сформулирована так: «повышение охраны, обустройства и популяризации территорий, на которых выявлены геологические и геоморфологические объекты, представляющие научный, культурно-просветительский, образовательный, рекреационный, природоохранный и туристический потенциал»².

Для включения геопарка в Глобальную сеть GGN необходимо сначала провести ряд подготовительных процедур и выполнить критерии, установленные документами ЮНЕСКО. В частности, объекту-соискателю для включения в Глобальную сеть национальных геопарков требуется:

- разработка плана управления территорией потенциального геопарка в целях устойчивого социально-экономического развития региона на основе агротуризма и геотуризма;
- разработка предложений по сохранению и приумножению геологического наследия, а также разработка плана преподавания дисциплин геонаучного и общеэкологического профиля;
- разработка совместных действий между госорганами, муниципалитетами и заинтересованными частными лицами в части развития и применения передового опыта по сохранению геонаследия.

¹ Китай лидирует в мире по количеству глобальных парков [Электронный ресурс]. URL: news.myseldon.com/ru/news/index/211853822 (дата обращения: 17.10.2021).

² Глобальная сеть геопарков ЮНЕСКО Туризм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hisour.com/ru/unesco-global-geoparks-network-tourism-48920/> (дата обращения: 17.10.2021).

Другими условиями для включения в Глобальную сеть GGN того или иного национального объекта должно быть наличие:

- достижений антропогенной деятельности (древние горные выработки или уникальные отработки месторождений, представляющие ландшафтную целостность, другие свидетельства былых цивилизаций, результаты недропользования и т. п.);
- природных геологических феноменов, природных геопроцессов, особенностей геологического развития планеты, то есть геологических памятников;
- сохранности культурно-исторических традиций и обычаев;
- характеристик важнейших эколого-биологических и геологических процессов, происходящих на планете, а также естественной среды обитания и т. п.

Заявка с учетом указанных требований ЮНЕСКО должна включать в себя пять разделов. В первый раздел включают общую информацию о территории геопарка (планируемое название, его географическое расположение, физико-географические характеристики, структура управления будущего геопарка). Во втором разделе должно быть приведено геологическое описание территории, включая список объектов геопарка с их описанием и уровнем их значимости. В третьем разделе описывают мероприятия, направленные на сохранение геологических объектов, как существующих, так и планируемых. В четвертом разделе должны содержаться показатели экономической деятельности региона, влияющие на уровень развития геотуризма. Пятый раздел посвящен доказательной базе о необходимости и важности включения конкретной заявляемой местности в сеть геопарков. В обязательном порядке к заявке прилагается карта с границами геопарка, на которой выделены геологические, природные и культурные объекты, обозначены населенные пункты и объекты туристской инфраструктуры¹.

Оценка той или иной национальной заявки (проекта) с точки зрения соответствия указанным требованиям и критериям ЮНЕСКО дает-

¹ В заявку включают комплексную оценку местности геопарка с учетом различных оценочных параметров: геологическая и ландшафтная оценки; оценка существующего уровня охраны геологических объектов; анализ природного и культурного наследия территории; анализ существующей структуры управления наследием территории; анализ проводившихся мероприятий по экологическому просвещению; анализ уровня развития геотуризма; анализ действий, направленных на достижение устойчивого развития территории.

ся на Международных конференциях по геопаркам, проводящихся каждый четный год, то есть раз в два года.

Зарубежный опыт развития геопарков показывает, что наиболее ценные, значимые и достопримечательные места на территории геопарков оборудуются пояснительными указателями, схемами, таблицами (так называемые геопункты). Как правило, по территории геопарка проложены специальные оборудованные путевыми схемами или картами маршруты, по которым доступны передвижения не только пеших туристов, но и велосипедистов. В деятельности геопарков важным элементом выступает геоконсервация, а также ряд образовательно-популяризационных мер по продвижению общеэкологических знаний и знаний наук о Земле¹.

В России создано несколько региональных геопарков. Одним из первых следует считать геопарк «Алтай», который был создан в 2015 г. Постановлением Правительства Республики Алтай². Этот геопарк располагает не только объектами местного, регионального и национального значения, но и включает три участка с уникальными геологическими достопримечательностями и ценными природными объектами, которым может быть присвоен международный статус всемирного достояния. Геопарк занимает территорию около 15 тыс. кв. км, на которой расположено более 20 населенных пунктов и проживают около 20 тыс. человек. На территории геопарка имеются не только уникальные живописные пейзажи, но и неповторимые творения природы: скальные выходы, пещеры, ледники, озера, водопады и реки, проложившие себе дорогу в крутых ущельях. Исключительность этой территории заключается в том, что большинство объектов сохранилось практически в первозданном виде. Территория геопарка включает не только имеющиеся природные достопримечательности и геологические объекты, в ее составе уникальные культурно-исторические ландшафты, как того требуют условия и международный опыт создания геопарков.

Набор объектов геопарка «Алтай» уникален. Так, геологические комплексы включают многочисленные свидетельства геопроцессов, в

¹ Guidelines and Criteria for National Geoparks seeking UNESCO's assistance to join the Global Geopark Network: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2010 [Electronic resource]. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SC/pdf/sc_geoparks_2010guidelines (дата обращения: 17.10.2021).

² О создании геопарка «Алтай»: постановление Правительства Республики Алтай от 31.12.2015 № 461 [Электронный ресурс]. URL: https://altai-republic.ru/upload/iblock/bea/gov_decree_461_2015.pdf (дата обращения: 17.10.2021).

том числе палеонтологических, тектонических и антропогенных: вулканогенные породы, белые известняки с остатками морской фауны. Из минералого-петрографических объектов большой профессиональный интерес представляет хрустальная горка. В недрах региона разработаны средне-крупные рудные месторождения ценных металлов и полиметаллов, в том числе золота, серебра, меди, железа, никеля, кобальта, ртути, молибдена, вольфрама, свинца и др. Представляют большой рекреационно-туристический интерес неповторимые природно-географические ландшафты, образованные за счет естественных процессов, в том числе выветривания и карстообразования [4, с. 12–14].

Уникальные геологические объекты составляют основное ядро туристической привлекательности для реализации широко известных маршрутов для внутреннего и международного туризма в регионе: Большое и Малое Золотые кольца Алтайского края. Но для придания объектам международного статуса ЮНЕСКО требуется проведение определенных организационных работ и принятие ряда управленческих решений. В частности, создание необходимой инфраструктуры, финансово-экономическая поддержка для развития материальной базы геопарка, подготовка наглядно-информационных материалов и т. п. Таким образом, хотя уникальность объекта для придания мирового статуса не вызывает сомнений, все требования ЮНЕСКО для включения этого геопарка в Глобальную сеть пока не соблюдены. Осложняет эту деятельность невосприятие местным населением важности этого процесса, связанное с недостаточным информированием о перспективах развития территории геопарка после придания ему международного статуса.

Помимо названных причин сложности возникают из-за наличия у большей части территории геопарка статуса ООПТ регионального значения. В то же время пока в отечественном законодательстве не закреплён статус таких территорий, их совмещение с действующими категориями ООПТ вызывает определенные проблемы. В последние годы seriously обсуждается вопрос о включении некоторых участков Алтайского биосферного заповедника в границы территории геопарка «Алтай». Этот факт вызывает тревогу, так как такое включение может привести к очевидной уязвимости и понижению правового режима защищенности ценных объектов заповедника, вплоть до ущерба и потери видовой биоразнообразия, о чем справедливо предупреждает И.А. Игнатьева [5, с. 8, 9].

На сегодняшний день только один российский геопарк включен в Глобальную сеть геопарков ЮНЕСКО. Так, на 209-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО в июле 2020 г. геопарк «Янган-Тау» был

включен в список Глобальных геопарков ЮНЕСКО¹. Такое достижение стало возможным благодаря слаженной работе активистов продвижения проекта, профессионалов, ученых, заинтересованных госструктур Республики Башкортостан и Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО. Но самый главный аргумент – это уникальный набор представленных в заявке объектов. Геопарк создан региональным правовым актом Республики Башкортостан в 2017 г.²

В геологическое наследие геопарка «Янган-Тау», расположенного в Салаватском районе Башкортостана, входит 35 геологических объектов, многие из которых являются памятниками археологии (пещерные стоянки, курганы, городище, селища). Среди них 3 с международным статусом, а 10 объектов имеют российский статус (например, Идрисовская пещерная стоянка). 22 объекта важны в научно-образовательном плане, в том числе для обучения и развития наук геологического профиля.

Важным природоохранным фактором является распространение на территорию геопарка статуса ключевой орнитологической территории (КОРТ) России БС-022 (Уфимское плато), которая имеет не только национальную, но и международную значимость, а в 1990-х годах там планировалось создание национального парка³.

Кроме того, 9 природных и геологических объектов охраняются и входят в сеть региональных ООПТ. Особую ценность в составе геопарка представляет одноименная гора Янган-Тау, название которой в переводе означает «горящая гора». Название дано неслучайно, так как прогрев ее недр достигает 300 °С. Возраст пород геологических разрезов, представленных на территории парка, достигает 300 млн лет. Природные объекты геопарка представляют широкое видовое разнообразие. Результатом этого является включение отдельных видов растений и животных в Красные книги России и Республики Башкортостан, а также в Красный список МСОП. Поэтому очень важным остается, как и в случае с геопарком «Алтай», вопрос разумного сочленения и правового взаимодействия статуса территории геопарка со статусом действующих ООПТ регионального значения. Безусловным достоинством и привлекательным рекреационно-оздо-

¹ Первый в России. Геопарк «Янган-Тау» официально вошел в сеть ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: unesco.ru/news/41-yangan-tau/ (дата обращения: 17.10.2021).

² Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 18.10.2017 г. № 1009-р [Электронный ресурс]. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/25134/> (дата обращения: 10.10.2021).

³ КОТР Европейской России: Уфимское плато – БС-022 [Электронный ресурс]. URL: rbcu.ru/kotr/bs022.php (дата обращения: 17.10.2021).

ровительным бонусом geopарка «Янган-Тау» следует считать одноименный санаторий с более чем 80-летней историей. Санаторий стал дополнительным центром туристического притяжения к этой части горного Южного Урала и занимает по экономическим показателям лидирующее положение среди башкирских здравниц¹.

Несмотря на развитие в России в последние годы geopарков, до настоящего времени в отечественном законодательстве отсутствует как само определение, так и правовое понятие «геологический парк». В научной, природоохранной и справочной литературе применяются разные, но иногда довольно близкие по научному наполнению толкования этого понятия.

Так, по определению Г.В. Киш, «geopарк – это природоохранная территория национального значения, на которой размещены особо важные, редкие (или уникальные), эстетически привлекательные геолого-геоморфологические объекты, которые имеют научную, образовательную и рекреационную ценность»².

Развернутое определение геологического парка представлено в информационной публикации Института географии РАН: «Geopарк – имеющий особый охраняемый статус регион, на территории которого наглядно раскрывается геологическая история Земли, формирования местных ландшафтов, образования пород и месторождений полезных ископаемых, сохранились в массовом порядке ископаемые останки доисторических животных»³.

Но самое детальное и развернутое определение, отражающее все цели создания geopарков, представлено в одном из нормативных документов ЮНЕСКО – «Руководстве и критериях по разработке geopарков»: «...географический район, где геологические объекты наследия попадают под целостную концепцию защиты, образования и устойчивого развития. Geopарк должен включать в себя территорию, отражающую целую географическую обстановку региона, и не должен исключительно включать места геологического значения. Георазнообразие, биоразнообразие и культура, кроме того, материальное и нематериальное наследие должны

¹ «Янган-Тау» остается лидером санаторно-курортной сети Башкортостана [Электронный ресурс]. URL: <https://ufa.plus.rbc.ru/partners/5e2fc0987a8aa92d26b3b8df> (дата обращения: 17.10.2021).

² Киш Г.В. Geopарки как форма развития геотуризма [Электронный ресурс]. URL: <https://dspace.uzhnu.edu.ua/jspui/bitstream/lib/21463/1/Киш%20geopарк.pdf> (дата обращения: 17.10.2021).

³ Конференция ЮНЕСКО и geopарк «Алтай» [Электронный ресурс]. URL: <http://nashaltay.ru/konferentsiya-yunesko-i-geopark-altaj/> (дата обращения: 17.10.2021).

быть отражены таким образом, что негеологические объекты должны быть выдвинуты на первый план как неотъемлемая часть каждого геопарка, особенно когда их значимая роль как части ландшафта может быть продемонстрирована посетителям. Поэтому необходимо также включить и выдвинуть на первый план места скопления экологических, археологических, исторических и культурных ценностей в пределах каждого геопарка. Во многих обществах природная, культурная и общественная история неразрывно связана и не может быть разделена»¹ [15].

Кроме объектов, представляющих прямое геологическое наследие, геопарки, как правило, могут охватывать иные привлекательные ресурсы: археологические и исторические, экологические и культурные. Важным фактором является то, что территории геопарков или отдельные их объекты должны иметь научную и образовательную ценность, уникальность и рекреационную привлекательность. Именно это условие предопределяет широкий зарубежный опыт, когда параллельно с созданием сети геопарков развивается новый вид туризма – геотуризм, который служит преимущественно просветительским и социо-экологическим целям.

Карельские ученые Н.В Колесникова и Н.М Хуусконен выделяют горно-геологический туризм, считая его «разновидностью природного туризма, который основан на посещении природных ландшафтов, в том числе памятников природы на особо охраняемых природных территориях» [6, с. 61–62]. К природному туризму они относят виды туризма, основанные на использовании ресурсов окружающей природной среды, включая потенциал ландшафтов, рельефа местности, а также ресурсов флоры, фауны и водных. Геотуризм обозначает путешествия, приуроченные преимущественно к геологическим объектам, а также к уникальным ландшафтам. Но понятие «природный туризм», как и понятие «геологический туризм», пока не имеет конкретного правового толкования.

Геотуризм можно рассматривать как одну из форм экологического или познавательного туризма, а вот подобные термины пока не имеют устоявшегося нормативно-правового определения и толкования, хотя активно используются не только в научных публикациях, но и в отечественных правовых актах. Например, понятие «познавательный туризм»

¹ Глобальные геопарки ЮНЕСКО и устойчивое развитие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iphsph.ru/priroda-klimat/2892-globalnye-geoparki-yunesko-i-ustojchivoe-razvitie> (дата обращения: 17.10.2021).

используется в нормативно-правовом акте Росстата¹, а понятие «природно-познавательный туризм» – в нормативно-правовом акте Минэкономразвития России – Классификаторе видов разрешенного использования земельных участков². Понятие познавательного туризма используется и в ряде научных публикаций [7]. В некоторых правовых актах применяется термин «культурно-познавательный туризм», например, в одном из прогнозных документов, разработанных Минэкономразвития России³.

Еще более употребляемым и устоявшимся является понятие «экологический туризм». Так, данный термин зафиксирован в названии государственного стандарта «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования», в котором приводится следующее определение экологического туризма: «Деятельность по организации путешествий, включающая все формы природного туризма, при которых основной мотивацией туристов является наблюдение и приобщение к природе при стремлении к ее сохранению»⁴.

Проблематике экологического туризма посвящен одноименный учебник Т.К. Сергеевой, в котором довольно основательно рассмотрена история возникновения и современное состояние экологического туризма, определены его базовые принципы, рассмотрены перспективы развития и мировые тенденции экотуризма, его виды. Детально исследованы мировые центры экологического туризма и экотуризм в России [8, с. 21–23, 33, 57–58, 77, 177].

Профессор М.И. Васильева, исследуя термин «экологический туризм», указывает, основываясь на экспертных оценках, на 15-процентную долю экологического туризма в общем объеме российского туризма. Автор приходит к выводу о встраивании экологического туризма в

¹ Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за сельским хозяйством и окружающей природной средой : приказ Росстата от 21.07.2020 № 399 (с изм. от 26.08.2021) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/poznavatelnyj_turizm/ (дата обращения: 10.10.2021).

² Классификатор видов разрешенного использования земельных участков, утв. приказом Минэкономразвития России от 01.09.2014 № 540, зарег. в Минюсте России 08.09.2014 № 3399 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikazminekonomrazvitija-rossii-ot-01092014-n-540/> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: government.ru (дата обращения: 10.10.2021).

⁴ ГОСТ Р 56642-2015 «Туристские услуги. Экологический туризм», утв. приказом Росстандарта от 14.10.2015 № 1562-ст [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200124943> (дата обращения: 10.10.2021).

структуру экономических механизмов развития территорий, рассматривает общие и отличительные характеристики экологического и познавательного туризма, отделяет один вид туризма от другого. М.И. Васильева определяет познавательный туризм на ООПТ как «ограниченный вид экологического туризма, имеющий особенности, связанные с необходимостью соблюдения режима особой охраны данных территорий, а также с тем, что познавательный туризм является для ООПТ формой экологического просвещения, а не бизнеса». Экологический туризм на ООПТ она определяет как рекреационно-познавательный туризм [9, с. 34, 36, 38].

Понятие «экологический туризм» в качестве отдельного, самостоятельного вида туризма было выделено еще в подзаконных актах 1990-х годов, что доказывает ведомственный нормативный акт Госкомэкологии РФ¹. Позднее это понятие внедрено и в законодательный акт. Так, в Федеральном законе «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» указано, что «инфраструктура поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства включает в себя центры развития сельского и экологического туризма»². В другом нормативно-правовом акте поставлена задача развития экотуризма в местах традиционного проживания малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с участием аборигенных жителей и с учетом их традиционных видов хозяйственной деятельности³.

Необходимость развития экологического туризма отражена в нескольких стратегических документах, касающихся социально-экономического развития всех федеральных округов. Например, в разделе 5 «Туристический потенциал» Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.⁴ указаны не

¹ Примерный перечень работ и услуг природоохранного назначения, утв. Госкомэкологией РФ 06.09.1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753972> (дата обращения: 17.10.2021).

² О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.10.2021).

³ Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утв. Распоряжением Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902142304?marker=6540IN> (дата обращения: 17.10.2021).

⁴ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/74150/> (дата обращения: 17.10.2021).

только такие виды, как экологический и культурно-познавательный туризм, но также археологический, спелеологический, этнографический, паломнический, горнолыжный разновидности туризма, которые вполне могут называться геотуризмом.

Важную роль в конкретизации и закреплении понятия экологического туризма играет документ стратегического планирования сферы туризма. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г.¹ предусматривает разработку самостоятельной концепции развития экотуризма в стране в обозначенный период. Концепция предусматривает разработку обоснования «перехода к модели экологического туризма как комплексному направлению, обеспечивающему взаимосвязь туризма, культуры и экологии, а также представляющему современный подход к организации экологического туризма на особо охраняемых природных территориях, прежде всего национальных парков, в целях обеспечения их устойчивого развития за счет создания условий для комплементарного взаимодействия инвестиционной, туристской (в том числе научно-познавательной и рекреационной) и социальной деятельности с учетом ландшафтной, природоохранной специфики и антропогенной нагрузки на территорию». Необходимо учитывать дуализм экологического туризма, который, являясь видом экологического предпринимательства, одновременно выполняет эколого-просветительскую функцию.

Таким образом, именно указанный стратегический документ открывает реальные возможности для встраивания в отечественное эколого-правовое пространство довольно нового для России вида охраняемой территории, какой являются геопарки, так как деятельность любого геопарка и тем более объекта со статусом Всемирного наследия ЮНЕСКО без туристической деятельности немыслима. Международный опыт показывает, что геопарки, как правило, создаются на основе уже существующих охраняемых территорий. Это могут быть разновидности охраняемых природных территорий (например, национальные или ландшафтные парки, резерваты) или историко-культурные местности (парки культуры, исторические центры). Но обязательно в пределах подобных местностей должны находиться ценные объекты геологического наследия.

Многоцелевая природа создания геопарков (сбережение редких объектов геологического наследия, развитие геотуризма и др.) привела к

¹ Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/561260503 (дата обращения: 17.10.2021).

необходимости повышенного внимания к перспективному механизму становления и развития геопарков, каким является государственно-частное партнерство. Именно такой инструмент позволяет эффективно совмещать интересы всех заинтересованных сторон: региональных органов государственной власти, муниципалитетов, геологической науки, представителей бизнес-сообщества и местного населения причастных регионов.

Как указано, одних объектов геологической природы для придания статуса геопарка недостаточно. Дополнительно должна быть достаточная площадь с геологическими достопримечательностями, очерченная определенными границами, должна быть создана эффективная структура управления для устойчивого развития геотуризма. При этом для популяризации геологических и природоохранных знаний при геопарках, как правило, создаются геологические музеи с макетом природных и геологических особенностей территории геопарка, с коллекций минералов данной местности или всего близлежащего региона. Часто для наглядности и удобства туристов издаются путеводители по уникальным природным и геологическим памятникам геопарков (как в печатном виде, так и в форме аудиогидов и GPS-экскурсий), демонстрируются научно-популярные фильмы об объектах парка и создается большое количество туристско-просветительских материалов. Эта популяризационная и просветительская миссия геопарков роднит их с некоторыми категориями ООПТ, в том числе с самой распространенной для развития туризма разновидностью ООПТ – национальными парками.

Многие отечественные горно-геологические объекты или их составляющие являются действующими памятниками природы и представляют определенную природную ценность. Такие объекты как разновидности ООПТ находятся под охраной ряда общих норм экологического законодательства и специального Закона об ООПТ¹.

Согласно ст. 25 Закона об ООПТ памятники природы представляют собой «уникальные, невосполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношении природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения». Спектр объектов, отнесенных к памятникам природы, весьма разнообразен. Это представляющие научную ценность уникальные формы рельефа и неповторимые ландшафты, разнообразные геологические обнажения и т. п.

¹ Об особо охраняемых природных территориях : федер. закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.12.2020).

В первую очередь это горные склоны, скалы, утесы, пещеры, ущелья, каньоны, вулканы, холмы, ледники, моренно-валунные гряды, дюны, барханы, гроты, водопады, гейзеры, родники, истоки рек, разрезы, выходы редких минералов, горных пород и полезных ископаемых, геолого-географические участки со следами сейсмоявлений, места нахождения редких палеонтологических объектов, места гнездования птиц, деревья-долгожители, экзотические и реликтовые растения и др. В отдельных случаях геопарки одновременно являются природными парками или их относят к национальным паркам, то есть территории геопарков пересекаются и совпадают с участками нескольких разновидностей ООПТ.

Чтобы избежать негативных тенденций, назрела необходимость правового встраивания статуса геопарков в современное экологическое законодательство, возможно, в качестве дополнительной самостоятельной категории ООПТ. Это будет весьма своевременной мерой, способствующей общенаучным, природоохранным и рекреационным интересам причастных регионов, что позволит стимулировать эффективное развитие территорий, их социально-экономический рост и развитие туризма. При правовом закреплении статуса геопарков как разновидности особо охраняемой территории (что, скорее всего, должно произойти в ближайшее время) очень важно не допустить дополнительного правового и смыслового размывания основной природоохранительной функции, ради которой создавались подобные отечественные ООПТ. Автор настоящей публикации неоднократно отмечала в своих работах подобную тенденцию в законотворческой практике последних лет как опасную, создающую серьезную угрозу сохранению биологического разнообразия [10, с.18].

Подводя итог, можно отметить, что богатый опыт зарубежных стран по созданию и функционированию геопарков и пока очень небольшой российский опыт позволяют сделать вывод о перспективности развития системы геопарков. Их роль как объектов культурного и геолого-исторического наследия с каждым годом возрастает. Колоссальный потенциал уникальной российской природы, ее многообразного геологического наследия позволяет успешно развивать это направление рационального использования созданных природой геологических объектов. Однако тема развития геопарков на современном этапе требует в России не только научной и организационной поддержки, но и серьезного законодательного обеспечения и финансового вливания.

Библиографический список

1. Ковалев С.Г. Геопарки как основа неиндустриального развития территорий // Геологический вестник. 2019. № 3. С. 3–11. URL: http://geolvestnik.ru/File/2019/03/2019_03_01.pdf.
2. Zouros N.C. European Geoparks Network: transnational collaboration on Earth heritage protection, geotourism and local development // Geoturystyka. 2008. № 1 (12). Р. 3–22.
3. Неронов В.М., Луцкекина А.А. История и дальнейшие задачи развития программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (МАБ) и сети биосферных резерваторов в России // Международные отношения и мировая политика. 2018. № 5 (4). С. 336–350. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-4-336-350>.
4. Редькин А.Г., Отто О.В. Геопарк как новое направление развития туризма в горных районах Алтайского края // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2016. Вып. 4 (2). С. 10–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopark-kak-novoe-napravlenie-razvitiya-turizma-v-gornyh-rayonah-altayskogo-kрая>.
5. Игнатьева И.А. Туризм и ООПТ в России: неразрывная связь или непримиримое противоречие // Степной бюллетень. 2019. № 53. С. 7–12.
6. Колесникова Н.В., Хуусконен Н.М. Геопарки как основа развития горно-геологического туризма // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7-3. С. 60–63.
7. Шипшинская Р.Г. Познавательный туризм как важное направление деятельности по духовно-нравственному развитию общества // Образование и воспитание. 2016. № 1 (6). С. 11–14. URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/25/671>.
8. Сергеева Т.К. Экологический туризм : учебник. М. : Финансы и статистика, 2004. 360 с. URL: <https://knigogid.ru/books/1859917-turizm-uchebnik-dlya-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-turistskogo-profilya/toread>.
9. Васильева М.И. К юридическому определению понятия экологического туризма // Lex Russica. 2020. № 4. С. 34–52.
10. Злотникова Т.В. Современные тенденции правового регулирования охраны и использования особо охраняемых природных территорий // Экологическое право. 2019. № 2. С. 13–19.

Дата поступления: 15.11.2021

ZLOTNIKOVA Tamara Vladimirovna

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Land Law and State Registration of Real Estate, Moscow State University of Geodesy and Cartography (MIIGAiK), Honored Ecologist of the Russian Federation, Honorary Worker of Environmental Protection, Academician of the Russian Ecological Academy (REA), Moscow, Russia; tzlotnikova@yandex.ru

**INTERNATIONAL AND REGIONAL EXPERIENCE
IN THE DEVELOPMENT OF GEOPARKS
AS A LEGAL FRAMEWORK
FOR CHANGING ENVIRONMENTAL LEGISLATION**

The article is dedicated to the study of foreign and the first national experience in the creation and operation of geoparks and their legal regulation. **Purpose:** to analyze the problems of creating geoparks and the development of the national network of geoparks, their integration into the Global Network of Geoparks under the auspices of UNESCO, to make proposals on the legal regulation of geoparks. **Methods:** the author uses comparison, description, dialectical logic, interpretation of legal norms, comparative law method. The foreign and national experience of creating geoparks is analyzed. The current state of the Global Network of Geoparks under the auspices of UNESCO is considered. Various definitions of the concept of a geological park, its goals and functions are given. The approximate procedure of actions and conditions for the entry of the territory into the global network of geoparks are considered. A generalized core goal for the creators of geoparks is formulated. The unique geological structure and natural characteristics of the most interesting objects of the first Russian geoparks: «Altai» and «Yangan-Tau» are shown. A comparative analysis of the legal status of some categories of specially protected natural territories and geoparks has been carried out. **Results:** the study leads to the conclusion that the concept of geoparks should be incorporated into modern environmental legislation as an additional independent category of protected areas. It is noted that the issues of creation and legal regulation of geoparks on the territory of Russia are very timely and correspond to the scientific, environmental and recreational interests of the regions, contribute to the effective development of territories and their socio-economic development.

Keywords: geopark; geological heritage; Global network of geoparks; World Natural Heritage; geological tourism; ecological tourism; natural and educational tourism; legal regulation; sustainable development of territories.

References

1. Kovalev S.G. Geoparks as the basis for non-industrial development of territories. *Geologicheskij vestnik = Geological Bulletin*, 2019, no. 3, pp. 3–11. Available at: http://geolvestnik.ru/File/2019/03/2019_03_01.pdf.
2. Zouros N.C. European Geoparks Network: transnational collaboration on Earth heritage protection, geotourism and local development. *Geoturystyka*, 2008, no. 1 (12), pp. 3–22.
3. Neronov V.M., Lushchekina A.A. History and future tasks of the development of the UNESCO Man and the Biosphere (MAB) program and the network of biosphere reserves in Russia. *Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = International Relations and World Politics*, 2018, no. 5 (4), pp. 336–350. Available at: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2018-5-4-336-350>.
4. Redkin A.G., Otto O.V. Geopark as a new direction of tourism development in the mountainous regions of the Altai Territory. *Nauka i turizm: strategii vzaimodejstviya = Science and Tourism: Interaction Strategies*, 2016, iss. 4 (2), pp. 10–16. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopark-kak-novoe-napravlenie-razvitiya-turizma-v-gornyh-rayonah-altayskogo-kрая>.
5. Ignatieva I.A. Tourism and protected areas in Russia: an inextricable link or an irreconcilable contradiction. *Stepnoj byulleten' = Steppe Bulletin*, 2019, no. 53, pp. 7–12. (In Russian).
6. Kolesnikova N.V., Huuskonen N.M. Geoparks as the basis for the development of mining and geological tourism. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii = Modern Research and Innovation*, 2015, no. 7-3, pp. 60–63. (In Russian).
7. Shipshinskayte R.G. Cognitive tourism as an important area of activity for the spiritual and moral development of society. *Obrazovanie i vospitanie = Education and Upbringing*, 2016, no. 1 (6), pp. 11–14. Available at: <https://moluch.ru/th/4/archive/25/671>.

8. Sergeeva T.K. *Ekologicheskij turizm* [Ecological tourism]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2004. 360 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1859917-turizm-uchebnik-dlya-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-turistskogo-profila/toread>.

9. Vasilyeva M.I. The Legal Definition of the Concept of Ecotourism. *Lex Russica*, 2020, no. 4, pp. 34–52. (In Russian).

10. Zlotnikova T.V. Modern trends in the legal regulation of the protection and use of specially protected natural areas. *Ekologicheskoe pravo = Environmental Law*, 2019, no. 2, pp. 13–19. (In Russian).

Received: 15.11.2021

УДК 342

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.3

ЛАФИТСКИЙ Владимир Ильич

профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, вице-президент Фонда конституционных реформ, член научно-консультативного совета и приглашенный профессор Международной антикоррупционной академии (Лаксенбург, Австрия), член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Париж, Франция), заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации по научной работе (2007–2015), замещающий член Венецианской комиссии Совета Европы (2013–2017), г. Москва, Россия; vlafitskiy@gmail.com

**ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ
В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН¹**

Цель статьи – изучение процессов воздействия глобального кризиса на экономическое, социальное и правовое развитие современного мира. Для этого использовались научные **методы**: системный, исторический, сравнительно-правовой; был изучен большой массив актов международного права и законодательства России и зарубежных государств. В **результате** автор выявляет процессы трансформации существующих моделей правового государства и обосновывает предложения, направленные на укрепление его основ, в том числе посредством пересмотра разграничения предметов ведения между государством и территориальными образованиями, с целью концентрации ресурсов и средств в условиях глобального кризиса, отказа от абсолютизации прав и свобод личности, полноценной защиты общеправовых ценностей и общих интересов государства и общества, восстановления преемственности и единства правового развития, повышения качества и более широкого применения упреждающих (действующих на опережение) антикризисных законодательных актов, укрепления роли правоведов.

¹ В основе статьи – материалы открытой лекции, прочитанной автором 14 октября 2021 г. в Тамбовском государственном техническом университете.

Ключевые слова: глобальный кризис; правовое государство; правовые механизмы противодействия кризисным явлениям; территориальные образования; антикризисное законодательство; международное сообщество.

Эпоха перемен как фактор социально-экономического и правового развития современного мира. В конце XX в. мир вступил в новую эпоху перемен [1], о чем свидетельствуют многие события: крушение мировой системы социализма, распад СССР, Югославии, ряда других многонациональных государств при сохранении неразрешенных территориальных споров; обострившиеся с начала XXI в. межнациональные и межконфессиональные столкновения; стремительно распространяющаяся с 2020 г. коронавирусная пандемия, оборвавшая жизни около 5 млн человек, в том числе более 200 тыс. граждан Российской Федерации; глобальные изменения климата и новые технологические процессы, многократно увеличивающие вероятность разрушительных природных и техногенных катастроф; деградация и забвение ценностей права.

Нарастание уровня угроз, рисков, потерь подтверждают официальные сайты многих международных организаций. В частности, Организация Объединенных Наций, отмечая такие угрозы, как коронавирусная пандемия, ухудшение ситуации в вопросах мира и безопасности, стагнация экономики, применение устаревших методов управления и решений, «разрушающих природу и вызывающих раскол в обществе»¹, с тревогой указывает на то, что «более 700 миллионов человек, или около 10 % населения мира ... живут в условиях крайней нищеты», что в результате пандемии глобальный уровень нищеты может вырасти еще на полмиллиарда человек, или на 8 % от общей численности населения², что «в мире голодают почти 690 миллионов человек, или 8,9 процента населения мира»³, что «несмотря на обещания сокращать выбросы парниковых газов в рам-

¹ Укрепление жизнестойкости с верой в будущее [Электронный ресурс] // ООН : сайт. URL: <https://www.un.org/ru/content/summits2021> (дата обращения: 15.09.2021).

² Цели в области устойчивого развития. Цель 1: Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах [Электронный ресурс] // ООН : сайт. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/poverty> (дата обращения: 15.09.2021).

³ Цели в области устойчивого развития. Цель 2: Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства [Электронный ресурс] // ООН : сайт. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/hunger> (дата обращения: 15.09.2021).

ках борьбы с изменением климата, многие государства планируют к 2030 году добывать вдвое больше ископаемого топлива»¹.

Столь же тревожные информационные материалы, более привычные для военного, чем для мирного времени, наполняют официальные сайты Организации экономического сотрудничества и развития, правительств и глав значительного числа государств, в том числе США, Франции, Германии, Аргентины.

Так, на официальном сайте Президента США центральное место среди информационных и аналитических материалов занимают материалы, посвященные кризисным явлениям и мерам по их предупреждению либо устранению их последствий. В частности, в соответствии с проектом федерального Закона «О двухпартийной программе инфраструктурных инвестиций и создания рабочих мест»² планируется осуществление в 2021–2030 гг. следующих мер: создание 2 млн рабочих мест в год; реализация мер по обузданию глобального климатического кризиса; обеспечение устойчивого развития экономики; выравнивание существующих диспропорций в социальной и экономической сферах; расширение и модернизация транспортных инфраструктур, в том числе капитальный ремонт 45 тыс. мостов, 34 600 миль автомагистралей и основных дорог; обновление и увеличение потенциала общественного железнодорожного и автомобильного транспорта, в том числе электро-транспортных средств; обеспечение доступности и внедрение высокоскоростных коммуникационных технологий; рекультивация почв и восстановление водных источников, загрязненных в результате природных и техногенных причин; принятие иных мер, направленных на повышение конкурентоспособности в XXI в. американских рабочих, фермеров, предпринимателей и национальной экономики в целом³.

Эпоха перемен меняет векторы развития не только экономики, социальной сферы, но и правовой системы, что подтверждают и планируемые к рассмотрению в Конгрессе США проекты законов и другие

¹ В ООН встревожены намерением многих правительств увеличить добычу нефти и газа [Электронный ресурс] // ООН : сайт. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/10/1412212> (дата обращения: 15.09.2021).

² Законопроект утвержден Палатой представителей 1 июля 2021 г., Сенатом – 10 августа 2021 г. В настоящее время идет процесс согласования между палатами Конгресса США отдельных его положений.

³ Updated Fact Sheet: Bipartisan Infrastructure Investment and Jobs Act [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/02/updated-fact-sheet-bipartisan-infrastructure-investment-and-jobs-act> (date accessed: 15.09.2021).

процессы правового развития, символом которых стал День права (Law Day)¹, который 1 мая 2022 г. будет отмечаться под лозунгом «К более совершенному Союзу: Конституция в эпоху перемен» (Toward a More Perfect Union: the Constitution in Times of Changes).

Приоритетное развитие антикризисного законодательства последовательно осуществляется в ряде других государств, которые мобилизуют свои ресурсы в ожидании либо из опасений более разрушительных волн эпохи перемен. И каждое из них ищет свой путь решения проблем.

Например, во Франции антикризисная политика в значительной мере определяется стратегическими задачами социального, экономического, технологического развития, которые установлены программными документами. В частности, Программа «Франция 2030 года», инициированная Президентом Э. Макроном, включает десять приоритетных задач (целей) национального развития, в том числе: создание небольших ядерных реакторов инновационного поколения с более совершенными методами утилизации отходов; отказ от угольной энергетики; производство транспортных средств с электрическими либо гибридными двигателями; осуществление инвестиций в создание новых лекарственных препаратов; возвращение Франции прежних лидерских позиций в развитии культуры и творчества и др.²

Франция стала инициатором многих программ, реализуемых в рамках антикризисной политики Европейского союза³. Некоторые антикризисные инициативы выдвигались Францией совместно с другими государствами, в частности, для решения задач по преодолению послед-

¹ День права (Law Day) ежегодно отмечается в США 1 мая. Впервые был установлен Президентом США Д. Эйзенхауэром в 1958 г. (Прокламация от 03.02.1958) с целью подчеркнуть значение права в развитии государства и общества и вместе с тем противопоставить его международному Дню труда как символу социализма. День права как общенациональный памятный день подтвержден федеральным Законом от 07.04.1961 (Public Law 87-20).

² Франция 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/france2030> (дата обращения: 15.09.2021).

³ По данным официального сайта Президента Франции, Э. Макрон выдвинул 63 инициативы по совершенствованию институтов и политики Европейского союза. Из этих инициатив 34 были успешно осуществлены, 20 проходят стадии обсуждения и согласования с органами Европейского союза, 9 находятся на стадии проектирования соответствующих документов.

ствий коронавирусной пандемии¹, по сдерживанию глобального изменения климата² и т. д.

Предпринимаемые международным сообществом, интеграционными объединениями, отдельными государствами меры по сдерживанию природных и техногенных, геополитических и внутригосударственных социальных, экономических, иных стихий меняют не только научные доктрины и восприятие в общественном сознании концепций правового государства, но и те формы и содержание, которые оно приобретает в эпоху перемен.

Правовое государство: новые векторы развития.

1. Эпоха перемен требует от правового государства предельной концентрации ресурсов и средств. Эту задачу невозможно решить без пересмотра существующего разграничения предметов ведения и полномочий между государством, региональными и местными территориальными образованиями (в федеративных государствах – между федерацией, субъектами федерации и муниципальными образованиями) с целью расширения полномочий общенациональных органов власти. В необходимости таких реформ убеждает анализ действующих программ противодействия коронавирусной пандемии. Наибольшего успеха в их реализации добились в основном небольшие государства, в которых полномочия, ресурсы, средства концентрируются на общенациональном уровне, а также некоторые крупные государства, в которых, как в Китае, центральная власть взяла на себя всю полноту ответственности за борьбу с пандемией.

2. Следующее направление преобразования правового государства – временный (на срок действия кризисных явлений) отказ от абсолютизации индивидуальных прав, свобод, интересов. Защита, поддержка, создание условий для более широкой реализации прав и свобод личности – один из важнейших факторов устойчивого экономического, социального, духовного развития государства и общества, но только на этапе

¹ См.: Совместная франко-германская инициатива по восстановлению Европы после кризиса, вызванного коронавирусной пандемией [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/05/18/initiative-franco-allemande-pour-la-relance-europeenne-face-a-la-crise-du-coronavirus> (дата обращения: 15.09.2021).

² См.: Совместное заявление о расширении задач Европейского союза по сдерживанию изменений глобального климата к 2030 г., поддержанное Данией, Эстонией, Финляндией, Францией, Ирландией, Латвией, Люксембургом, Нидерландами, Португалией, Испанией и Швецией [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/10/16/declaration-conjointe-sur-la-revision-de-lobjectif-climatique-2030-de-lunion-europeenne> (дата обращения: 15.09.2021).

их безмятежной, стабильной эволюции. В условиях нарастания рисков и угроз глобального кризиса, угрожающих существованию не только отдельных государств, но и цивилизации в целом, ограничения прав и свобод личности неизбежны, что можно подтвердить множеством примеров, в том числе последней волны глобального кризиса.

В частности, Конституционный суд Чехии в решении от 28 апреля 2020 г. подтвердил, что Правительство Чехии имело право объявить чрезвычайное положение в связи с коронавирусной пандемией, что это решение может быть оспорено в порядке парламентского, а не судебного контроля и что чрезвычайное положение может быть признано недействительным только в том случае, если оно противоречит основополагающим принципам демократического правового государства (Rechtsstaat) либо изменяет его основные черты. Правомерность введения чрезвычайного положения была подтверждена Конституционным судом Чехии в ряде других решений, в том числе от 9 февраля 2021 г.

Необходимость ограничительных мер в условиях коронавирусной пандемии неизменно подчеркивает Европейский суд по правам человека, отклоняя доводы заявителей либо не принимая к рассмотрению дела, оспаривающие антиковидные требования, в том числе решения о принудительной вакцинации¹.

3. В законодательной и правоприменительной практике предпочтение отдается общеправовым (конституционным) ценностям, а не индивидуальным правам и свободам. В этой связи следует отметить, что основная цель государства и общества – достижение общего блага и что никакие права и свободы личности не могут препятствовать этой цели, давшей жизнь первым формам общественного и государственного устройства.

В древнем учении коренных народов Южной Африки Убунту (Ubuntu) эта цель отражена в завете «Я существую, потому что мы существуем», требующем гармонизации отношений и уважения к интересам каждого члена родовых и племенных общин. Эта цель, воплощенная в указанном завете Убунту, и сейчас, по свидетельству Президента

¹ См., в частности, решения от 05.11.2021 по делу «Ле Майло против Франции» (Le Mailloux v. France), от 07.10.2021 по делу «Замбрано против Франции» (Zambrano v France), от 08.06.2021 по делу «Унсал и Тимтик против Турции» (Unsal and Timtil v. Turkey) и др.

ЮАР С. Рамафосы, хранит межэтнический и межконфессиональный мир, став «ключевым фактором национального развития»¹.

Такие же функции защиты и консолидации общественных и государственных структур осуществляют коранические заветы социальной солидарности исламских государств; конфуцианские идеи Дао – Праведного пути Китая; буддистские заповеди милосердия Юго-Восточной и Центральной Азии; христианские идеалы Царства Божия, воплощенные в законодательстве ряда стран Европы, Северной и Латинской Америки; традиционные духовно-нравственные ценности добра и справедливости, отраженные в преамбуле Конституции РФ.

4. Чтобы усилить антикризисный потенциал правовых механизмов и средств, необходима ревизия действующего законодательства с целью его очищения от продуктов забвения, искаженного восприятия, деградации основополагающих принципов государства и общества. Правовое государство не может мириться с сохранением законодательных норм, ориентированных на защиту частных, а не общих интересов, а также на создание и сохранение экономических, социальных, политических, иных привилегий и льгот. Меры по защите общих интересов, укрепляющие фундамент и несущие конструкции правового государства, позволят ему устоять под натиском бушующих потоков природных, техногенных, социальных, экономических, иных стихий эпохи перемен.

5. В результате процессов глобализации многие национальные правовые системы утратили связь с духовным и культурным наследием прошлого, в котором они были рождены и в котором обретали жизненные силы. Без такого источника жизни национальные правовые системы обречены на увядание. Эту закономерность одним из первых открыл блистательный Ф.К. фон Савиньи, утверждавший, что «право развивается вместе с народом, формируется вместе с ним и, наконец, умирает, как только народ утрачивает свое своеобразие» [2, с. 133].

6. В эпоху перемен распалась не только связь времен, но и правовое пространство. Оно раскалывается под воздействием геополитических, миграционных, демографических, социальных, иных процессов. Как следствие, ослабевают потенциал всей вертикали правового воздействия – от локальных структур отдельных государств до глобальных международных организаций. В числе приоритетных задач правового

¹ Выступление Президента ЮАР 24.09.2019 на торжествах, посвященных Дню наследия (Heritage Day) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thepresidency.gov.za/speeches/address-president-cyril-ramaphosa-occasion-heritage-day-2019%2C-mxolisi-dicky-jacobs-stadium%2C> (дата обращения: 15.09.2021).

государства в условиях глобального кризиса – восстановление роли каждого из звеньев вертикали правового воздействия, развитие и укрепление международного сотрудничества в решении задач предупреждения кризисных явлений и устранении их последствий. Для этого важно обеспечить упреждающее принятие международно-правовых документов, но такое происходит крайне редко.

Приведу один пример. В 2014 г. автор статьи совместно с А.А. Каширкиной и А.Н. Морозовым разработал проект Конвенции ООН по предупреждению и ликвидации последствий техногенных и природных катастроф [3]. Проект, подготовленный по поручению Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, получил высокую оценку, но не был реализован, поскольку Министерство иностранных дел России не нашло времени либо не имело желания обеспечить его продвижение через структуры ООН.

Возможно, такая пассивность дипломатов, чиновников и законодателей объясняется надеждами на естественное угасание кризисных явлений либо их верой в возможность использования существующих правовых средств для смягчения или устранения негативных последствий глобального кризиса. Но такие упования, обрекающие на пассивное ожидание чуда, ведут не к спасению, а к уничтожению государства, а при более «благоприятном» развитии событий – к неизбежному увеличению демографических, финансовых и иных потерь.

7. В эпоху перемен необходимо повысить качество законодательства. Из текстов многих конституционных и законодательных актов исчезли возвышенные, устремленные в вечность нормы. Вместо них появились положения, не оставляющие сомнений в их подлинных целях – отрицающие либо искажающие историческую правду; закрепляющие особые привилегии отдельных политических, социальных либо религиозных групп; опровергающие законы природы; подменяющие волю народа волей бенефициаров цифрового пространства; ведущие к деградации духовных ценностей, которые формировали и в течение тысячелетий хранили цивилизацию.

В подтверждение несколько примеров.

В 2015 г. в Конституцию Ирландии 1937 г. были внесены поправки, допускающие заключение однополых браков (ч. 4 ст. 41)¹ в на-

¹ Однополые браки легализованы с принятием 34-й поправки к Конституции, одобренной на референдуме 22.05.2015. См.: Thirty-fourth Amendment of the Constitution Act, 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/2015/ca/34/enacted/en/html> (date accessed: 15.09.2021).

рушение не только конституционных положений, подтверждающих приверженность канонам христианства, но и норм международного права, допускающих брак только между мужчиной и женщиной (ст. 12 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.; ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.; решение Комитета ООН по правам человека по делу «Жослин против Новой Зеландии» и т. д.).

Еще один пример – президентские выборы в США 2020 г., которые в результате несовершенства избирательного законодательства и массовых электоральных нарушений привели к самым драматичным событиям в США после Гражданской войны 1861–1865 гг., о чем свидетельствует не только насильственный захват Капитолия 6 января 2021 г., но и беспрецедентное вмешательство в электоральные процессы средств массовой информации и социальных сетей [4].

8. Одна из важнейших задач правового государства в эпоху перемен – признание и укрепление роли правоведов. Именно на них возложена миссия хранителей цивилизации, которую они осуществляли на протяжении многих веков, исполняя заветы священных писаний и волю духовных и светских пастырей народа, а иногда вступая в противостояние с ними, чтобы остановить деградацию общества и государства, исцелить «народ, потерявший рассудок»¹, возродить надежду и веру в право, воплощая в жизнь мечты о более совершенном общественном и государственном устройстве.

В настоящее время конституции более 70 государств, то есть каждый третий основной закон современного мира, упоминают правоведов, юристов, адвокатов, юридическую профессию в целом:

– указывая на связанные с ними вопросы как на предмет ведения центральных органов власти (конституции Австрии 1920 г., Мьянмы 2008 г., России 1993 г.);

– гарантируя их участие в судебных процессах по уголовным делам (основные законы Казахстана 1995 г., Кыргызстана 2010 г., Молдовы 1994 г., Новой Зеландии 1852 г., Вьетнама 1992 г. и т. д.) либо во всех судебных процессах (конституции Беларуси 1994 г., Лаоса 1991 г., Туркменистана 2008 г. и др.);

– устанавливая соответствующие квалификационные требования к судьям (конституции Испании 1978 г., Болгарии 1991 г., Черногории 2007 г., Сербии 2006 г., Литвы 1992 г., Украины 1996 г., Аргентины

¹ Втор.32:28.

1853 г., Коста-Рики 1949 г., Мексики 1917 г., Панама 1972 г., Никарагуа 1987 г., Уругвай 1966 г., Парагвай 1992 г., Турции 1982 г. и др.) либо к более широкому кругу государственных органов, включающему, помимо судов, органы прокуратуры, нотариата, высшие судебные советы (основные законы Армении 1995 г., Чили 1980 г., Колумбии 1991 г., Доминиканской Республики 2015 г., Гватемалы 1985 г., Гондураса 1982 г., Италии 1947 г.);

– закрепляя гарантии беспрепятственного осуществления юридической деятельности (конституции Алжира 2020 г., Грузии 1995 г., Португалии 1976 г.).

Отдельные основные законы устанавливают нормы, подчеркивающие особое значение миссии правоведов. В частности, Конституция Бразилии 1988 г. указывает, что «участие юристов является неотъемлемой частью отправления правосудия и что они не подлежат ответственности за свои действия либо выступления при осуществлении своей профессиональной деятельности в установленных законом пределах» (ст. 133).

Примечательны следующие положения Конституции Египта 2014 г.: юридическая профессия – независимая профессия; юристы вместе с судебными органами участвуют в решении задач правосудия, обеспечении верховенства права и права на защиту (ст. 198).

Отметим также нормы Конституции Таиланда 2017 г., которая включает в перечень основных направлений правовой реформы «реформирование системы юридического образования, подготовки и обучения юристов с целью превращения юристов-практиков в хорошо образованных правоведов, обладающих развитым правовым сознанием и соблюдающих морально-этические нормы юридической профессии» (п. 2 ч. «с» ст. 258).

Без решения этой задачи невозможно сохранить правовое государство. Как говорил Конфуций, «если подходящие люди есть, то эти принципы процветают. Если подходящих людей нет, то эти принципы угасают. ...Эффективность управления зависит от наличия [подходящих] людей»¹.

Библиографический список

1. Баренбойм П.Д., Лафитский В.И., Мау В.А. Конституционная экономика. М., 2001. 79 с.

¹ Чжун Юн 中庸 – Чжан 20 [Электронный ресурс]. URL: https://dao.jiao.ru/index.php/Чжун_Юн_中庸_-_Чжан_20 (дата обращения: 15.09.2021).

2. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права : [в 8 т.] / пер. с нем. Г. Жигулина ; под. ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. Т. 1. 510 с.

3. Лафитский В.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Проект Конвенции Организации Объединенных Наций по предупреждению и ликвидации последствий техногенных и природных катастроф // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5 (48). С. 876–883.

4. Лафитский В.И. Президентские выборы США 2020 г. в эпоху перемен // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 4. С. 12–18.

Дата поступления: 16.11.2021

LAFITSKY Vladimir Ilyich

Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University, Vice President of the Fund for Constitutional Reforms, Member of the Scientific Advisory Council and Visiting Professor of the International Anti-Corruption Academy (Laxenburg, Austria), Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law (Paris, France), Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Director for Scientific Work of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (2007–2015), Alternate Member of the Venice Commission of the Council of Europe (2013–2017), Moscow, Russia; vlafitskiy@gmail.com

THE RULE-OF-LAW STATE: DEVELOPMENT FACTORS IN THE ERA OF CHANGES

The **purpose** of the article is to study the processes of the impact of the global crisis on the economic, social and legal development of the modern world. For this, scientific **methods** are used: systemic, historical, comparative legal; a large array of acts of international law and legislation of Russia and foreign states are studied. As a **result**, the author identifies the processes of transformation of existing models of the rule-of-law state and justifies proposals aimed at strengthening its foundations. This can be achieved by revising the division of jurisdiction between the state and territorial entities in order to concentrate

resources and funds in the context of the global crisis, reject the absolutization of individual rights and freedoms, full protection of common legal values and common interests of the state and society, restore the continuity and unity of legal development, improving the quality and wider application of proactive anti-crisis legislative acts, strengthening the role of lawyers.

Keywords: global crisis; rule-of-law state; legal mechanisms for countering crisis phenomena; territorial entities; anti-crisis legislation; international community.

References

1. Barenboim P.D., Lafitsky V.I., Mau V.A. *Konstitucionnaya ekonomika* [Constitutional economics]. Moscow, 2001. 79 p.
2. Savigny F.C. von. *System des heutigen römischen Rechts*. Berlin, 1840. 540 s. (Russ. ed.: Savigny F.K.; Kutateladze O., Zubar V. (eds.). *System of modern Roman law*. Moscow, Statut Publ., 2011. Vol. 1. 510 p.).
3. Lafitsky V.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N. Draft United Nations Convention on the Prevention and Elimination of the Consequences of Technogenic and Natural Disasters. *ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2014, no. 5 (48), pp. 876–883. (In Russian).
4. Lafitsky V.I. The 2020 presidential elections in the USA in the era of changes. *Izбирatel'noe zakonodatel'stvo i praktika* = *Electoral Legislation and Practice*, 2020, no. 4, pp. 12–18. (In Russian).

Received: 16.11.2021

УДК 004.056; 34.05

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.4

OCHEREDKO Yulia Vladimirovna

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
of the Department of English for the Faculty of Social Communications
and the Faculty of Law, Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia; y-ocheredko@yandex.ru*

STARKOVA Laysyan Maratovna

*Teaching Assistant of the Department of International Law,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia; 5leska5@mail.ru*

**LEGAL ASPECTS OF COUNTERING THE CREATION
AND DISSEMINATION OF FAKE INFORMATION
ON THE INTERNET ON THE EXAMPLE OF THE DOMESTIC
LEGISLATION OF STATES AND THE PRACTICE
OF INTERNATIONAL REGIONAL ORGANIZATIONS**

The threat of the dissemination and influence of fake (unreliable, false) information can be regarded as one of the negative manifestations of the large-scale digitalization process that covered all spheres of social functioning and structure. Against the backdrop of the unfolding coronavirus epidemic, the threatening consequences of the rapid and uncontrolled process of disinformation in the global information space became especially evident. The phenomenon of fake information becomes a global threat, catastrophic in its destructive consequences. Effective counteraction to the growing threat of misinformation is possible only through an integrated approach that includes adequate and sufficient legal instruments. **Purpose:** to consider legal mechanisms to combat fake content, both at the level of national legislation of states and at the international level. In the course of the work, through the application of the **method** of comparative legal analysis, a study is conducted and an assessment is made of the existing approaches to the definition and normative binding of the category of «fake information»; highlighting the essential characteristics of this phenomenon, criteria for classifying this or that information as fake, researching the mechanism of criminalization of acts of creating and disseminating fake news in the information space using the example of the domestic legislation of individual states, as well as an

overview of existing international initiatives in this area, undertaken at the level of regional international organizations (for example, the EU), and universal measures (UN initiatives). **Results:** based on the results of the study, the authors come to the conclusion that it is necessary to develop a universal comprehensive international legal mechanism to counter the threat of the spread of fake information in the global information space, which should be based on generally binding principles of international law, in the first place respect and observance of human and civil rights and freedoms. Only such an approach seems to be the most effective and can be a kind of deterrent on the way of the desire of individual governments to establish censorship and excessive state control of the information space.

Keywords: fake information; disinformation; infodemia; digitalization; information society; information weapons; cybercrime.

The exchange of information can be considered as a basic property of any living community. Information exchange, as a basic determinant of the functioning of modern society, has reached a completely new level both in terms of the volume of information circulating and the speed of its dissemination. At the same time, there is an excessive increase in the level of information impact on various spheres of social development and structure, including social, economic, political, spiritual, et cetera. [1, c. 35].

All these processes lead to the necessity of structural transformations in the social structure – the actual transfer of the basic spheres of public life to digital platforms (primarily the spheres of economy, public administration, education, the financial sector, healthcare, and entrepreneurship). The task of large-scale digitalization is to ensure the fastest and most convenient access of users to socially useful and valuable information, to provide an opportunity for public discussion of significant public problems through collective interaction, and to increase the efficiency of information and knowledge exchange processes as a valuable resource. Meanwhile, the large-scale transition to the mass application of digital technologies has both positive and negative consequences. One of the negative manifestations of the transforming information environment can be considered the problem of widespread and systematic dissemination of so-called «fake» (unreliable, false) information. Its dissemination not only undermines the credibility of the content circulating on the Web, but also has a destructive impact and poses threats to the functioning of democratic institutions, privacy, including threats to the socio-political structure and state security.

A number of experts note the emerging trends of aggravation of the international information confrontation, which is already being conducted in

the form of so-called «information wars». Their characteristic feature is «a coordinated systematic activity aimed at using information as a weapon for destructive influence on the enemy in the economic, political, social and spiritual spheres. At the same time, it is a mistake to believe that the object of information warfare is exclusively information systems. Information weapons are a means of influencing people's consciousness, their behavior and psychological health in order to spread panic, disorientation and «zombification» of the population» [2, c. 356].

All this indicates an increased degree of public danger of the phenomenon of creating and spreading «fake information». What began as «unverified information» (and before the wide spread of the Internet was called «newspaper ducks») today has acquired the character of a global threat, catastrophic in its devastating consequences.

The growing threat of disinformation and the spread of fake news on a cross-border scale indicates the relevance of the researching the essence of this phenomenon, the characteristic criteria, forms, and methods of spreading fake information on the web, which in recent years has drawn the attention of representatives of various fields of science. The legal aspect of this problem was investigated in the works of D. Bebich, M. Volarevich [3], M.O. Zyryanova [4], A.S. Kurganova, N.A. Markova [5], S.V. Polishchuk [2], A.P. Sukhodulov [6], et cetera. The analysis of these works allows us to conclude that effective counteraction to the threat of fake disinformation can be implemented only through a comprehensive approach, including both technical measures and the development of appropriate legal tools.

On this basis, the purpose of this work was to consider the legal mechanisms for combating fake content, both at the level of national legislation of states and at the international level, which will further allow us to formulate proposals for improving and harmonizing legislation.

To implement the goal of the study, the following tasks were outlined:

- conducting a comparative legal analysis of existing approaches to the definition and normative consolidation of the category of «fake information»;
- identification of the essential characteristics of this phenomenon, criteria for classifying certain information as fake, criminalization of acts for the creation and dissemination of fake news in the information space on the example of the domestic legislation of various states;
- review of existing international initiatives in this area, undertaken at the level of regional international organizations (on the example of the EU), and universal measures (UN initiatives).

The request of law enforcement practice is reduced to the need to criminalize the acts of creating and distributing fake information, in order to establish responsibility for the so-called «disinformation», which can lead to serious consequences. Today, many States come up with a number of legislative initiatives aimed at creating a mechanism to counter the spread of fake information, its prohibition and criminalization of the designated acts.

There is a detailed analysis of national legislative initiatives in the field of countering the creation and dissemination of fake information on the example of the legislation of the Russian Federation, the Federal Republic of Germany, France, and Malaysia. The analysis is based on the identification of specific criteria. They are: 1) the definition and normative consolidation of the concept of «fake information»; 2) the essential characteristics of the phenomenon of disinformation and fake information; 3) the criteria for classifying this or that information as fake; 4) the criminalization of acts of creating and distributing fake information in the information space; 5) the procedure for blocking and deleting illegal content/subject of responsibility.

1. For example, a number of legislative amendments were introduced in the Russian Federation in March 2019. Federal Law No. 31-FL of 18.03.2019 «On Amendments to Article 15-3 of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection»¹ supplemented the list of types of information distributed in violation of the law, thereby fixing the category of «fake information» at the legislative level. Federal Law of March 18, 2019 No. 27-FL «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (hereinafter: Law No. 27-FL)»² established liability for the placement of deliberately unreliable socially significant information under the guise of reliable messages in information-telecommunication networks and mass media. Administrative responsibility for the dissemination of fake (unreliable) information is provided for in paragraphs 9, 10, 10.1 and 10.2 of Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation. At the same time, the differentiation of these administrative offenses is carried out according to the above-mentioned paragraphs of Article 13.15. The Administrative Code of the Russian Federation, de-

¹ О внесении изменений в статью 153 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : федер. закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 17.05.2021).

² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 03.18.2019 № 27-ФЗ [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180021?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 22.01.2021).

pending on the nature of the socially dangerous consequences that have occurred and the categories of subjects who have committed these actions. Thus, paragraphs 9, 10 of Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation provide for administrative liability for citizens, officials and legal entities, while paragraphs 10.1 and 10.2 of Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation provide for administrative liability only for legal entities. Further, it is worth noting the April amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation in 2020 in Articles 207.1, 207.2, criminalizing similar acts as paragraphs 10.1, 10.2 of Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation. It should be noted that the distinction between administrative responsibility provided for in Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation and criminal responsibility provided for in Articles 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is based on the criterion of subject composition, since administrative responsibility for offenses provided for in Paragraphs 10.1 and 10.2 of Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation is established for legal entities, but citizens, officials and managers of legal entities can be brought to criminal responsibility provided for in Article 207.1 of the Criminal Code and Article 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation¹. Thus, the current legislative framework of the Russian Federation in the field of combating fake information includes: Federal Law No. 149-FL of 27.07.2006 (ed. of 30.12.2020) «On Information, Information Technologies and Information Protection»²; Federal Law No. 31-FL of 18.03.2019 «On Amendments to Article 15-3 of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection»; Federal Law No. 27-Fl of 18 March 2019 «On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» (p. 9, 10, 10.1 and 10.2 Articles 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation); «Criminal Code of the Russian Federation» of 13.06.1996 N 63-L (ed. of 30.12.2020) (Articles 207.1, 207.2); Criteria for evaluating materials and (or) information necessary for decision-making by the Federal Service for Super-

¹ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2021).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.08.2006 № 149-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2021).

vision of Communications, Information Technologies and Mass Communications of May 18, 2017 № 84/292/351/MMV-7-2/461@¹.

Definition and normative consolidation of the concept of «fake information»: «unreliable socially significant information distributed under the guise of reliable messages, which creates a threat of harm to the life and (or) health of citizens, property, a threat of mass violation of public order and (or) public safety, or a threat of interference with the functioning or termination of the functioning of life-support facilities, transport or social infrastructure, credit organizations, energetic, industrial or communication facilities».

Essential characteristics of the phenomenon of disinformation and fake information:

- A sign of publicity: placement in information and telecommunication networks and mass media; public distribution;

- Intent: knowingly false;

- The nature of the information: socially significant information under the guise of reliable reports; information about the circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens, and (or) about the measures taken to ensure the safety of the population and territories, techniques and methods of protection against these circumstances;

- Socially dangerous consequences: the information must «create a threat of harm to the life and (or) health of citizens, property, a threat of mass violation of public order and (or) public safety, or a threat of interference with the functioning or termination of the functioning of life-support facilities, transport or social infrastructure, credit organizations, energetic, industrial or communication facilities»;

- «interference with the functioning of life-support facilities, transport or social infrastructure, credit organizations, energetic, industrial or communication facilities, but do not contain the composition of a criminal offense»;

- dissemination of information resulting in negligent harm to human health (Part 1 of Article 207.2), negligent death of a person or other serious consequences (part 2 of Article 207.2).

Criteria for classifying certain information as fake: «Criteria for evaluating materials and (or) information whose dissemination is prohibited in the Russian Federation» do not contain criteria for evaluating the category of

¹ Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений... : приказ Роскомнадзора № 84, МВД России № 292, Роспотребнадзора № 351, ФНС России № ММВ-7-2/461@ от 18.05.2017 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.03.2021).

«fake information», despite the legislative prohibition of its dissemination. Thus, it indicates that there is a gap in the legislation.

Criminalization of acts of creation and dissemination of «fake information» in the information space:

Administrative responsibility: Paragraphs 9, 10, 10.1 and 10.2 of Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation;

Criminal liability: Articles 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Procedure for blocking and removing illegal content/subject of liability: With the adoption of Law No. 208-FL of 2017, the owners of news aggregators are obliged, among other things, to verify the accuracy of publicly distributed information before distributing it and immediately stop distributing it on the basis of an order of the authorized body; not to allow the use of a news aggregator for the purpose of concealing or falsifying socially significant information, distributing unreliable socially significant news information under the guise of reliable messages. The owner of the news aggregator is not responsible for the dissemination of news information by him if it is a verbatim reproduction of messages and materials or their fragments distributed by the mass media, which can be established and brought to justice for violating the legislation of the Russian Federation on mass media. In the case of «detection on the news aggregator of facts of falsification of socially significant information, dissemination of unreliable socially significant news information under the guise of reliable reports, as well as dissemination of news information in violation of the legislation of the Russian Federation» (paragraph 8 of Article 10.4 of the Law on Information) Roskomnadzor at the request of «authorized state bodies» (by the Law of March 18, 2019 No. 31 of the Federal Law «On Amendments to Article 15.3 of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» the powers are empowered by the General Prosecutor of the Russian Federation and his deputies) sends an order to the owner of the news aggregator «on the immediate termination of the dissemination of information» (paragraph 9 of Article 10.4 of the Law). In case of refusal to comply with the order, the aggregator faces a fine of up to 3 million rubles (Article 19.7.10-1 of the Administrative Code of the Russian Federation). Law No. 27 FL introduced the powers of the police authorities to initiate such administrative cases, along with Roskomnadzor. At the same time, it is envisaged to notify the Prosecutor's Office of the Russian Federation of all cases of initiation of cases within 24 hours.

Thus, the above-mentioned amendments to the Russian legislation can be regarded as evidence of the increased level of public danger of the prob-

lem of spreading fake information, the urgency of developing and adopting an effective and sufficient legal mechanism to counter this threat. It is worth noting that the Russian legislator has followed the path of normative consolidation of a specific legal definition of the category of «fake information» (Federal Law No. 31-FL of 18.03.2019 «On Amendments to Article 15-3 of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection»). The norms on criminalization of the considered elements of crimes and administrative offenses cover quite extensively the features and composition of these acts, while there is a certain difficulty in distinguishing the types of responsibility (criminal and administrative), due to a certain duplication of the elements of acts. In addition, it seems that the legislative structures do not fully take into account the technological and technical aspects of this type of activity, which makes it difficult to identify clear criteria for classifying this or that information as fake, as well as criminalization and prosecution for committing certain actions to create such an information product.

2. Let us consider the legislative measures to counteract fake information on the example of other states. For example, the German authorities in 2017 adopted the Law «Net Enforcement Act (NetzDG)» The Law on Improving Law Enforcement Practices in Social Networks (The Law on Network Law Enforcement Practice), aimed at establishing responsibility for the owners of a social network on the Internet for violating the rules for the timely removal of illegal content. In fact, the law is aimed at combating various manifestations of destructive, negative, hostile, socially dangerous information on the Internet, in particular, the spread of fake news¹.

Definition and normative consolidation of the concept of «fake information»: The law does not contain a clear definition of the concept of «fake information», and the criteria contained in it for defining this content as «false information» are generalized. It is worth noting, that the Law covers a large list of types of prohibited content, which includes about 20 elements of crimes under the Criminal Code of Germany and, depending on the object of criminal encroachment, identifies information whose dissemination undermines the foundations of the state structure and stability, encroaches on public order or entails a violation of the rights of citizens. Illegal content must be content within the meaning of subparagraph (1) that meets the requirements of offenses provided for in articles 86 (Distribution of propaganda materials

¹ Act to Improve Enforcement of the Law in Social Networks (Network Enforcement Act) [Electronic resource]. URL: https://www.bmjv.de/SharedDocs/Gesetzgebungsverfahren/Dokumente/NetzDG_engl.pdf?__blob=publicationFile&v=2 (date accessed: 20.02.2021).

of unconstitutional organizations), 86a (Use of signs of unconstitutional organizations), 89a (Preparation for the commission of serious violent crimes in the field of state security), 91, 100a (Treasonous forgery), 111 (Public call to commit punishable acts), 126 (Violation of public peace by threatening to commit punishable acts), 129 (Creation of criminal associations), 129b («Criminal and terrorist associations abroad; expanded confiscation of what was acquired by criminal means and withdrawal of objects and means of committing an act»), 130 (Incitement against peoples), 131 (Depiction of violence), 140 (Encouragement and approval of punishable acts), 166 (Insult to faiths, religious societies and ideological associations), 184b (Prostitution that harms minors) in connection with 184d, 185 to 187 (Insult, slander, calumny), 241 (Threat of committing a crime) or 269 (Forgery data relevant for obtaining evidence) of the German Criminal Code¹.

Sign of publicity: The Law applies to media service providers who, for profit, operate Internet platforms designed to enable users to share any content with other users or make such content available to the public (social networks). Platforms that offer journalistic or editorial content, for which the service provider itself is responsible, are not social networks within the meaning of this Law. The same applies to platforms that are designed to provide individual communication or the distribution of specific content. The social network provider is exempt from the obligations provided for in sections 2 and 3 if the social network has less than two million registered users in the Federal Republic of Germany.

Intent: not specifically defined.

The nature of the information: false information, illegal in the sense of the elements of crimes, as defined in the Criminal Code of the Federal Republic of Germany.

Socially dangerous consequences are determined based on the specific qualification of the information contained on the grounds of a crime included in the list established in the Criminal Code of the Federal Republic of Germany.

Criteria for classifying certain information as fake: The Law does not contain specific provisions regarding the criteria for evaluating certain information as illegal or fake (unreliable).

¹ Criminal Code in the version published on 13.11.1998 (Federal Law Gazette I, p. 3322), as last amended by Article 2 of the Act of 19.06.2019 (Federal Law Gazette I, p. 844) [Electronic resource]. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html (date accessed: 02.05.2021).

Criminalization of acts for the creation and dissemination of fake information» in the information space: Part 3 Section 1: illegal is information or content, the content of which must correspond to the characteristics of crimes provided for in Articles 86, 86a, 89a, 91, 100a, 111, 126, 129 in 129b, 130, 131, 140, 166, 184b in connection with 184d, 185 to 187, 241 or 269 of the Criminal Code of the Federal Republic of Germany (these elements of crimes were described above).

Procedure for blocking and removing illegal content/subject of liability: Social media providers that receive more than 100 complaints in a calendar year about illegal content are required to issue semi-annual reports in German addressing complaints about illegal content on their platforms, covering all points, and are required to publish them in the Federal Bulletin and on their own website no later than one month after the end of the half-year in which the complaint was recorded. Reports published on their own website should be easily recognizable, directly accessible, and constantly available.

Thus, the Law does not define new terms of illegal content, but is of a procedural nature, establishing the procedure for applying the existing norms of the Criminal Code to a new type of criminal activity. In addition, it is worth noting that the Law has been criticized for many provisions, in particular those related to censorship, non-compliance with international human rights standards (the right to freedom of expression and access to information), the unclear procedure for removing illegal content, and a number of other provisions.

Meanwhile, according to a number of experts, «this law is unique, because it is aimed exclusively at regulating social media and, in addition, it is an important step in finding a solution to the problem of fake news»¹.

3. France has adopted a law against the manipulation of information, aimed at better protecting democracy from various methods of deliberately spreading fake news (approved in the second reading in the National Assembly on November 20, 2018)².

Definition and normative consolidation of the concept of «fake information»: The Republican Law of France of July 29, 1881 «On freedom of the

¹ Marda V., Milan S. Wisdom of the Crowd: Multistakeholder Perspective on the Fake News Debate. A Report by the Internet Policy Observatory at the Annenberg School, University of Pennsylvania. 2018 [Electronic resource]. URL: http://globalnetpolicy.org/wp-content/uploads/2018/05/Fake-NewsReport_Final.pdf. (date accessed: 18.02.2021).

² Against information manipulation/GOUVERNEMENT [Electronic resource]. URL: <https://www.gouvernement.fr/en/against-information-manipulation> (date accessed: 20.03.2021).

Press» (Article 27)¹ contains the definition of fake news: establishes a normative definition of the concept, according to the content of this category – «Malicious publication, distribution and reproduction by any means of false news and documents that were fabricated or falsified or falsely attributed to third parties, when it violated the peace or could violate it, will be subject to a fine of 45,000 euros. The same offence will be subject to a fine of 135,000 euros if this malicious publication, distribution or reproduction could undermine the discipline or morale of the Armed Forces or interfere with the country's military efforts».

Essential characteristics of the phenomenon of disinformation and fake information:

- A sign of publicity: fake news must be explicit;
- Intent: Fake news must be deliberately spread on a massive scale;
- The nature of the information: The dissemination of fake news should lead to a breach of the peace or jeopardize the outcome of the election.

Criteria for classifying a particular piece of information as fake: An Interim judge will qualify fake news as defined in the Freedom of the Press Act of 1881, according to three criteria:

- fake news must be explicit;
- deliberately spread on a massive scale;
- lead to a breach of the peace or endanger the outcome of the election.

The provision on criminalization of acts in the Law is contained in the reference form. Thus, «Article L. 112. – Any violation of the provisions of article L. 163-1 is punishable by one year's imprisonment and a fine of 75,000 euros. For legal entities found responsible for the specified crime, liability is provided in the form of a fine; prohibition, finally or for a period not exceeding five years, directly or indirectly to carry out one or more types of professional or social activities in accordance with the procedure established by Articles 121-2, 131-38, 131-39 of the Criminal Code of France.

Article L. 163-1 establishes the obligation of telecom operators during the three months preceding the first day of the general election month and before the date of the voting round – to provide the user with honest, clear and transparent information about the identity of an individual or about the company, head office and social object of a legal entity that pays remuneration for the promotion of information content related to public discussions; – provide the user with reliable, clear and transparent information about the use of their per-

¹ Loi du 29.07.1881 sur la liberté de la presse. Legifrance: La service public de la diffusion du droit [Electronic resource]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006070722/> (date accessed: 02.05.2021).

sonal data in the promotion of information content related to public interests; – make public the amount of remuneration received in exchange for the promotion of such information content, if their amount exceeds a certain threshold.

This information is combined into a register that is available to the public electronically in an open format and is regularly updated during a certain period provided for by the electoral legislation.

The French Republican Law of 29 July 1881 on freedom of the press (article 27) contains a provision prohibiting the dissemination of false news under threat of criminal punishment.

Procedure for blocking and deleting illegal content/subject of liability:

– Foreign-controlled media: a commitment to transparency for digital platforms that must report any sponsored content by publishing the author's name and the amount paid. Platforms that exceed a certain number of views per day must have a legal representative in France and publish their algorithms. In the period between elections, there is a duty of cooperation for digital platforms in order to force them to introduce measures to eliminate fake news and make these measures public. Verification of compliance with this duty is entrusted to the CSA (French Broadcasting Authority), which will also be able to prevent, suspend and terminate the broadcasting of television services controlled by or influenced by foreign States and detrimental to the fundamental interests of the country;

– Decisions on whether fake news is explicit and spread intentionally on a massive scale, and whether it has led to a breach of the peace or affected the election results, will be referred to an interim judge.

Thus, French law prohibits the dissemination of «inaccurate or false statements and accusations that are intended to change the true results of the vote». In addition, the law establishes the possibility of blocking the broadcasting of «a foreign TV channel or other media of a foreign state that carries out targeted disinformation» on the territory of the country. Of interest is the legislative consolidation of the obligation of social networks, if they place paid political advertising, to indicate that the information was paid for by one of the commercial clients, to post a link to its customer and to publish the amount of financial accruals¹. It is noteworthy that the mentioned legislative initiatives of the French authorities are mainly aimed at limiting the dissemination of so-called «false information» mainly in the context of election campaigning, in particular, aimed at restricting the activities of foreign me-

¹ Международный опыт борьбы с фейками [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/41616357/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 29.03.2021).

dia, which can be described as a kind of abuse of legislative power and attempts to restrict freedom of speech. The bill does not define what should be considered «false news». As its developers point out, it is contained in the Press Act of 1881, where it is called «information that does not correspond to real facts and is deliberately used to disrupt public order or try to do so»¹.

4. The issue of legislative consolidation of the legal category of «fake information» has been worked out in detail and significantly in Malaysia. In 2018, a specialized legislative act «Anti-fake News Act» was adopted, which supplemented the previous legislative acts in this area, namely the Law on Communications and Multimedia of 1998; the Law on Printing Machines and Publications of 1984².

Definition and normative consolidation of the concept of «fake information»: The Law defines fake news as including «any news, information, data and messages that are or are completely or partially false, whether in the form of features, visual effects or audio recordings, or in any other form capable of offering words or ideas».

Essential characteristics of the phenomenon of disinformation and fake information: In section 233 of the Communications and Multimedia Act of 1998:

A sign of publicity: the dissemination of information through any network objects or network services, or applications that serve public users;

Intent: knowingly;

The nature of the information: «(a) a person creates or initiates the transmission of information containing any comment, request, suggestion or other communication that is obscene, false, threatening or offensive in nature with the intent to annoy, insult, threaten or harass another person; or

(b) initiates communication using any application service, whether continuously, repeatedly or otherwise, during which communication may oc-

¹ Прокофьев В. Соцсети просветят. Во Франции разработали проект закона о фейковых новостях [Электронный ресурс] // Российская газета. 2018. № 33 (7496). URL: <https://rg.ru/2018/02/14/vo-francii-razrabotali-proekt-zakona-o-fejkovyh-novostiah.html> (дата обращения: 16.04.2021).

² Anti-Fake News Act 2018 [Electronic resource]. URL: <https://ru.scribd.com/document/378823603/Anti-Fake-News-Act-2018> (date accessed: 20.05.2021) ; Communications and Multimedia Act 1998 (Act 588), s 233 (1) [Electronic resource]. URL: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Act%20588.pdf> (date accessed: 11.05.2021) ; Printing Presses and Publications Act 1984 (Act 301), s 4 (1) (b) [Electronic resource]. URL: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/LOM/EN/Act301-PrintingPressesAndPublicationsAct1984.pdf> (date accessed: 11.05.2021).

cur, with or without disclosure of his identity and with the intent to annoy, insult, threaten or harass any person at any number or email address;

The Sedition Act of 1948¹ makes it a criminal offence, *inter alia*, to print, publish, sell, offer for sale, distribute or reproduce any «seditious publication». Such publications are those that have a «seditious tendency», which includes, for example, having a tendency to «incite hatred or contempt, or incite discontent against any ruler» or «encourage feelings of ill-will, hostility or hatred between different races or classes of the population of Malaysia».

Socially dangerous consequences:

Printing houses and printed publications are prohibited under the 1984 Law from using the printing press for illegal purposes, including producing any publication or document «that incites violence against persons or property, disobedience to the law or any lawful order, as well as publications that lead or may lead to a violation of the peace or promote feelings of ill-will, hostility, enmity, hatred, discord and disunity». The relevant government minister also has the «absolute discretion» to prohibit the printing, importation, sale, distribution or possession of a publication containing anything that may harm «public order, morals, security, or that may alarm public opinion, or that may harm public or national interests» (the provisions of the Law apply by analogy to Internet content).

Criteria for classifying certain information as fake: The Law of 2018 establishes various categories of «fake information», depending on the form of their creation and transmission:

(a) any written publication, as well as any other publication having the same properties as a written publication, as well as any copying, full or partial reproduction of such publication;

(b) any publication made by digital, electronic, magnetic or mechanical means, as well as the complete or partial copying of such publications.

Criminalization of acts of creation and dissemination of fake information in the information space: The Anti-Fake News Act of 2018 establishes a provision that «any person who in any way maliciously creates, offers, publishes, prints, distributes any fake news or publications containing fake news commits an offence and is liable, on the charge, to a fine not exceeding five hundred thousand ringgit or to imprisonment for a term not exceeding six years or both, and in the case of a continuing offense-to an additional fine of no more than three thousand ringgit for each day during which the crime con-

¹ Instigation of Mutiny Act of 1948 (Act 15), s 4 (1) (c) [Electronic resource]. URL: <http://www.agc.gov.my/agcportal/uploads/files/Publications/ LOM / EN / Act% 2015.pdf> (date accessed: 11.05.2021).

tinues after the conviction». The Communications and Multimedia Act of 1998 establishes liability for violation of this prohibition in the form of a fine of up to fifty thousand ringgit or imprisonment for up to one year, or both, together with a further fine of one thousand ringgit, applying for each day that the crime continues after conviction. «The Printing Presses and Publications Act of 1984 states: «If any false news is maliciously published in any publication, the printer, publisher, editor and author of that communication shall be found guilty of an offence and, on conviction, shall be liable to imprisonment for a term not exceeding three years or to a fine not exceeding twenty thousand ringgit or both».

Procedure for blocking and removing illegal content/subject of liability: The Court may also order a person convicted under this provision to apologize. The law establishes a procedure for affected individuals to obtain a court order to remove a publication containing fake news. If the person who is the subject of such an order does not delete the content, a police officer or other authorized official may take «necessary measures» to delete the publication.

Thus, the law introduces a normative consolidation of the concept of «fake information», defines specific criteria by which information can be evaluated and classified as fake. The law establishes criminal liability for persons who by any means, acting maliciously, create, offer, publish, print, supply, transmit or distribute any fake news or publications containing such news. Criminal liability under the Anti-fake News Act of Malaysia is also provided for persons who directly or indirectly finance the distribution of Fake news [7]. According to some researchers, the Anti-Fake News Act of 2018 does not meet the criteria of effectiveness and sufficiency, because it is excessively vague, contains a «problematically broad» definition of fake news, and imposes «disproportionately high» penalties on the creators, distributors and publishers of such information¹. An interesting fact is that the Law provides for its extraterritorial application, stating that «if a crime is committed by any person, whether a Malaysian citizen or not, outside Malaysia, and if fake news concerns Malaysia or affects a Malaysian citizen, then it can be treated as if it was committed in Malaysia»².

These are just a few examples of such legislative initiatives. Similar laws have been adopted over the past 5 years in many countries, in particular,

¹ Инициативы по борьбе с фейковыми новостями [Электронный ресурс]. URL: <https://www.loc.gov/law/help/fake-news/malaysia.php> (дата обращения: 20.02.2021).

² Key Global Findings [Electronic resource]. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2017/press-freedoms-dark-horizon> (date accessed: 21.02.2021).

in Egypt, Brazil, Vietnam, Qatar, China, Kyrgyzstan, the United States, Kazakhstan, and Belarus. The analysis of the legal framework of the domestic legislation of the states in the field of countering fake information, regulating the Internet space and combating other forms of cybercrime allows us to conclude that significant efforts are being made by the governments of the states and the active implementation of these legislative initiatives.

Meanwhile, many national laws are assessed by experts as attempts to establish strict censorship and excessive state control of the national segment of the information space, when legal norms are introduced under the «loud slogans» of protecting human rights, which become an instrument of pressure on the media.

It seems that to solve the global problem of countering disinformation and the spread of fake product, it is not enough to carry out legislative reforms unilaterally. It is necessary to unite efforts at the level of the international community, to adopt basic agreements on the platform of international organizations, in strict accordance with the fundamental principles of international law, such as freedom of speech and equal access to information.

5. In this regard, it is worth considering the policy of the European Union, which has been carrying out comprehensive and systematic work in this area since 2017. November 13, 2017 The European Commission initiated a public consultation on «fake news» and disinformation on the Internet and established a High-level Expert Group, which included representatives of the academic community, IT companies, the media and representatives of civil society. In total, the group included about 40 experts. The aim of the Commission's work was to develop and further implement a comprehensive and integrated mechanism to counter online disinformation in Europe, which includes various activities, from the adoption of legislative initiatives and regional agreements to provide a legal framework (the Code of Practice on Disinformation, the European Action Plan to Strengthen Efforts to Counter Disinformation in Europe and Beyond), to the creation of specialized international platforms (the European Digital Media Observatory), conducting regular meetings in the format of conferences and preparing regular review reports and reports.

According to the Action Plan against Disinformation, «disinformation» means deliberately false or misleading information that is created, presented and distributed for the purpose of obtaining economic benefits or deliberately deceiving the public and may cause public harm. At the same time, public harm may include threats to democratic processes, as well as public goods, such as the health of Union citizens, the environment, or security.

Freedom of expression is called the core value of the European Union, enshrined in the Charter of Fundamental Rights of the European Union and in the constitutions of the member States».

An important role is given to the joint efforts and participation of civil society and the private sector (social media platforms), representatives of business structures, and the IT industry in solving the problem of disinformation. This approach seems to be the most effective, since it is consistent with the model of «stakeholdernism», which is one of the foundations for the construction and functioning of the Internet space, since countering disinformation requires coordinated actions with the participation of all stakeholders [8, c. 59–65]. That is why the work of the European Commission in this direction at the first stage involved so-called «consultations with the public» (citizens, social networks, news organizations (broadcasters, print media, news agencies, online media), researchers and government agencies, which allowed us to formulate common approaches to understanding what set of measures should be implemented at the EU level to address the problem of disinformation.

Thus, the European approach seems to be quite effective and comprehensive, since the above-mentioned initiatives are implemented in strict accordance with the principles of international law, with respect for human rights, and is based on the cooperation of interested stakeholders, in addition, the European legislator seeks to unify the regulatory framework and develop basic agreements in this area. While the initiatives of individual states to introduce new laws aimed at combating disinformation, in particular fake information, can rather be regarded as establishing state control of the information space through the introduction of mandatory rules and restrictions», expanding «criminalization of acts in the absence of legislative consolidation of the very concept of «fake information», as well as criteria for classifying a particular information as fake, the qualification of the relevant acts.

It is worth mentioning, that the necessity to unite efforts to counter the problem of disinformation at the level of the international community has become particularly relevant against the backdrop of the unfolding epidemic of the coronavirus, which has affected all spheres of human life in terms of its scale and consequences. The accelerated pace of digitalization and the global transfer of many aspects of everyday activities to the digital environment provoked a backlash from criminal structures, a significant increase in cybercrime and the global threat of disinformation of the general population. Which in turn brought the problem of fake news to the level of the global universal platform of the United Nations (UN). So, at the World Conference

on Security (February 2020), in particular, the problem of spreading false data and news about the coronavirus was discussed. WHO (World Health Organization) representatives identified the new term «infodemia», which should be understood as «the dissemination of false information about the coronavirus, which contributes to the spread of rumors, inaccurate data and fake news during a global health emergency, which in turn makes it difficult to take effective public health measures and creates an atmosphere of panic and confusion among the population». To counteract this problem, the United Nations and WHO have jointly created the so-called «Mythbusters Team», which brought together representatives of the largest Internet service providers and social networks, such as Facebook, Google, Pinterest, Tencent, Twitter, TikTok, Youtube, et cetera. These companies are actively working to remove fake information (false medical information, prescriptions, tips, diagnostics, rumors, conspiracy theories and similar information that poses a danger to public health).

Meanwhile, now, the UN has not adopted universal agreements on the problem of countering disinformation and the spread of fake news. In March 2019. The Russian Federation has taken the initiative to apply on behalf of the UN General Assembly Committee on Information to the UN secretariat with a proposal to «take measures aimed at developing a mechanism for countering "fake information" on a global scale». Despite the support of the UN secretariat and a number of states, the initiative was not clearly included in the draft Resolution of the UN General Assembly, as US representatives blocked it.

Thus, the problem of the global spread of fake information is rapidly gaining a cross-border scale, and ensuring effective counteraction to this threat requires the joint efforts of States and the entire international community to develop a universal comprehensive mechanism for combating it, based on the principles of international law, respect for human rights, and the values of a democratic society. It seems that unilateral initiatives at the level of national laws of States are not enough to solve this problem. An integrated approach involves combining efforts in various areas:

- the necessity for an interdisciplinary study of the phenomenon of disinformation and fake information, including the technological, legal, journalistic aspect in order to understand the essence of this phenomenon, the normative consolidation of a unified categorical apparatus in this area, in particular the terms «disinformation», «fake information», criteria for determining the composition of acts that may be criminalized, criteria for classifying a particular information as «fake» et cetera.

– the necessity to involve all stakeholders, taking into account the principle of «multistakeholdernism» and self-regulation of the global Internet space, with the involvement of representatives of civil society, business structures, the private sector, representatives of the IT industry, as well as state governments (since the establishment of regulatory rules and legal frameworks in this area is possible only through public discussion and the development of common approaches, and not by establishing mandatory regulations and strict regulation of the information space, in violation of the generally accepted principles of international law);

– the necessity for interstate cooperation in order to develop and adopt an international mechanism for cooperation in the field of countering disinformation, fake information, which will create a unified comprehensive mechanism that includes international standards of a legal and technological nature. This, in its turn, will help to overcome the fragmentation of unilateral measures taken at the level of individual states and minimize attempts to turn «media» technologies into an instrument of information confrontation. Of course, such a mechanism for cooperation and counteraction to this problem should be developed and implemented in strict accordance with the generally accepted principles and norms of international law, and become a kind of deterrent for certain governments' attempts to establish censorship and excessive state control of the information space, restrict human rights and media freedom under the pretext of ensuring information security and protect citizens from the destructive impact of disinformation on the Web.

References

1. Pal'chinskaya M.V. Socio-cultural determinants of the formation of the information society. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2015, no. 3-1, pp. 32–35. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23325457>.
2. Polishchuk S.V. Legal aspects of counteraction to fake attacks. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2019, no. 9, pp. 114–123. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37314555>.
3. Domagoj B., Volarević M. New Problems, Old Solutions? A Critical Look on the Report of the High Level Expert Group on Fake News and On-Line Disinformation. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*, 2018, no. 3, pp. 447–460. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36387565>.

4. Zyryanova M.O. Fake news as a tool for managing public opinion. In Danakina N.S. (ed.). *Diagnostika i prognozirovanie social'nyh processov. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, Belgorod, 18–19 oktyabrya 2019 g.* [Diagnostics and forecasting of social processes. Proceedings of the scientific and practical conference, Belgorod, October 18–19, 2019]. Belgorod, 2015, pp. 21–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42371066>.

5. Markova N.A., Kurganova A.S. Some aspects of the regulation of legal responsibility for the dissemination of fake information on the internet and mass media: Russian and foreign experience. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2019, no. 3 (52), pp. 81–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40646751>.

6. Sukhodolov A.P. The Phenomenon of «Fake News» in the Modern Media Space. In Sukhodolov A.P. (ed.). *Evroaziatskoe sotrudnichestvo: gumanitarnye aspekty. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Irkutsk, 14–15 sentyabrya 2017 g.* [Eurasian Cooperation: Humanitarian Aspects. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, September 14–15, 2017]. Irkutsk, 2017, pp. 93–112. (In Russian).

7. Scherbakov A.D. Fake news as an object of criminal legal regulation: Malaysian experience. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya = International Criminal Law and International Justice*, 2018, no. 4, pp. 18–21. (In Russian).

8. Kasenova M.B. *Problemy pravovogo regulirovaniya transgranichnogo ispol'zovaniya Interneta* [Problems of legal regulation of the cross-border use of the Internet]. MGIMO University Publ., 2015. 429 p.

Received: 10.11.2021

ОЧЕРЕДЬКО Юлия Владимировна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
для факультета социальных коммуникаций и юридического
факультета Астраханского государственного университета,
г. Астрахань, Россия; y-ocheredko@yandex.ru*

СТАРКОВА Ляйсян Маратовна

*ассистент кафедры международного права Астраханского
государственного университета,
г. Астрахань, Россия; 5leska5@mail.ru*

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОЗДАНИЮ
И РАСПРОСТРАНЕНИЮ ФЕЙКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ИНТЕРНЕТЕ НА ПРИМЕРЕ ЗАРУБЕЖНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Угрозу распространения и влияния фейковой (недостоверной, ложной) информации можно расценивать в качестве одного из негативных проявлений широкомасштабного процесса цифровизации, охватившего все сферы общественного функционирования и устройства. На фоне развернувшейся эпидемии коронавируса угрожающие последствия стремительного и неконтролируемого процесса дезинформации в глобальном информационном пространстве обозначились особенно явно. Феномен фейковой информации приобретает характер глобальной угрозы, катастрофической по своим разрушительным последствиям. Эффективное противодействие нарастающей угрозе дезинформации возможно только посредством комплексного подхода, включающего в себя адекватный и достаточный правовой инструментарий. **Цель:** рассмотрение правовых механизмов борьбы с фейковым контентом на уровне национального законодательства государств и на международном уровне. Посредством применения **метода** сравнительно-правового анализа было проведено исследование и дана оценка существующим подходам к определению и нормативному закреплению категории «фейковая информация»; выделены сущностные характеристики данного явления, критерии отнесения той или иной информации к фейковой; исследован механизм криминализации деяний по созданию и распространению фейковых новостей в информационном пространстве на примере законодательства отдельных государств; представлен обзор международных инициатив в данной сфе-

ре, предпринимаемых на уровне региональных международных организаций (на примере Евросоюза), и мер универсального характера (инициативы ООН). **Результаты:** по итогам проведенного исследования авторы пришли к выводу о необходимости разработки универсального комплексного международно-правового механизма противодействия угрозе распространения фейковой информации в глобальном информационном пространстве, в основу которого должны быть положены общеобязательные принципы международного права, в первую очередь уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Только такой подход представляется наиболее эффективным и может стать неким фактором, сдерживающим стремления отдельных правительств к установлению цензуры и чрезмерного государственного контроля информационного пространства.

Ключевые слова: фейковая информация; дезинформация; инфодемия; цифровизация; информационное общество; информационное оружие; киберпреступность.

Библиографический список

1. Пальчинская М.В. Социокультурные детерминанты становления информационного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3-1. С. 32–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23325457>.
2. Полищук С.В. Правовые аспекты противодействия фейковым атакам // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 9. С. 114–123. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37314555>.
3. Бебич Д., Воларевич М. Новые проблемы – старые решения? Критический взгляд на Доклад экспертной группы высокого уровня Европейской комиссии о фейковых новостях и онлайн дезинформации / пер. В.Г. Иванов // Вестник Российск. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. 2018. № 3. С. 447–460. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36387565>.
4. Зырянова М.О. «Фейковые» новости как инструмент управления общественным мнением // Диагностика и прогнозирование социальных процессов : матер. науч.-практ. конф., Белгород, 18–19 окт. 2019 г. / отв. ред. Н.С. Данакина. Белгород, 2015. С. 21–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42371066>.
5. Маркова Н.А., Курганова А.С. Некоторые аспекты регулирования юридической ответственности за распространение фейковой ин-

формации в Интернете и средствах массовой информации: российский и зарубежный опыт // Вестник Владимирск. юрид. ин-та. 2019. № 3 (52). С. 81–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40646751>.

6. Суходолов А.П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты : матер. Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 14–15 сент. 2017 г. / отв. ред. А.П. Суходолов. Иркутск, 2017. С. 93–112.

7. Щербаков А.Д. Fake news как объект уголовно-правовой регуляции: опыт Малайзии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 4. С. 18–21.

8. Касенова М.Б. Проблемы правового регулирования трансграничного использования Интернета. М. : МГИМО-Университет, 2015. 429 с.

Дата поступления: 10.11.2021

УДК 343.3/.7

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.5

ПИНКЕВИЧ Татьяна Валентиновна

*доктор юридических наук, профессор кафедры уголовной
политики Академии управления МВД России,*

г. Москва, Россия; pinkevich@yandex.ru.

Статьи в БД Scopus/Web of Science: DOI: 10.2991/aebmr.k.200502.031

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ОБОРОТА ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ (КРИПТОВАЛЮТЫ)

Благодаря развитию цифровых технологий кардинально меняется привычный образ экономических отношений. Перечень возможностей применения таких технологий в современном мире стремительно расширяется. Закономерным итогом цифровой трансформации является построение системы цифровой экономики как наиболее оптимальной среды применения названных технологий. На этом фоне активно развиваются виртуальные экономические отношения, электронные платежные сервисы, виртуальные криптобиржи, краудфандинг, что способствует активному развитию электронных денег и цифровых валют. Названные процессы увеличили количество преступных проявлений, произошла модернизация преступности, появились ее новые виды, а также новые предметы, способы и средства совершения преступлений. Результаты, полученные в ходе проведенного автором комплексного исследования преступности, свидетельствуют о росте преступлений, совершаемых с использованием цифровой валюты (криптовалюты) [1, с. 89; 2, с. 287]. В связи с этим рассмотрение проблем ее понятийного аппарата, правового регулирования, исследование вопросов легализации этого цифрового актива, преступной деятельности с его использованием сегодня необходимо для обеспечения криминологической безопасности, поскольку цифровая валюта (криптовалюта) неподконтрольна национальным органам власти, может конкурировать с национальными фиатными валютами и привести к их ослаблению. Вместе с тем развитие рынка цифровой валюты (криптовалюты) и рост транзакций ежедневно увеличивается. Порой она используется в криминальных целях, а недостаточность нормативного регулирования криптовалюты не способствует предупреждению преступлений, в которых она выступает средством их совершения и предметом преступной деятельности. **Цель** статьи –

выработать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства и предупреждению преступлений, совершаемых как в отношении цифровой валюты (криптовалюты), так и с ее использованием. **Методы.** В ходе исследования использовались не только общенаучные методы познания, но и частнонаучные (системно-структурный, формально-логический экстраполяции, прогностический, документального анализа, статистический, интервьюирования и др.). **Результаты** проведенного исследования свидетельствуют о высоком уровне распространения деяний, совершенных в отношении цифровой валюты либо с ее использованием. Такие преступления характеризуются высокой степенью общественной опасности, определяющейся причиненным ущербом личности, обществу и государству, наличием особого субъекта, в качестве которого зачастую выступают представители транснациональной организованной преступности, особенностями предмета и средств совершения таких преступлений, социальными последствиями, высоким уровнем латентности. Доказана актуальность и целесообразность криминализации этих преступлений, о чем свидетельствуют статистические данные, материалы судебной практики, характер и степень общественной опасности таких деяний, а также возможность воздействовать на них именно уголовно-правовыми средствами. Подготовлены и представлены предложения по совершенствованию уголовного законодательства в сфере предупреждения преступлений, совершаемых с использованием цифровой валюты (криптовалюты).

Ключевые слова: предупреждение; преступление; цифровая валюта; проблемы квалификации; совершенствование уголовного законодательства; социологическое исследование.

В международных документах и научных изданиях при характеристике криптовалюты используются разные термины: «виртуальная валюта», «виртуальные активы», «криптовалюта», «электронная валюта», «имущество», «виртуальные деньги», «цифровой актив», «цифровой финансовый актив» и др. Такой разброс свидетельствует о том, что до настоящего времени на законодательном и доктринальном уровне понятие цифровой валюты (криптовалюты) и вопросы ее правового регулирования до конца не определены. Так, Европейский центральный банк рассматривает названный актив как нерегулируемые цифровые деньги¹. ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыва-

¹ Регулирование криптовалют в Евросоюзе [Электронный ресурс]. URL: <https://crypto-fox.ru/faq/regulirovanie-kriptovalyut-v-evrosoyuze> (дата обращения: 20.03.2020).

нием денег) под криптовалютой понимает средство выражения стоимости, которым можно торговать в цифровой форме и которое функционирует в качестве средства обмена; расчетную денежную единицу; средство хранения стоимости, не обладающее статусом законного платежного средства (то есть не являющееся официально действующим и законным средством платежа при расчетах с кредиторами)¹. Позже ФАТФ дала другое понятие криптовалюты – как виртуального актива, под которым понимается обозначение цифровых представлений стоимости, которые в цифровом формате могут быть переданы и реализованы, а также могут быть использованы для инвестиционных целей или в качестве платежного средства, охватывая как конвертируемые, так и неконвертируемые, централизованные и децентрализованные формы, а также первоначальные предложения монет. Но здесь следует заметить, что данное понятие включает не только криптовалюты, но и электронные деньги, потому что криптовалюта, как и виртуальная валюта, является конвертируемой и децентрализованной.

Также в отчете «Рекомендации ФАТФ по регулированию оборота виртуальных активов (VA) и деятельности провайдеров услуг в сфере виртуальных активов (VASP)» предложено понятие «виртуальный актив» – «цифровое выражение ценности, которое может цифровым образом обращаться или переводиться и может быть использовано для целей осуществления платежей или инвестиций. Виртуальные активы не включают в себя цифровое выражение фиатных валют, ценных бумаг и других финансовых активов, регулируемых иными Рекомендациями ФАТФ»².

В названном отчете приводится мнение США, согласно которому «цифровые активы являются всеобъемлющим термином, который относится к целому ряду видов деятельности в экосистеме цифровых финансовых услуг, включая финансовую деятельность», дано понятие виртуальной валюты (криптовалюты) как конвертируемой, действующей между равноправными субъектами, децентрализованной сетевой цифро-

¹ Виртуальные валюты: ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ. Отчет ФАТФ. Июнь 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1638872768&tld=ru&lang=ru&name=Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf (дата обращения: 20.03.2020).

² Отчет. Рекомендации ФАТФ (FATF) по регулированию оборота виртуальных активов (VA) и деятельности провайдеров услуг в сфере виртуальных активов (VASP) [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/2020/02/rekomendacii-fatf-fatf-po-regulirovaniyu-oborota-virtualnyh-aktivov-i-deyatelnosti-provajderov-uslug-v-sfere-virtualnyh-aktivov.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).

вой валюты (в том числе биткойн и эфириум), использующей методы криптографии для регулирования генерации денежных единиц и проверки перевода средств, обращение которых осуществляется независимо от центрального банка. Авторы отчета считают, что обеспеченная криптовалютой высокая степень анонимности в сочетании с низким уровнем обнаружения позволяет избежать многих рисков, связанных с операциями по финансированию экстремизма и терроризма и легализацией (отмыванием) преступных доходов. Это обусловлено благоприятными условиями, которые созданы для совершения преступлений в виртуальной среде¹. Кроме того, криптовалюты могут облегчить совершение других преступлений, таких как вымогательство и мошенничество².

Европейский центральный банк в ходе изучения проблем понятийного аппарата и использования цифровой валюты (криптовалюты) в преступных целях пришел к выводу о том, что термины «цифровая валюта» и «криптовалюта» не в полной мере отражают признаки такой валюты, но поскольку речь идет о ее развитии, то этот вид валюты, ее понятийный аппарат потребует уточнения признаков.

В Российской Федерации статус цифровой валюты (криптовалюты) длительное время находился в стадии изучения и обсуждения. После того как были исследованы все плюсы и минусы ее развития в России, было принято решение о подготовке законодательной базы, которая должна включать регулирование производства цифровой валюты (криптовалюты), майнинга и порядок налогообложения³. В настоящее время к цифровым правам относятся цифровые финансовые активы, которые являются полноправным объектом гражданских прав. Они функционируют в цифровой форме в качестве средства выражения стоимо-

¹ Отчет. Рекомендации ФАТФ (FATF) по регулированию оборота виртуальных активов...

² Aaron Smith Future of Money: Classifying Virtual Currency Systems [Электронный ресурс]. URL: <http://bigthink.com/hybrid-reality/future-of-money-classifying-virtual-currency-systems> (дата обращения: 20.03.2020).

³ Президент утвердил перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства, состоявшегося 27 сентября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55879> (дата обращения: 22.10.2021); Президент утвердил перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей, состоявшегося 4 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения: 22.10.2021).

сти, обмена, хранения¹, но не могут выступать средством платежа. Этот тезис подтвержден и ч. 5 ст. 14 Закона о цифровых активах².

В ходе проведенного нами анкетирования респондентам был задан вопрос о том, может ли цифровая валюта (криптовалюта) использоваться в качестве средства платежа, накопления, совершения преступлений. Были получены следующие ответы: 29,5 % респондентов ответили, что она может быть орудием и средством совершения преступления, 28,1 % – средством платежа, 24,8 % – средством накопления, 17,6 % затруднились ответить.

Для создания и выполнения переводов между пользователями Сети, действительно, сегодня активно используется цифровая валюта (криптовалюта). Транзакции с цифровой валютой (криптовалютой) имеют существенные отличия от привычных финансовых транзакций, совершаемых при помощи банковских счетов, карт или централизованных электронных денег, поскольку:

- для функционирования цифровой валюты (криптовалюты) не требуется централизованный регулятор или эмитент. При этом все транзакции цифровой валюты публичны и отражаются в реестре данных операций, формируемом на основе технологии распределительного реестра (блокчейн);

- владельцы цифровой валюты (криптовалюты) считаются анонимными, поскольку каждая транзакция подлежит регистрации с присвоением уникального номера, однако эта регистрация привязывается к электронному кошельку, а личность ее владельца остается анонимной. Зачастую криптокошелек открывается на подставных или на вымышленных лиц. Именно по этой причине растет популярность данного способа взаиморасчетов при совершении преступлений. Результаты изучения судебной практики показывают высокий уровень распространенности названных деяний, что подтверждается и статистическими данными правоохранительных органов. Уже сегодня следует говорить о росте таких преступлений, как мошенничество и вымогательство, совершаемых с использованием цифровой валюты (криптовалюты). У этих преступ-

¹ Виртуальные валюты: ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ.

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.10.2021).

лений высокая степень общественной опасности, что подтверждается ущербом, причиненным личности, обществу, государству.

Использование цифровой валюты (криптовалюты) способствует расширению криминальных границ, она используется при оплате заказных преступлений (преступление как заказ), приобретении и распространении порнографических материалов (особенно востребованы материалы о сексуальном насилии над несовершеннолетними и малолетними детьми), при незаконном обороте оружия, наркотических средств и психотропных веществ, органов и тканей человека для трансплантации, заказных преступлений (преступление как услуга), торговле людьми, финансировании экстремизма и терроризма и пр. Данные факты, а также возможность бесконтрольного трансграничного перевода денежных средств и их последующего обналичивания служат предпосылками высокого риска потенциального вовлечения цифровой валюты (криптовалюты) в схемы, направленные на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма.

Кроме этого, главной особенностью деятельности экстремистских и террористических организаций является получение возможности использовать цифровые технологии в преступных целях, чему способствует хорошее финансирование таких организаций, от которого зависит их активность в преступной деятельности. Основными источниками доходов экстремистских и террористических группировок являются: материальная помощь, взносы сторонников экстремизма и терроризма, незаконный оборот оружия и наркотиков, организация каналов нелегальной миграции и работоторговля, незаконный оборот природных ресурсов и культурных ценностей и пр. Названные источники доходов известны давно, но наряду с ними появились новые. Это средства, полученные при сдаче в аренду недвижимости, от игры на фондовых рынках¹, инвестирования (краудфандинга) цифровых валют (криптовалют).

Следует обратить внимание и на такой вид преступности, как незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, совершаемый с использованием цифровых технологий. Анализ статистических данных преступности этого вида свидетельствует о стойкой тенденции ее роста. Так, в 2019 г. количество преступле-

¹ Жертвами самых крупных терактов в 2019 году стали более 9 тысяч человек [Электронный ресурс]. URL: https://www.dp.ru/a/2019/10/13/ZHertvami_samih_krupnih_te (дата обращения: 22.10.2021).

ний, предусмотренных нормами гл. 25 УК РФ, увеличилось, по сравнению с предыдущим периодом, на 31,2 %, в 2020 г. – на 90,7 %, за десять месяцев 2021 г. рост по отношению к аналогичному периоду прошлого года составил 40 %. Количество лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, снизилось на 7,7 %, по сравнению с предыдущим годом. 96,4 % от общего числа преступлений, совершенных в сфере незаконного оборота наркотиков, приходится на ст. 228 и 228.1 УК РФ, при этом их количество, по сравнению с предыдущим годом, увеличилось на 90,7 %. Увеличивается и «количество преступлений, совершенных организованными группами в крупном и особо крупном размере, которые уже используют блочно-сетевую структуру, что позволяет не взаимодействовать, общаться только дистанционно по сети Интернет или мобильной связи, через всевозможные мессенджеры» [3, с. 211–212]. Из-за большого спроса на наркотики все продажи, судя по объявлениям и рассылкам, совершаются только по предоплате и только в цифровой валюте (криптовалюте) [4].

Известно, что преступления, совершаемые в сфере незаконного оборота наркотиков, относятся к предикатным преступлениям, поэтому они способствуют увеличению объемов теневого оборота капитала, например, с помощью легализации (отмывания) преступных доходов (ст. 174 и 174¹ УК РФ). Эти преступления в чистом виде квалифицируют гораздо реже. О высоком уровне их латентности свидетельствует и существенный рост предикатных преступлений. К таковым в данном случае отнесен не только незаконный оборот наркотиков, но и финансирование преступлений экстремистской направленности и террористического характера, коррупционных преступлений, сексуального насилия над несовершеннолетними и пр.

Сложно в этой ситуации обойти вопросы латентности названных видов преступлений, высокий уровень которой объясняется использованием преступниками цифровых технологий и цифровых валют (криптовалют). По оценкам независимых экспертов, латентность этих преступлений в России более 90 % [5; 6]. В немалой степени это связано с тем, что правовые основы противодействия в названной сфере только складываются, нет методического обеспечения для работы в новых условиях. В данной ситуации вызывает озабоченность и наличие высокого уровня виктимизации населения. Это обусловлено тем, что большая часть таких преступлений остается неизвестными правоохранительным органам.

Данный факт подтверждается и результатами социологического исследования. Так, в качестве причин латентности преступлений, совершаемых с использованием цифровой валюты (криптовалюты) эксперты указали сокрытие их виновными (25 %), неразработанность методических рекомендаций по привлечению к уголовной ответственности, квалификации преступлений названного вида и расследованию (28 %), нежелание граждан обращаться в органы внутренних дел (20 %), сокрытие фактов от учета и регистрации (18 %), неэффективность прокурорского надзора (3 %), незаинтересованность в возбуждении уголовных дел в связи с отсутствием судебной практики (5 %).

Несмотря на то что на законодательном уровне предпринимаются шаги по регулированию цифровой валюты, к сожалению, принятых мер недостаточно, она по-прежнему отличается от фиатных валют и электронных денег своей анонимностью, децентрализацией, отсутствием единого эмитента и несет в себе угрозы криминологической безопасности. По этой причине масштабный ее рост и миллиардные обороты беспокоят сегодня не только правоохранительные органы России, но и всего мирового сообщества.

В настоящее время, как свидетельствуют результаты изучения судебной практики, при квалификации преступлений, совершаемых с использованием цифровой валюты (криптовалюты), правоприменители сталкиваются с проблемами определения предмета и средств совершения преступлений, установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Отсутствие единой правоприменительной практики, методических рекомендаций и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ приводит к ошибкам при их квалификации. В этой Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», ссылаясь на примечание к ст. 158 УК РФ и 128 ГК РФ, рекомендовал электронные денежные средства относить к имуществу¹.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" и от 16 октября 2009 года № 19 "О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочия-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.10.2021).

ми и о превышении должностных полномочий"»¹ предметом взяточничества и коммерческого подкупа может быть незаконное предоставление имущественных прав. В этом случае у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав согласно ст. 141¹ ГК РФ.

Несмотря на отсутствие уголовной ответственности за противоправный оборот цифровой валюты, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»² содержится следующее разъяснение: исходя из положений ст. 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалют), приобретенных в результате совершения преступления»³.

Согласно полученным данным только с 2015 по 2021 г. судами Российской Федерации вынесено более 300 приговоров за незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемый с использованием цифровой валюты (криптовалюты), а также за последующую легализацию (отмывание) преступных доходов. Изучив мате-

¹ О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2021).

² О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2021).

³ Виртуальные активы и провайдеры виртуальных активов: руководство по применению риск-ориентированного подхода [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/113302/Руководство_РОП_ВА_ПУВА.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

риалы уголовных дел, приговоры судов по делам названной категории, мы пришли к выводу о том, что данный вид криминальной деятельности является высоколатентным, прибыльным, организованным, в ней прослеживается использование блочно-сетевой структуры, что позволяет преступникам не взаимодействовать лично, общение осуществлять только дистанционно по сети Интернет (Даркнет, TOR, Hydra и др.) или мобильной связи через всевозможные мессенджеры и социальные сети.

Исследование проблемных вопросов квалификации преступлений, совершаемых с использованием цифровой валюты (криптовалюты), позволило сделать вывод о необходимости установления уголовной ответственности за преступную деятельность с использованием цифровой валюты (криптовалюты), которая должна соответствовать критериям криминализации деяния [7, с. 48].

Актуальность и целесообразность криминализации этих преступлений очевидна, о чем свидетельствуют статистические данные, материалы судебной практики, а их характер и степень общественной опасности предопределяет необходимость воздействия на эти деяния уголовно-правовыми средствами. Мировой опыт показывает, что сложно предотвратить совершение групповых преступлений в сфере оборота цифровой валюты¹. Это подтверждается и результатами социологического исследования.

В ходе обоснования законодательных изменений учитывалось и мнение экспертов, полученное в ходе проведенного социологического исследования. Так, 19 % респондентов рассматривают цифровую валюту как спекулятивный актив, не имеющий практического применения, 2,8 % – как предмет коллекционирования, более половины (51 %) – как цифровую валюту будущего, многие видят в ней многофункциональный цифровой товар (27,2 %). Также уточнялось, насколько респонденты информированы о цифровой валюте (криптовалюте). Большинство (45,8 %) знают о ее существовании и знакомы с условиями ее использования; 29,2 % считают, что она получила широкое распространение в России, представляет собой виртуальную валюту или электронные деньги (25 %). Информацию о криптовалюте респонденты получают из средств массовой информации (39,4 %), из материалов конференций (12,5 %), из источников правоохранительных органов (20,1 %), из прочих источников (20 %), имеют общую осведомленность 8 % [8, с. 231].

¹ Сикирин В. Криптовалюты и преступность: что говорит статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://decenter.org/ru/kriptovalyuty-i-prestupnost-chto-govorit-statistika> (дата обращения: 05.11.2021).

Доказуемость преступлений, совершенных с использованием цифровой валюты (криптовалюты), сомнений не вызывает, поскольку это обусловлено данными официальной статистики, более того, их криминализация не противоречит законодательству Российской Федерации и нормативным документам международного уровня. В этой связи предлагаем:

1) дополнить ст. 63 УК РФ пунктом «с», изложив его в следующей редакции: «с) с использованием виртуальной валюты (криптовалюты)»;

2) дополнить ч. 1 ст. 172², ч. 1 ст. 174, ч. 1 ст. 174¹, ч. 1 ст. 185³, ч. 1 ст. 204, ч. 1 ст. 290 УК РФ, а также примечание к ст. 174 УК РФ признаками «виртуальной валюты (криптовалюты)»;

3) дополнить Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» статьей 3.1, в которую включить понятия двух видов цифровой валюты:

– электронные деньги – это обладающие статусом законного платежного средства и используемые для электронного перевода валюты, которые хранятся в электронном виде на программно-техническом устройстве и выражают сумму обязательств эмитента перед держателем по погашению такими деньгами;

– виртуальная валюта (криптовалюта) – это цифровой актив, представляющий собой разновидность цифровой валюты. Он анонимен, защищен, состоит из цепочки криптографических кодов, существует лишь в виде записей цифр пользователей системы распределительного реестра (блокчейна).

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Развитие виртуальных экономических отношений способствовало быстрому распространению виртуальной валюты (криптовалюты), к которой сегодня сложилось неоднозначное отношение во всем мире. Международное сообщество обеспокоено отсутствием нормативного регулирования виртуальной валюты (криптовалюты), ростом преступности, особенно таких ее видов, как легализация (отмывание) преступных доходов, мошенничество, финансирование терроризма, незаконный оборот наркотиков, оружия, торговля людьми и пр. Непростым этот вопрос остается и для России. Несмотря на принятие ряда законодательных актов, вопрос правового регулирования цифровой валюты (криптовалюты) пока остается не решенным. В то же время увеличение роста преступлений, совершаемых с использованием виртуальной валюты (криптовалюты), социально-правовая обусловленность криминализации преступной дея-

тельности с ее использованием диктует необходимость принятия решений в части введения уголовной ответственности за использование цифровой валюты в преступных целях. Надеемся, что предпринятая попытка создания уголовно-правового механизма противодействия преступной деятельности с использованием цифровой валюты (криптовалюты) – это только начало большой законодательной инициативы.

Библиографический список

1. Пинкевич Т.В. Преступность с использованием криптографических кодов и ее влияние на криминологическую безопасность России // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 3. С. 88–91.
2. Пинкевич Т.В. Некоторые проблемы создания механизма противодействия преступлениям, совершаемым с использованием виртуальной валюты и инвестиционных платформ // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности : сб. ст. IV Всерос. науч.-практ. конф., 30 сент. – 1 окт. 2019 г. Саратов : Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2019. С. 285–289.
3. Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С. Цифровая криминология : учеб. пособие. М. : Акад. упр. МВД России, 2021. 244 с.
4. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции / С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников, Ю.М. Берёзкин, Я.А. Суходолов // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 85–93.
5. Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М. : Юрлитинформ, 2002. 496 с.
6. Андреев Б.В., Пак П.Н., Хорст В.П. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации. М. : Юрлитинформ, 2001. 148 с.
7. Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. 180 с.
8. Долгиева М.М. Социальная обусловленность возникновения уголовно-правовых запретов нарушений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 225–235.

Дата поступления: 03.12.2021

PINKEVICH Tatiana Valentinovna

*Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Policy,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia; pinkevich@yandex.ru*

*Articles in the database Scopus/Web of Science: DOI:
10.2991/aebmr.k.200502.031*

PREVENTION OF CRIMES COMMITTED IN THE DIGITAL CURRENCY (CRYPTOCURRENCY) TURNOVER

In modern Russia, thanks to the development of digital technologies, the usual image of economic relations is radically changing. The list of possibilities of their application in the modern world is rapidly expanding. The construction of a digital economy system as the most optimal environment for the application of these technologies is the logical outcome of digital transformation. Against this background, virtual economic relations, electronic payment services, virtual crypto exchanges, crowdfunding are actively developing, which contributes to the development of electronic money and digital currencies. These processes have increased the number of criminal manifestations, crime has been modernized, new types of crime have appeared, as well as new objects, methods and means of committing crimes. The results of the author's comprehensive crime study indicate an increase in crimes committed using digital currency (cryptocurrency) [1, p. 89; 2, p. 287]. In this connection, consideration of the problems of its conceptual apparatus, legal regulation, study of the issues of legalization of this digital asset, criminal activities with its use may be now necessary to ensure criminological security, since national authorities do not control digital currency (cryptocurrency); it can compete with national fiat currencies and lead to their weakening. At the same time, the development of the digital currency (cryptocurrency) market and the growth of transactions is increasing daily. Sometimes they are used for criminal purposes. However, the insufficiency of its regulation is not conducive to the prevention of crimes in which it is the means of commission and the object of criminal activity. The **purpose** of the article is to develop scientifically sound proposals for improving criminal legislation and preventing crimes committed both in relation to digital currency (cryptocurrency) and with their use. **Methods.** In the course of the study, general scientific methods of cognition are used, as well as special scientific methods (system-structural, formal-logical extrapolations, prognostic, documentary analysis, statistical, interviewing, etc.). The **results** of the study show a high level of

acts committed both in relation to the digital currency and with its use. Such crimes are characterized by a high degree of public danger, determined by the damage caused to the individual, society and the state, as well as the commission of acts by representatives of transnational organized crime, characteristics of the object and means of committing such crimes, social consequences, and a high level of latency. The relevance and expediency of criminalization of these crimes is proved, as evidenced by crime statistics, materials of judicial practice, the nature and degree of their public danger, and the possibility of influencing them by legal means. Proposals have been prepared and presented to improve criminal legislation in the field of preventing crimes committed using digital currency (cryptocurrency).

Keywords: prevention; crime; digital currency; qualification problems; improvement of criminal legislation; sociological research.

References

1. Pinkevich T.V. Crime with use of cryptography-codes and its influence on criminological safety of Russia. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Economic Problems and Legal Practice*, 2019, no. 3, pp. 88–91. (In Russian).
2. Pinkevich T.V. Some problems of creating a mechanism for counteracting crimes committed using virtual currency and investment platforms. *Ugolovno-pravovoe vozdejstvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti. Sbornik statej IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 30 sentyabrya – 1 oktyabrya 2019 g.* [Criminal law impact and its role in crime prevention. Collection of articles of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, September 30 – October 1, 2019]. Saratov State Law Academy Publ., 2019, pp. 285–289. (In Russian).
3. Ischuk YA.G., Pinkevich T.V., Smolyaninov E.S. *Cifrovaya kriminologiya* [Digital criminology]. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2021. 244 p.
4. Ivantsov S.V., Sidorenko E.L., Spasennikov B.A., Berezkin YU.M., Sukhodolov YA.A. Cryptocurrency-related crimes: key criminological trends. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 85–93. (In Russian).
5. Volevodz A.G. *Protivodejstvie komp'yuternym prestupleniyam: pravovye osnovy mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Countering computer crimes: legal basis for international cooperation]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2002. 496 p.

6. Andreev B.V., Pak P.N., Horst V.P. *Rassledovanie prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii* [Investigation of crimes in the field of computer information]. Moscow, YUritinform Publ., 2001. 148 p.

7. Zubalova O.A. *Ugolovno-pravovye меры бор'бы с организацией экстремистского сообщества. Kand. Diss.* [Criminal law measures to combat the organization of an extremist community. Cand. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2013. 180 p.

8. Dolgieva M.M. Social conditionality of the emergence of criminal law prohibitions of violations committed in the field of cryptocurrency turnover. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10, pp. 225–235. (In Russian).

Received: 03.12.2021

УДК 343.976

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.6

ФИЛЬЧЕНКО Андрей Петрович

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовной политики Академии управления МВД России,
г. Москва, Россия; arfilchenko@yandex.ru*

ЖАНДРОВ Владимир Юрьевич

*кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
г. Москва, Россия; vaisvladimir74@gmail.com*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗАПРЕЩЕННОЙ РЕКЛАМЕ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНОВ ПО ПРОДАЖЕ НАРКОТИКОВ

В связи с ростом преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, актуальной задачей государства является поиск эффективных способов сужения наркорынка. Противодействие запрещенной рекламе наркотиков и адресов их бесконтактного сбыта в Интернете (Darknet) – перспективное направление предупредительной деятельности, значение которого на сегодняшний день недооценено. **Цель** статьи заключается в определении основных направлений уголовной политики России в сфере противодействия открытой и завуалированной рекламе интернет-магазинов, реализующих наркотики бесконтактным способом. При подготовке статьи использовались **методы:** статистический, контент-анализа интернет-ресурсов, системный, формально-логический и юридического анализа. **Результаты:** незаконная реклама в сфере незаконного оборота наркотиков является самостоятельным направлением профессиональной преступной деятельности, использующей апробированные в легальной экономике маркетинговые приемы. Размещаемая на объектах городской инфраструктуры, обычных сайтах и в соцсетях реклама интернет-магазинов по продаже наркотиков способствует расширению аудитории наркопотребителей. Направлением уголовной политики России должна стать организация противодействия незаконной рекламе наркотиков, включая криминализацию размещения подобной рекламы.

Ключевые слова: наркомания; незаконный оборот наркотиков; реклама наркотиков; бесконтактный способ; сбыт наркотиков; склонение к употреблению наркотиков.

По данным официальной статистической отчетности МВД России, в 2020 г. органами внутренних дел выявлено 46 288 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), что на 91,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года (в 2019 г. выявлено 24 155 подобных преступлений). Для сравнения: в 2017 г. Главное управление по контролю за оборотом наркотиков МВД России выявило 7179 наркопреступлений, совершенных с использованием ИТТ. Негативная динамика наркопреступности соответствует общему тренду роста преступлений, совершаемых с помощью высокотехнологичных коммуникационных инструментов: с 2014 по 2019 г. количество таких преступных деяний выросло более чем в 25 раз – с 11 тыс. зарегистрированных фактов до 294,4 тыс. В 2020 г. зарегистрировано уже 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИТТ, что на 73,4 % больше, чем в 2019 г. В том же 2020 г. стоимость изъятых территориальными органами МВД России различных видов наркотиков в пересчете по ценам черного рынка составила более 22 млрд руб., а установленная сумма легализованных денежных средств, полученных от незаконного оборота наркотиков, составила всего лишь 1,2 % от общей (условной) стоимости изъятых наркотических средств. Приведенные данные свидетельствуют об ухудшении наркоситуации в стране, что особенно важно учитывать при оценке эффективности социально-политического порядка, индикатором которого является уровень наркопотребления [1, с. 206]. Наркопреступность изменяется за счет активного использования цифровых технологий [2; 3; 4].

Как известно, организация преступного наркобизнеса связана с принятием мер к расширению территории незаконного распространения наркотических средств [5, с. 57]. Стремление организованных групп к наращиванию объемов продаж наркотиков делает их зависимыми от необходимости рекламирования своей деятельности, самих запрещенных веществ, интернет-магазинов по их продаже, информирования потенциальных потребителей о скидках, программах лояльности, а также размещения объявлений о найме распространителей наркотиков.

Размещение рекламы наркотиков в открытой части Интернета становится возможным из-за недостатков фильтрации поискового контента и упущений премодерационной работы администраторов поиско-

вых систем, вызываемой как объективными, так и субъективными причинами. Среди объективных причин особенно выделяется использование злоумышленниками методов маскировки запрещенного рекламного контента под текстовое описание легальных товаров и услуг, позволяющее обходить фильтры и правила рекламной деятельности поисковых систем¹. Известны случаи подобной маскировки под рекламу онлайн-радиостанции в российском Facebook², которая работала путем созданной цепочки ссылок, имеющих конечным адресом заблокированную интернет-площадку по продаже наркотиков.

Вопреки ожиданиям специалистов, появление скрытой от индексации части Интернета (Darknet) не привело к исчезновению рекламы наркотиков в открытой его части. Запрещенные вещества продолжают рекламироваться на обычных сайтах и в соцсетях. При этом рекламные объявления могут размещаться не только на специально созданных для этого сайтах, но и незаконно встраиваться в новостные, торговые и другие часто посещаемые пользователями ресурсы.

Бесконтактный (с использованием информационно-телекоммуникационных систем) сбыт наркотиков оказывается более гибким с позиции технологии ведения криминального бизнеса, где onlineshop играет роль выставочного центра продукции и услуг, с возможностью обработки всех заказов через Интернет. Используемые электронные ресурсы не только позволяют преодолеть ограничения, связанные с коммуникациями в рамках ограниченной территории, но и порождают конкуренцию между владельцами интернет-магазинов, продающих схожие виды запрещенных веществ и ориентирующихся на одни и те же группы потенциальных потребителей наркотиков.

В условиях быстро меняющегося информационного пространства современная наркоторговля адаптировала под свои цели известные в экономике маркетинговые приемы для продвижения товаров и услуг. Простое информирование наркопотребителей о том, где можно купить тот или иной наркотик, какова его цена, качество, другие важные характеристики, уже не считается достаточным. Поэтому применяются раз-

¹ Правила рекламной деятельности Facebook [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-ru.facebook.com/policies/ads> \$ (дата обращения: 21.11.2021) ; Правила Google рекламы [Электронный ресурс]. URL: <https://support.google.com/adspolicy/answer/6008942?hl=ru> (дата обращения: 21.11.2021).

² В российском Facebook появилась реклама наркотиков [Электронный ресурс]. URL: <https://thebell.io/v-rossijskom-facebook-poyavilas-reklama-narkotikov> (дата обращения: 21.11.2021).

личные методики, связанные с убеждением потенциальных потребителей в достоинстве товара, мотивацией к его покупке именно в этом магазине, а также стимулированием дополнительного спроса.

В качестве основных средств продвижения можно выделить наличие доступного и понятного интерфейса магазина, присутствие на тематическом форуме с созданием положительного мнения клиентов и, безусловно, рекламу. Следует отметить, что имеющиеся на интернет-ресурсах предложения, направленные на продвижение сетевого наркобита через онлайн-магазины, условно поделены на те, которые занимаются дизайном и графическими разработками, и те, которые производят различную наружную рекламу. Рекламная деятельность давно стала самостоятельным направлением преступной квалификации [6, с. 662–663; 7, с. 7].

В первом случае предлагается разработать всю графику, брендинг магазина (макеты ручек, флаеров, визиток, наклеек с возможностью печати и отправки), сопровождение по иконкам и мелким правкам, уникальные иконки под каждый вид товара. При исполнении заказа в целях безопасности используются только фотобанки и приватные ресурсы, время исполнения – от 2 до 7 дней при заявленной стоимости 35 000 руб.

Второе направление преимущественно представлено граффити и трафаретной рекламой, согласованной с заказчиком. Стоимость услуг по нанесению 100 трафаретных надписей с предоставлением фотоотчета составляет 17–19 тыс. руб. Расчет производится посредством транзакций в криптовалюте биткойн.

Распространенность уличной наркорекламы постоянно становится предметом обсуждения в средствах массовой информации и на площадках Интернета. Отсутствие официальных данных об объеме уничтожаемых надписей и изображений с рекламой сбыта наркотиков частично может быть восполнено сведениями официальной статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ, ведущего статистику правонарушений, предусмотренных ст. 6.13 КоАП РФ. Всего в 2020 г. поступило для рассмотрения по данной статье 453 дела, тогда как еще в 2016 г. их было всего 58¹. Динамика привлечения виновных к административной ответственности за пропаганду наркотиков и мест их

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях (№ 1-АП) // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 21.11.2021).

сбыта позволяет проследить ряд тенденций: неуклонный рост ежегодно рассматриваемых дел по ст. 6.13 КоАП РФ (за последние 4 года их количеств выросло в 3,4 раза), некоторое улучшение качества подготавливаемых процессуальных материалов, о чем свидетельствует повышение доли наказанных лиц среди всех тех, в отношении кого рассматривались подобные дела (в 2016 г. – 64,7 %, в 2019 – 68,3 %). Данный показатель свидетельствует о сокращении дел, возвращаемых для устранения недостатков в протоколах, а также отмены вынесенных постановлений и решений, принятия решений об освобождении от уголовной ответственности (включая устное замечание), освобождения от наказания, увеличении доли физических лиц в структуре всех привлеченных к административной ответственности (с 65,9 % в 2016 г. до 98,7 % в 2020 г.).

Указанные статистические данные охватывают все виды рекламы, включая рекламу на предметах одежды, а также рекламу на просторах Интернета и в мессенджерах. Вместе с тем общий тренд противоправной рекламной деятельности в сфере наркоторговли очевиден: она ежегодно наращивает свой объем.

Условия, способствующие распространению уличной рекламы наркотиков, можно разделить на четыре группы.

1. Доступность и разнообразие мест нанесения рекламных надписей. Граффити со ссылками на интернет-ресурсы, созданные с целью распространения наркотических средств, наносятся на фасады домов, зданий, временные строительные объекты, заборы, хозяйственные постройки, различные элементы благоустройства, мосты, размещаются в надземных и подземных переходах, на остановочных павильонах и др. Все эти объекты, составляющие инфраструктуру, находятся в шаговой доступности, не всегда охраняются, представлены в большом количестве, в связи с чем далеко не всегда можно предсказать, на каких объектах появятся новые надписи.

2. Минимальные затраты на производство рекламного контента. Для создания граффити не требуется специальных, в том числе художественных навыков, длительного времени и материальных ресурсов – покрасочные средства не являются дорогостоящими и находятся в свободной продаже.

3. Относительно длительный период выполнения нанесенным изображением рекламной функции. Длительность существования наркорекламы зависит от целого ряда обстоятельств, наиболее важными из которых являются:

а) отсутствие обращений в органы власти ввиду незнания, недооценки или неправильной оценки гражданами значения информацион-

ного сообщения или изображения. В своем большинстве рекламные наркограффити маскируются под вполне безобидные, выглядят как случайный набор цифр и английских букв, чем вводят непосвященных в заблуждение относительно их криминальной направленности;

б) нежелание занимать активную гражданскую позицию в противодействии наркорекламе, вызванное безразличием к происходящему, восприятием наркомании и наркобизнеса не как социальной проблемы, а как допустимой части повседневной жизни;

в) бюрократический характер принятия мер по уничтожению обнаруженной надписи или изображения. Проблема с уничтожением граффити решается быстрее, если подобная реклама причиняет существенный вред собственникам зданий, сооружений, транспортных средств и портит дорогостоящее покрытие объектов. Такие действия содержат признаки вандализма, ответственность за который предусмотрена ст. 214 УК РФ. Решение по сообщению о преступлении, согласно ст. 144 УПК РФ, принимается в срок не позднее трех суток со дня его поступления. В последующем на основании данного решения определяется и судьба изображения, а также процедура возмещения причиненного ущерба.

Гораздо более длительным может оказаться время существования рекламы, если ее нанесение не причиняет очевидного существенного вреда либо собственник проявляет безразличие к необходимости ее уничтожения. В соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» обращения граждан регистрируются в течение трех дней с момента их поступления адресату (ч. 3 ст. 8), а затем рассматриваются в течение 30 дней (ч. 1 ст. 12). Тот же срок установлен и в п. 91 Приказа МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации». Таким образом, уничтожение уличной наркорекламы в порядке рассмотрения обращений граждан, а не в порядке срочной реакции по пресечению административного правонарушения позволяет существовать нанесенным изображениям весьма длительное время;

г) незнание гражданами своих прав и порядка возможных действий по пресечению совершения административных правонарушений, когда они становятся очевидцами нанесения наркограффити или видят уже размещенную наркорекламу. Граждане не спешат проявлять инициативу в самовольном закрашивании нанесенных на объекты инфраструктуры подозрительных текстов и изображений, опасаясь быть при-

влеченными к административной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 7.17 КоАП РФ) или мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ);

Подобные опасения могут быть вполне обоснованными, поскольку покраска, например, городских фасадов требует соблюдения норм, установленных Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, а также органами исполнительной власти субъектов Федерации. В частности, покраска должна производиться согласно колерному паспорту, а сами покрасочные работы не должны наносить ущерб техническому состоянию и архитектурно-градостроительному облику зданий. Гражданин не всегда может учесть все эти факторы;

д) предпочтение рейдовому характеру по уничтожению уличной наркорекламы органами внутренних дел. Ликвидация наркорекламы проводится, как правило, в рамках организуемых акций по предупреждению наркомании. Сигналом к проведению подобных мероприятий становится увеличение интенсивности сообщений неравнодушных граждан о появлении надписей. Напомним, что пресечение административных правонарушений является обязанностью сотрудников полиции. Неисполнение данной обязанности в повседневном режиме позволяет существовать наркографити в периоды от рейда к рейду.

4. Несоответствие объема ответственности выгодам трафаретчика. Изучение размещенных на площадках в DeepWeb объявлений о предложениях, направленных на продвижение сетевого наркосбыта через уличную рекламу, показало, что средний тариф оплаты труда трафаретчика составляет 17–19 тыс. руб. за нанесение 100 надписей, подтверждаемых фотоотчетом. Расчет предлагается производить посредством транзакций в криптовалюте биткойн. По мнению экспертов – сотрудников правоохранительных органов, лица, вовлеченные в нанесение уличной наркорекламы, зарабатывают до 60 000 руб. в неделю. Иногда в качестве средства расчетов выступает эквивалентный данной стоимости размер наркотического средства.

Используются и другие специфические способы продвижения рекламы наркомагазина: анонимная печать тиража футболок с принтом адреса или «товарного знака» интернет-магазина заказчика, изготовление стикеров, размещение объявлений на информационных досках. В последнем случае реклама используется не только для повышения рейтинга собственного сайта на электронной площадке, но и для понижения рейтинга конкурентов путем публикации дискредитирующих объявлений. Стоимость такой рекламы составляет в среднем 50 тыс. руб. и выше.

Отдельно следует указать на оказание услуги, связанной с предоставлением анонимного трафика на ресурсах Google с заявленной целью – от поиска наркокурьеров до раскрутки тематического Youtube-канала и тому подобного интернет-контента. Заявленная цена – от 400 долл. за единицу продукта. Известны случаи сопровождения рекламы торговой площадки, на которой функционируют интернет-магазины наркотиков, анимированными рекламными роликами, излагающими краткую историю развития человечества в неразрывной связи с употреблением наркотиков, которые, со слов авторов, помогали им совершать различные «духовные подвиги». Каждое значимое историческое событие привязывалось к какой-либо дате, имеющей отношение к наркоиндустрии, будь то открытие LSD или MDMA. При этом последним важным событием в «войне за свободу человека» авторы считают создание своего сайта. Показательно завершение одного из роликов, в котором авторы уверяют зрителей в том, что покупка и продажа наркотиков на торговой площадке полностью анонимна, следовательно, безопасна. При этом государственные органы якобы бессильны перед новыми технологическими возможностями разработчиков данных интернет-площадок.

По данным судебной статистики, в 2020 г. в отношении 97,5 % лиц, наказанных в административном порядке по ст. 6.13 КоАП РФ, вынесен штраф, максимальный размер которого, согласно ч. 1 указанной статьи (охватывающей уличную наркорекламу), не превышает 5 тыс. руб. В остальных 2,5 % случаев было вынесено предупреждение. Если виновный несовершеннолетний, то размер штрафа сокращается и становится вовсе незначительным. Кроме того, в России пока не введена уголовная ответственность для лиц, распространяющих в Интернете информацию о местах сбыта наркотиков. Очевидно, что имеющиеся законодательные средства не способны создать адекватный заслон эскалации противоправной деятельности по размещению уличной наркорекламы и требуют совершенствования.

Для решения задачи поиска открытой и завуалированной рекламы наркотиков в Интернете на помощь органам внутренних дел приходят возможности искусственного интеллекта, способного выполнять операцию распознавания – определения необходимых признаков в исследуемых данных [8, с. 212]. Задача идентификации преступного (запрещенного) контента решается сегодня с использованием типичных методов автоматизированной обработки текста, изображений и звуковых дорожек (интервью, сообщений, бесед) на базе алгоритмов так называемого машинного обучения (Machine Learning), которые справляются с ее решением, показывая

точность в 70 %¹. Предположительно, проверке могут подвергаться текстовые файлы, изображения и прероллы (запускаемые автоматически рекламные ролики, предваряющие просмотр другого видео), статистика просмотров которых в среднем составляет 20 000 раз в сутки².

Правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков имеют различную степень общественной опасности. Потребление наркотиков без назначения врача наносит прямой вред общественному здоровью. Незаконная реклама наркотиков к данным опасным последствиям, на первый взгляд, не приводит, однако она способствует увеличению спроса на наркотики, с чем и следует связывать ее общественную опасность.

К сожалению, практика выявления такого рода правонарушений свидетельствует о том, что целенаправленной работы по данному направлению не ведется. Установление фактов незаконной рекламы наркотиков, чаще всего происходит в ходе деятельности сотрудников правоохранительных органов, связанной с охраной общественного порядка. Анализ административной практики показывает, что если указанные правонарушения и фиксируются, то исключительно в случае задержания с поличным. В то время как факты обнаружения самой уличной рекламы, нанесенной, к примеру, на стены домов, несмотря на наличие материальных признаков ст. 6.13 КоАП РФ, сотрудниками, несущими службу по охране общественного порядка, не фиксируются.

Между тем ведомственные нормативные документы напрямую указывают отдельным службам органов внутренних дел выявлять правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, и в установленном порядке информировать подразделения по контролю за оборотом наркотиков на обслуживаемой территории³.

¹ Искусственный интеллект против наркотиков: как Big Data и Mashine Learning борются с отравой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bigdataschool.ru/blog/ai-vs-drugs.html> (дата обращения: 21.11.2021).

² Наркнет: как запрещенные вещества рекламируют в обычном Интернете // Известия. 2018. 26 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/815171/ignat-shestakov/narknet-kak-zapreshchennye-veshchestva-reklamiruiut-v-obychnom-internete> (дата обращения: 21.11.2021).

³ Об утверждении Положения о взаимодействии при осуществлении деятельности по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ : приказ МВД РФ от 27.12.2018 № 886 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.11.2021).

Следует учитывать, что такого рода информация, полученная должным образом, указывает в первую очередь на то, что в очерченной рекламой локации имеются факты организованного сбыта наркотиков, совершаемые преступным сообществом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что является основанием для проведения оперативно-разыскных мероприятий в полном объеме (ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

В целом борьбу с незаконным предложением наркотиков нельзя рассматривать в отрыве от всей совокупной деятельности государства по контролю за оборотом наркотических средств. Именно через различные формы рекламы, направленной на склонение к потреблению наркотиков, происходит вовлечение в незаконный оборот новых наркопотребителей, которые действуют по принципу сетевого маркетинга и вовлекают новых участников. Поэтому наряду с наказуемостью деяний по культивированию, изготовлению, хранению, перевозке и иным формам незаконного распространения наркотиков следует рассмотреть вопрос о криминализации и ужесточении административной ответственности за размещение рекламы интернет-магазинов по продаже наркотиков.

Библиографический список

1. Алейников А.В., Сунами А.Н. Политические стратегии антинаркотического управления: кейс ФСКН России // Вестник Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 206–215.
2. Бычкова А.М. Трансграничный интернет и его роль в распространении глобальной угрозы наркотизма // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование : матер. Междунар. Байкал. форума, Иркутск, 20–21 сент. 2018 г. / под науч. ред. Е.Р. Метелевой. Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. С. 247–253.
3. Соловьев В.С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации. М. : Юрлитинформ, 2017. 176 с.
4. Овчинникова О.В. Особенности расследования сбыта наркотических средств, совершенных с использованием сети Интернет // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 94–98.
5. Князьков А.С. Соучастие в незаконном сбыте наркотических средств и их аналогов, совершаемом путем использования электронных

и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Томск. гос. ун-та. Право. 2018. № 30. С. 53–66.

6. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2010. 800 с.

7. Суходолов А.П., Бычкова А.М. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 5–17.

8. Степаненко Д.А., Бахтеев Д.В., Евстратова Ю.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 206–214.

Дата поступления: 23.11.2021

FILCHENKO Andrey Petrovich

*Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Policy,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia; apfilchenko@yandex.ru*

ZHANDROV Vladimir Yurievich

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department
of Operational Investigative Activities and Special Equipment,
Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Moscow,
Russia; vaisvladimir74@gmail.com*

**COUNTERACTING FORBIDDEN ADVERTISING
OF ONLINE SALE OF DRUGS**

In view of the increase in drug trafficking offences committed through the use of information and telecommunications technologies, the state must seek effective ways to reduce the drug market. Counteracting illegal advertising of drugs and their marketing addresses on the Internet (Darknet) is a promising area of prevention that has been underestimated to date. The **purpose** of the article is to determine the main directions of Russia's criminal policy in the field of counteracting open and veiled advertising of online stores selling drugs in a non-contact manner. **Methods** of statistics, content analysis of Internet re-

sources, systemic, formal-logical and legal analysis are used. **Results:** illegal advertising in the area of drug trafficking is an independent direction of professional criminal activity, using marketing techniques tested in the legal economy. The advertisement of online drug stores on urban infrastructure facilities, regular websites and social media helps to expand the reach of drug users. Efforts to combat illicit drug advertising, including the criminalization of such advertising, should be part of Russia's criminal policy.

Keywords: drug addiction; drug trafficking; drug advertising; non-contact manner; drug sale; inducement to drug use.

References

1. Aleinikov A.V., Sunami A.N. Political strategies of anti-drug management: the case of the Federal drug control service of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* = *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2020, no. 58, pp. 206–215. (In Russian).
2. Bychkova A.M. Cross-border Internet and its role in the spread of the global threat of drug addiction. In Meteleva E.R.(ed.). *Evrazijskij integracionnyj proekt: civilizacionnaya identichnost' i global'noe pozicionirovanie. Materialy Mezhdunarodnogo Bajkal'skogo foruma, Irkutsk, 20–21 sentyabrya 2018 g.* [Eurasian Integration Project: Civilizational Identity and Global Positioning. Poceedings of the International Baikal Forum, Irkutsk, September 20–21, 2018]. Baikal State University Publ., 2018, pp. 247–253. (In Russian).
3. Soloviev V.S. *Kriminogennyj potencial social'nogo segmenta seti Internet: metodika ocenki i mery nejtralizacii* [Criminal Potential of the Social Segment of the Internet: Methods of Assessment and Measures of Neutralization]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2017. 176 p.
4. Ovchinnikova O.V. Features of the investigation of the sales of drugs resulting from the use of internet network. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* = *Legal Order: History, Theory, Practice*, 2018, no. 1, pp. 94–98. (In Russian).
5. Knyazkov A.S. Complicity in the illicit sale of drugs and their analogues, perpetrated via electronic information and telecommunication networks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* = *Tomsk State University Journal of Law*, 2018, no. 30, pp. 53–66. (In Russian).
6. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. (eds.). *Kriminologiya* [Criminology]. 4th ed. Moscow, Norma Publ., 2010. 800 p.

7. Sukhodolov A.P., Bychkova A.M. Digital technologies and drug-related crime: problems of counteracting the use of «Telegram» messenger for trafficking drugs. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 5–17. (In Russian).

8. Stepanenko D.A., Bakhteev D.V., Evstratova Yu.A. The use of artificial intelligence systems in law enforcement. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 206–214. (In Russian).

Received: 23.11.2021

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL
PROBLEMS IN THE FORMATION
OF THE RULE-OF-LAW STATE**

УДК 340.12

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.7

КАЛИНИН Сергей Артурович

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
теории и истории государства и права Белорусского
государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь; Kalinin@bsu.by*

**УНИКАЛЬНОЕ И ЗАКОНОМЕРНОЕ
В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ ГОСУДАРСТВА**

В статье анализируются проблемы современного понимания государства, факторы и детерминанты, определяющие его сущность. Выдвигается идея о том, что важнейшим фактором, определяющим необходимость переосмысления сущности государства, является современный глобальный кризис и хаотизированная нестабильность. Предлагается методология изучения государства, отвечающая постнеклассической научной и управленческой рациональности. Обосновываются новоевропейская природа и признаки современной государственности, которая испытывает влияние трехуровневой структуры государственности в мир-системе, выявляются особенности исторического возникновения конкретных стран. Предлагается изучать государство через соотношение триады параметров «власть – население – территория», взаимодействие которых порождает различные типы организации власти. **Цель:** предложить новые методы, пригодные для изучения государства в контексте современного глобального кризиса, сопровождающегося снижением познавательного потенциала методологии, сформированной в рамках либеральной геокультуры; проанализировать на основе выдвинутых методов сущность и природу современной государственности. **Методы** постнеклассической и класси-

ческой науки: включенности наблюдателя в познаваемую реальность, мир-системного анализа, субъектный, пространственного измерения, исторический. **Результаты:** исследование позволило выявить новоевропейскую природу современной государственности, приходящей в упадок в результате глобального кризиса, раскрыть исторические особенности формирования такого типа государственности, в том числе применительно к Республике Беларусь.

Ключевые слова: государство; признаки и сущность; новоевропейская государственность; белорусская государственность; методология юриспруденции; факторы и детерминанты государственности; пространственное измерение государственности.

Особенностью юриспруденции как сложной и многоаспектной сферы бытия является дуализм ее предмета, включающий неразрывно взаимодействующие на различных уровнях и взаимообусловленные государство и право, которые допустимо рассматривать в качестве видов публичной власти и социального регулирования. При этом сами вопросы сущности государства и права являются в правоведении наиболее сложными и, по сути, воспринимаются конвенционально применительно к конкретной эпохе, типу властвования и т. д. Такая конвенциональность коррелирует с теоремами о неполноте формальных систем К. Гёделя и А. Тарского. На наш взгляд, государство и право необходимо рассматривать в качестве следствий ряда внешних и внутренних факторов и детерминант, поэтому их изучение целесообразно предварять выявлением таких феноменов, понимая, что они могут конвенционально учитываться (адекватно, чрезмерно либо недостаточно) либо отвергаться, а термины «государство» и «право» могут обозначать сущностно различные явления.

Изучение любой государственности, на наш взгляд, требует учета таких относимых к постнеклассической научной и управленческой рациональности методологических принципов, как детерминированность свойств познаваемого предмета качествами и ценностно-мировоззренческими стереотипами наблюдателя, включенность наблюдателя в познаваемую реальность.

То есть исследователь будет соотносить концептуальные проблемы государственности со своими мировоззренческими, историческими и иными стереотипами (ожиданиями), обусловленными как конкретно-исторической сущностью конкретного государства, так и «властным»/«социальным» заказом, направленным на бытие державы. В нашем слу-

чае на познание влияет сложная субъектность Республики Беларусь – современного новоевропейского постсоциалистического полупериферийного государства. Белорусская государственность имеет сложную нелинейную многофакторную природу, исторически являясь объектом иных, имеющих линейный нарратив, государственных миропроектов [1]. Она возникла в ходе революционных событий 1917 г., вызванных комплексом противоречий в Российской Империи и тенденций в капиталистической мир-системе, максимально усиленных Первой мировой войной.

В настоящее время наиболее значимой детерминантой государственности является глобальный кризис легитимированной либеральной геокультуры капиталистической мир-экономики, вызванный дефицитом пространства и ресурсов для экстенсивного расширения, падением норм прибыли и утратой США роли мирового гегемона. Это объективно снижает эвристически-познавательный потенциал феноменов, порожденных данной мир-экономикой и геокulturой (демократия, права человека, правовое государство и т. д.), требуя выработки новых подходов, позволяющих анализировать хаотизированную реальность. При этом важными тенденциями и аксиомами современной социально-гуманитарной науки являются:

1) рассмотрение либеральных государственно-правовых моделей в качестве эталонных и универсальных, что ставит незападные цивилизации и страны в положение вечных учеников;

2) констатация кризиса национального государства, которое в силу «врожденного» авторитаризма должно «передать» власть международным структурам и транснациональным корпорациям, о «демократической» сути которых говорить затруднительно.

Важным этапом данного кризиса явилось и противостояние капиталистической и социалистической систем, завершившееся капитуляцией и разрушением последней. В результате этого кризиса Республика Беларусь обрела независимость. Распад СССР повлек глобальную дезинтеграцию успешного миропроекта, обусловил переход постсоветских республик в периферийную (колониальную) государственность. Данный процесс в первую очередь ударил по России, которая, имея все возможности создать альтернативный центр глобального развития, генетически связанный с православной традицией христианской цивилизации, отдающей предпочтение социальной справедливости, стремилась стать младшим партнером «цивилизованного мира». В результате постсоветские республики также стали интегрироваться в «цивилизованный мир», но за счет отрицания любой позитивности исторического взаимодействия

с Русью-Россией, чрезмерной критичности к советскому периоду, негативного отношения к Победе в Великой Отечественной войне, виктимного национализма, русофобии и т. д. При этом Беларусь уже в 1994 г. отказалась от таких форм легитимации, выразив потребность в реинтеграции с Россией, в отстаивании положительной роли советского этапа истории, в необходимости самостоятельного целеполагания и т. д. Это отразилось в ответах на вынесенные на республиканские референдумы вопросы, которые заложили основу будущей интеграции Беларуси и России¹.

Считаем, что на данном этапе изучение государства как многомерного феномена, диалектически взаимодействующего с правом, является более актуальным. Так, многомерность позволяет рассматривать термин «государство» как обобщающий, характеризующий историческую, отделенную от населения, территориальную публичную власть; государственность, признаваемую правильной (идеальной) в конкретный исторический период либо конкретной уникальной цивилизацией. То есть государство должно одновременно рассматриваться и как концептуально-методологический, и как конкретно-исторический феномен, что отражает присутствие в государстве как номотетических, так и идеографических аспектов.

Диалектическое взаимодействие (единство и борьба противоположностей) государства и права выражается в том, что государство, описываемое правом как совокупность органов и полномочий (юридическое лицо), представляет собой динамический феномен, в рамках которого классы (сословия и т. д.) стремятся к реализации собственных целей. Право же статически закрепляет и охраняет сложившийся на определенном моменте и воспринимаемый (навязываемый) в качестве справедливого баланс интересов. То есть право выступает инструментом самоорганизации государства и представленного им социума.

Однако право имеет и иную природу, обеспечивающую нормирование власти и отражение в ней ценностно-мировоззренческой составляющей, которая и определяет параметры власти и государства как одной

¹ Республиканский референдум от 14 мая 1995 г., вопрос о придании русскому языку равного статуса с белорусским: за – 83,3 %, против – 12,7 %; поддерживаете ли Вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь: за – 75,1 %, против – 20,47 %; поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией: за – 83,3 %, против – 12,5 %. Референдум от 24 ноября 1996 г., вопрос о переносе Дня независимости Республики Беларусь (Дня Республики) на 3 июля – день освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне: за – 88,18 %, против – 10,46 %.

из ее форм. Поэтому требования об ограничении государства правом, управления через право и т. д. целесообразно рассматривать именно в таком контексте.

Также диалектическая противоречивость отражается в том, что юриспруденция, направленная на осмысление внутригосударственной (национальной) системы права, как правило, рассматривает государство в таком же (одномерном, национальном) ключе. Однако государство всегда находится в определенных меж-(интер-)субъектных взаимодействиях, касающихся:

1) внешних субъектных систем, включающих конкретную государственность;

2) внутренних субъектных систем (сословия, нации, конфессии и т. д.), стремящихся воздействовать на государство в своих интересах либо интересах иных субъектов.

Переосмысление сущности государства, объективно влекущее и переосмысление его признаков, целесообразно, на наш взгляд, проводить через триаду параметров «власть – население – территория», идентифицируемых в качестве «своих» либо «чужих». Обращение к такой триаде, взаимодействия в рамках которой порождают различные формы властвования, позволяет изучать идеографические уникальные факторы, заложенные как в отдельных типах государственности, так и в конкретных исторических державах. Эти факторы могут приобретать и номотетическое закономерное значение.

Взаимодействие названных параметров и сложная природа государства, на наш взгляд, наиболее корректно могут быть описаны в рамках:

1) постнеклассического субъектного подхода [2], рассматривающего государство в качестве уникальных пространственно локализованных и историко-детерминированных систем, обладающих качествами самоорганизации, саморазвития и саморегулирования, находящихся в сложных меж-(интер-)субъектных взаимодействиях, способных к целенаправленному преобразованию реальности, действующих в рамках внешних хаотических воздействий;

2) мир-системного анализа, объясняющего наличие нескольких типов государственности в мир-системе в силу способности капитализма порождать внекапиталистические формы экономической деятельности.

Также мир-системный анализ как неомарксистская доктрина позволяет вести речь о социальных и иных противоречиях, способы разрешения которых порождают общественные структуры, а субъектный подход свидетельствует о качестве стратегического управления и пла-

нирования, реализуемых в сложных кризисных условиях неясной природы и вступающих в конфликт с аналогичным целеполаганием иных субъектов (Failed state, перехват субъектности, управляемый хаос и т. д.) [3; 4; 5]. Это позволяет ввести в юриспруденцию термин «война», в том числе «гибридная война». Война – это «великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели» [6, с. 37], «подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [7, с. 12], характеризующая «вызовы» и качество «ответов» на них.

Использование мир-системного анализа позволяет именовать порожденную капиталистической мир-системой государственность новоевропейской, противопоставляя ее полисам, теократиям и империям [8]. При этом капиталистическая мир-система также порождает трехуровневую систему государственности (ядро – периферия – полупериферия), на которую оказывает влияние в том числе и пространственный фактор.

Западная политико-правовая наука начала активно осмысливать пространственную обусловленность государства, по сути, лишь с середины XIX в. Это совпало, выступив предпосылкой возникновения цивилизационного подхода, с очередной фазой колониального раздела мира и столкновением Запада с иными культурами, а также с трансформацией государственности, обусловленной переходом от феодализма к капитализму и обращением к национальной проблематике. Одновременно отметим корреляцию такого осмысления с «раздвоением» предмета юриспруденции, проявившимся в рассмотрении обусловленности сущности государства географическими и этническими факторами, вынесенными за рамки юридической науки, породившими феномены геополитики («политической географии») [9; 10, с. 19, 95–96, 105] и расовой теории сущности государства [11; 12; 13]. Так, Р. Челлен указывал на наличие у каждого государства «раз и навсегда ограниченного исторического ядра, за пределы которого оно не может выйти без ущерба для собственной жизнедеятельности» [10, с. 95–96, 105], ряд подходов к происхождению государства и права получили территориально-этническую привязку [14; 15; 16; 17].

В XX в. на пространственную обусловленность государства оказали влияние Первая мировая война, повлекшая ликвидацию Австро-Венгерской, Германской, Османской, Российской империй и возникновение на их территориях совокупности национальных государств («лимитрофов»), Вторая мировая война и последующий процесс деколонизации, обусловившие появление независимых государств в Азии и

Африке, а также распад СССР и советского блока. При этом во второй половине XX в. пространственная обусловленность государства получила новые ракурсы, вытекающие из глобального единства мира.

Пространственная детерминированность позволяет выделять взаимодополняемые и взаимодействующие локальный, великодержавный и глобально-цивилизационный уровни. Локальный уровень характеризует наименьшего субъекта самоорганизуемой публичной власти, находящегося в договорных (автономных) отношениях с субъектами более высокого уровня (феодалы Западной Европы, княжества Древней Руси, протогосударственные племенные союзы и т. д.). Великодержавный уровень представляет собой систему связанных единой историей, географической и нарративно-историософской территорией, мировоззрением, династией локальных субъектностей, выступающую для них в качестве верховного субъекта и центра притяжения. Глобально-цивилизационному уровню соответствуют субъекты имперского типа, обладающие следующими признаками:

- 1) стремление к беспредельному владычеству и утверждение системы пространственной всеобщности;
- 2) исключение империей идей хода истории, закрепление существующего положения вещей, позиционирование империи как находящегося вне времени способа правления;
- 3) распространение имперской власти на все уровни социального порядка и стремление к созданию собственного мира;
- 4) метафизическое стремление к вечному и всеобщему миру за пределами истории [18, с. 12, 14].

Пространственная обусловленность государства может изучаться на основе следующих описывающих территорию методологических аксиом:

- 1) территория как пространство бытия конкретного государства;
- 2) территория как пространство меж-(интер-)субъектного взаимодействия и позиционирования этого пространства на «свое» и «чужое»;
- 3) рельефно-климатические детерминанты государственности;
- 4) этнонациональные детерминанты государственности;
- 5) глобальность мира как условие меж-(интер-)субъектных коммуникаций.

Базовыми признаками новоевропейской государственности, на наш взгляд, следует признать:

- 1) соотносимый с конкретной (реальной либо виртуально-нарративной) территорией суверенитет, обеспечиваемый как политикой государства, так и признанием соответствующей межгосударственной сис-

темы (в данное время – через согласие/несогласие «международных наблюдателей» с выборами высших органов власти);

2) рассмотрение народа в качестве источника власти, породившее феномен национального государства (государства-нации);

3) монополия на легальное принуждение и унификация правовой системы;

4) социальная инженерия и управление населением;

5) сбор налогов на общесоциальные и инфраструктурные проекты;

6) инновационно-инвестиционная и инфраструктурно-техногенная природа, неразрывно связанная с капиталистическим укладом и поиском элитой источников собственного и общесоциального финансирования в условиях изменения технологических укладов;

7) детерминированность политики и функций местом в мир-системе.

Отметим, что ряд названных признаков могут относиться к любому типу государственности, а ряд – лишь к новоевропейской государственности, будучи уточняемыми применительно к конкретному типу организации власти (ядро – периферия – полупериферия).

Осмысление формирования и развития различных форм новоевропейской государственности не может быть корректным вне исторического метода. Данная государственность возникла на рубеже Средневековья и Нового времени, когда носители власти были вынуждены начать инновационное стимулирование экономики, создавать инфраструктуру и активно управлять населением, посредством войн и силового давления включать иные субъекты и регионы в собственные товарные цепочки. В результате государство превратилось в «обязательную контрольную точку» обеспечения экономического роста [8; 19; 20; 21; 22; 23]. Первоначально зарождение названной государственности происходило скрытно, в основном в Северной Италии (Возрождение), а с середины XVII в. (Реформация) его необратимые последствия, сопровождавшиеся упадком общеевропейских глобально-предельных субъектов (Святой Престол и Священная Римская империя германской нации), породили цивилизацию Модерна и капиталистическую мир-систему. Экспансия капитализма в сочетании с мировоззренческой агрессивностью и техногенностью обеспечила всемирное распространение данного типа власти, сопровождавшееся претензиями на универсальность применительно к любым периодам и народам, образованиям и формам организации. Это параллельно влекло уничтожение либо трансформацию (мо-

дернизацию) неевропейской государственности, включение ее в логику капиталистической мир-экономики.

Первоначально новоевропейская государственность была представлена торгово-промышленными городами-государствами Северной Италии, затем абсолютными монархиями Испании, Франции и Великобритании, с последующим выделением вектора конституционно-олигархических правлений Нидерландов и Великобритании, стремящихся преимущественно к торгово-промышленному, но не территориальному (как абсолютные, основанные на бюрократическом управлении монархии) доминированию.

При этом изначальные государства ядра капиталистической мир-системы стали приобретать двойную сущность, вытекающую из необходимости территориальной консолидации населения и стимулирования экономического роста. В первом случае это собственно национальное государство, во втором – двухуровневая имперская государственность (метрополия – колонии).

В имперской государственности, на наш взгляд, стала достаточно четко проявляться колониальная и континентальная (территориальная) сущность, детерминирующая способы связей метрополии с колониями. Континентальные империи (Германия, Россия, Австро-Венгрия, Османская Порта и др.) в своей основе строились на поиске моделей инкорпорации (с различными вариациями) присоединяемых территорий в общеимперскую структуру, а также включения региональной знати в силу классовой солидарности в общегосударственную элиту. При этом для давления на региональные элиты могли использоваться и местные классовые, религиозные, социальные и иные противоречия [24]. Континентальные империи объективно не могли лишь эксплуатировать колонии в интересах имперского домена в первую очередь в силу территориального контакта и необходимости обороны границ. Одновременно на окраинах, которым империя обеспечивала безопасность и определенное развитие при усилении социальных, религиозных, национальных и иных противоречий, формировались и развивались идеи о разрешении названных противоречий в отдельном национальном государстве [25, с. 50–94].

Колониальные империи (Великобритания, Франция, Нидерланды, Бельгия, Испания и др.) имели заморские колонии, отделенные от метрополии, что позволило консолидировать население метрополии в единую нацию посредством всеобщего избирательного права и высокого уровня жизни, достигаемого грабежом. В итоге названные державы, скрывая имперскую сущность, глобально позиционировали себя демократическими национальными социальными государствами.

Параллельно на генезис национальной государственности влияли и иные тенденции:

1) формирование в XIX в. отдельных наций в рамках индустриальной экономики и образование единых рынков, во многом «разрывавших» логику реальной и фантомной имперской государственности;

2) стремление к социальной справедливости и перераспределению земельной собственности, находящейся в руках аристократии;

3) появление слоя национальной интеллигенции, сформированной из образованных «разночинцев» и стремящейся получить доступ к власти.

Окончание Первой мировой войны и Парижская мирная конференция (1919–1920) привели к созданию в Центральной и Восточной Европе совокупности новых национальных государств (государств-наций), претендующих на возвращение «исторических территорий» либо требующих «жизненного пространства» за счет неисторических народов, что, по сути, одновременно с борьбой Германии за доминирование в капиталистической мир-системе [26, с. 19–62] и было целью англосаксонского блока в данной войне. Уничтожение имперских образований позволило сформировать глобальный рынок, включающий небольшие слабые формально суверенные государства, не способные отстаивать свои интересы перед государствами ядра [27].

Как было отмечено, ликвидация континентальных империй после Первой мировой войны, распад колониальных империй после Второй мировой войны породили активные процессы государственного строительства на соответствующих территориях. На эти процессы подспудно влияли исторические особенности формирования территориальных и колониальных империй. В частности, применительно к территориальному постимперскому строительству важным фактором образования национального государства выступало наличие прерванного имперского проекта, что проявилось в будущих территориальных притязаниях (фантомный (несостоявшийся) империализм). Применительно к колониальному постимперскому строительству – наличие некой исторической формы публичной власти. Названные тенденции отразились и на процессах формирования белорусской государственности.

Первую попытку конституировать собственную государственность реализовал Первый Всебелорусский съезд (5–18 декабря 1917 г.), инициированный советской властью в Петрограде, но разогнанный Областным исполнительным комитетом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта и Советом народных комиссаров области и фронта по причине в том числе дискуссий о

формах будущей государственности Беларуси [28]. При этом изначально виртуально-нарративная будущая белорусская государственность в силу локальности своей территории должна была избрать для себя центр притяжения, которым могла быть Россия либо Польша, а также вектор развития (социалистический либо капиталистический (мелкобуржуазный – в марксистской традиции)). Это и породило две конкурирующие модели белорусской государственности.

Во-первых, это ориентированная на советскую Россию социалистическая модель, представленная двухуровневой структурой власти (наднациональный центр и национальная республика (автономия)). Именно модель, направленная на разрешение существовавших противоречий и обеспечение победы в будущей мировой войне¹, позволила сформировать реальную и исторически успешную белорусскую государственность – Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Это и обусловило постсоциалистическую и преимущественно социальную сущность Беларуси, требующую активной регулятивной позиции во всех социальных сферах и постоянного развития инфраструктуры в целях минимизации имеющихся диспропорций (конечно, в условиях ограничений, объективно вытекающих из сущности капитализма).

Во-вторых, это Белорусская народная республика (далее – БНР) – виртуальная модель государственности, провозгласившая себя в условиях немецкой оккупации, но без призыва к изгнанию захватчиков, не обладавшая реальной властью и готовая сотрудничать со всеми, кроме Советской России. При этом виртуальность БНР позволила ей приобрести идеализированный статус, сопоставляемый с объективно имеющимися негативными аспектами жизни советской и постсоветской Беларуси (идеал vs реальность). В реальности БНР не смогла бы разрешить существующие противоречия (вопрос о земле и т. д.), что придало бы ей антикоммунистический (мелкобуржуазный) и антироссийский вектор, а в ближайшей перспективе привело бы к включению Беларуси в состав либо Германии, либо Польши. Однако учреждение БНР констатировало

¹ Практически все государственные деятели того периода понимали, что Первая мировая война не разрешила существовавшие противоречия, а Версальский договор лишь создал новые. Поэтому вопрос Второй мировой войны стоял на повестке во всех государствах. Именно подготовка к будущей войне и предопределяла политику СССР в области индустриализации, коллективизации, народного просвещения, перемещения трудовых резервов из сельского хозяйства в промышленность (в том числе и посредством ГУЛАГа), репрессий политических оппонентов – сторонников мировой революции и т. д.

наличие белорусской сельской нации, стремящейся к самостоятельному решению собственной судьбы.

Как отмечалось ранее, в основу новоевропейской государственности положено стремление власти к расширению собственной ресурсно-инфраструктурной базы, позволяющей включать иные регионы, страны и цивилизации в собственные торговые связи и производственные отношения на правах младших партнеров либо рынков сбыта/источников сырья. Данные цели могли быть реализованы лишь при условии изменения сущности государственного управления и корректировки отношения к населению, которое, с одной стороны, должно выступить ресурсом, обеспечивающим достижение государственных целей, с другой стороны, получить определенное (без сомнения, формально-юридическое) право на управление государством и право на признание собственного достоинства. Поэтому важнейшим качеством и одновременно противоречием новоевропейской государственности является обусловленная идеей власти народа апелляция к правам человека и неспособность населения высокоразвитых государств существовать вне индустриально-техногенной инфраструктуры, обуславливающая важность социальной инженерии.

С одной стороны, это требует государственного регулирования в целях получения ресурсов для обеспечения названной инфраструктуры и выполнения социальных обязательств. При этом цифровизация позволяет качественно улучшить процессы социального управления и контроля, в том числе за счет нарушения прав на приватность. В частности, эпидемия COVID-19 требует от государства реализации соответствующей политики, успешность которой зависит не только от вакцинации, но и от наличия либо качества медицинской инфраструктуры, научных разработок и мощностей, позволяющих производить лекарства, вакцины и т. д.

С другой стороны, манипуляция народом посредством СМИ, социальных технологий и управляемого хаоса объективно может создавать предпосылки для деградации, либо захвата государственности, либо использования государственных средств для обогащения отдельных субъектов, в том числе иностранных или международных.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Современные представления о государстве нуждаются в кардинальном переосмыслении, обусловленном комплексом внешних и внутренних вызовов и угроз неясной природы, при этом существующие в юриспруденции подходы, порожденные либеральной геокультурой, утрачивают эвристически-прогностический потенциал при разрешении проблем, возникающих перед государством. Переосмысление сущности

государства требует как поиска новых методологических стратегий и принципов познания, так и выявления внешних факторов и детерминант, лежащих в основе любой государственности.

2. При переосмыслении государства необходимо учитывать его место и взаимодействие с правом в предмете юриспруденции, а также его многомерность и многозначность, отражаемую в том числе в концептуально-методологическом и конкретно-историческом измерении, что допускает использование таких методологических феноменов, как постнеклассический субъектный подход и мир-системный анализ. В настоящее время важнейшей детерминантой, обуславливающей бытие государства, является глобальный кризис капиталистической мир-экономики, в рамках которого выдвигаются идеи об отмирании национальных государств и передаче глобального управления на уровень международных организаций и транснациональных корпораций.

3. Изучение любой государственности в рамках постнеклассической научной и управленческой рациональности всегда осмысливается в рамках принципа наблюдаемости, то есть зависимости качеств познаваемого предмета от ценностно-мировоззренческих стереотипов познающего субъекта, включенного в познаваемую реальность. В нашем случае это сложная субъектность Республики Беларусь как современного новоевропейского постсоциалистического полупериферийного государства, имеющего сложную нелинейную многофакторную природу, позитивно взаимодействующего с глобально-имперской русской (российской) государственностью.

4. Наиболее распространенным в настоящее время типом государственности следует признать новоевропейскую государственность, обладающую качественной спецификой в зависимости от места в мир-системе (ядро – периферия – полупериферия), от пространственной детерминированности (глобально-имперские, великодержавные и локальные субъекты), а также от исторических особенностей возникновения (проявления) ее национальной сущности и глобально-имперских образований, ее включавших.

5. Переосмысление государства следует осуществлять в рамках трех основных его параметров, то есть триады «власть – население – территория», взаимодействие которых предзадает сущность государства и его признаков. В основу современной новоевропейской государственности положены принципы суверенитета, обеспечиваемого признанием межгосударственной системой, рассмотрения народа источником власти, а также управленческая природа государства, рассматривающего

народ в качестве объекта социальной инженерии. Успешность новоевропейского государства зависит от его инновационно-инфраструктурных и техногенно-индустриальных объектов, без которых современное население не может существовать. При этом объективная потребность в социальной инженерии, реализуемой на качественно новом уровне за счет возможности обработки больших массивов данных при помощи информационных технологий, вступает в конфликт с правами человека, в том числе в силу того, что государство начинает действовать не столько в интересах народа как источника власти, сколько в интересах иных субъектов, как правило, бизнес-структур.

Библиографический список

1. Калинин С.А. Геоконцептуальное (нарративное) измерение в методологии познания белорусской государственности // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2018. С. 43–48.
2. Калинин С.А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 2. С. 6–21.
3. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann>.
4. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы : пер. с англ. / науч. ред. Л.Л. Фитуни. 5-е изд., стер. М. : Претекст, 2007. 406 с.
5. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью : моногр. 3-е изд., испр. и доп. М. : Научный эксперт, 2013. 472 с.
6. Сунь-Цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве : пер. с китайск. М. : АСТ ; СПб. : Астрель, 2011. 606 с.
7. Клаузевиц К. фон. О войне : пер. с нем. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. 861 с.
8. Кревельд М. Расцвет и упадок государства : пер. с англ. / под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М. : ИРИСЭН, 2006. 542 с.
9. Хаусхофер К., Ратцель Ф. Теория «жизненного пространства» / пер. с нем. И.Г. Усачева. М. : Алгоритм, 2019. 239 с.
10. Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. с швед. М.А. Исаев. М. : РОССПЭН, 2008. 319 с.

11. Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М. : Одиссей : Олма-Пресс, 2001. 764 с.
12. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». СПб. : Акад. проект, 2003. 398 с.
13. Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия : в 2 т. / пер. Е.Б. Колесниковой. СПб. : Русский миръ, 2012.
14. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки : ст. М. : Прогресс : Пангея, 1995. 459 с.
15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. : Прогресс, 1988. 244 с.
16. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 461 с.
17. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Айрис-пресс, 2016. 557 с.
18. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. 2-е изд., испр. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 758 с.
19. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Куриллы. М. : Территория будущего, 2010. 512 с.
20. Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2010. 675 с.
21. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / пер. с англ. Т. Ованнисяна ; предисл. Г. Дерлугьяна ; науч. ред. и послесл. С.А. Нефедова. М. : Территория будущего, 2008. 456 с.
22. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой ; под ред. В. Автономова. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
23. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М. : Территория будущего, 2009. 328 с.
24. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 316 с.
25. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М. : Книжный мир, 2006. 259 с.
26. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века : пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2004. 353 с.

27. Фурсов А.И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М. : Книжный мир, 2016. 510 с.

28. Брыгадзін П.І. Першы Усебеларускі з'езд (снежань 1917 г.): да стагоддзя // Журнал Белорус. гос. ун-та. История. 2017. № 3. С. 37–43.

Дата поступления: 24.11.2021

KALININ Sergey Arturovich

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head
of the Department of Theory and History of State and Law,
Belarussian State University,
Minsk, Republic of Belarus; Kalinin@bsu.by*

UNIQUE AND NATURALLY DETERMINED ATTRIBUTES OF THE MODERN UNDERSTANDING OF A STATE

The article analyzes the issues of the modern understanding of a state, as well as the factors and determinants that define its essence. The idea is put forward that the most important factor determining the necessity to rethink the essence of the state is the modern global crisis and chaotic instability. A methodology for research of the state is proposed that meets post-non-classical scientific and managerial rationality. The article substantiates a new European nature and attributes of modern statehood, which is also influenced by the three-level structure of statehood in the world system, as well as the peculiarities of the historical genesis of specific countries. The author proposes researching of the state through the correlation of the triad of parameters «power – population – territory», the interaction of which generates various types of power organization. **Purpose:** to propose new methods suitable for studying the state in the context of the current global crisis, accompanied by a decrease in the heuristic and cognitive potential of the methodology formed within the framework of liberal geoculture; to analyze the essence and nature of modern statehood on the basis of the proposed methods. The author uses the following **methods:** post-non-classical scientific paradigm, the principle of the observer's involvement in the cognizable reality, world-system analysis, subjective approach, spatial dimension, historical approach. **Results:** the research reveals a new European nature of modern statehood, which is declining as a result of the global crisis, and historical features of the formation of this type of statehood, in relation to the Republic of Belarus in particular.

Keywords: state; attributes and essence; new European statehood; Belarusian statehood; methodology of jurisprudence; factors and determinants of statehood; spatial dimension of statehood.

References

1. Kalinin S.A. Geoconceptual (narrative) dimension in the methodology of cognition of the Belarusian statehood. In Balashenka S.A. (ed.). *Statut Vyalikaga Knyastva Litoŭskaga, Ruskaga i ZHamojckaga 1588 g.: da 430-goddzia vydannya. Zbornik navukovyh artykulaŭ pa materyyalah kanferencyi* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania, Russia and Samogitia in 1588: to the 430th anniversary of the publication. Collection of scientific articles based on the materials of the conference]. Belarusian State University Publ., 2018, pp. 43–48.
2. Kalinin S.A. Subjective approach: genesis, essence and place to the jurisprudence methodology. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = Pravovedenie*, 2015, no. 2, pp. 6–21. (In Russian).
3. Mann S. Teoriya haosa i strategicheskoe myshlenie [Chaos Theory and Strategic Thinking]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/what/mann>.
4. Perkins J. Confessions of an economic hit man. San Francisco, Berrett-Koehler Publ., 2004. 250 p. (Russ. ed.: Perkins J.; Fituni L.L. (ed.). Confessions of an economic hit man. 5th ed. Moscow, Pretekst Publ., 2007. 406 p.).
5. YAkunin V.I., Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Novye tekhnologii bor'by s rossijskoj gosudarstvennost'yu [New technologies for fighting the Russian statehood]. 3rd ed. Moscow, Nauchnyj ekspert Publ., 2013. 472 p.
6. Sun Tzu, Wu Tzu. *Traktaty o voennom iskusstve* [Treatises on the art of war]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg Astrel' Publ., 2011. 606 p.
7. Clausewitz C. von. *O vojne* [On War]. Moscow, Eksmo Publ., St. Petersburg, Midgard Publ., 2007. 861 p.
8. Creveld M. van. The Rise and decline of the state. Cambridge University Press, 1999. 439 p. (Russ. ed.: Creveld M. van.; Kuznetsov YU., Makeev A. (eds.). The Rise and decline of the state. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 542 p.).
9. Haushofer K., Ratzel F. *Teoriya «zhiznennogo prostranstva»* [The theory of «living space»]. Moscow, Algoritm Publ., 2019. 239 p.
10. CHellen R. *Gosudarstvo kak forma zhizni* [State as a form of life]. Moscow, Political encyclopedia Publ., 2008. 319 p.

11. Gobineau A. de. *Essai sur l'inégalité des races humaines*. Paris, P. Belfond Publ., 1967. 878 p. (Russ. ed.: Gobineau J.A. *An experience of the inequality of human races*. Moscow, Odissej Publ., Olma-Press Publ., 2001. 764 p.).

12. Sarkisyanz M. *Adolf Hitlers englische Vorbilder: vom britischen zum ostmarkisch-bajuwarischen Herrenmentum*. Ketsch am Rhein 1997. 350 s. (Russ. ed.: Sarkisyanz M. *The English roots of German fascism: from the British to the Austro-Bavarian «master race»*. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003. 398 p.).

13. Chamberlain H.S. *Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts*. München, F. Bruckmann Publ., 1900. 1032 s. (Russ. ed.: Chamberlain H.S. *Nineteenth century foundations*. St. Petersburg, Russkij mir" Publ., 2012. Vol. 1–2.).

14. Mechnikov L.I. *Civilizaciya i velikie istoricheskie reki. Stat'i* [Civilization and great historical rivers. Articles]. Moscow, Progress Publ., Pangeya Publ., 1995. 459 p.

15. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow, Progress Publ., 1988. 244 p.

16. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [Continent Eurasia]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 461 p.

17. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moscow, Ajris-press Publ., 2016. 557 p.

18. Herder J.G. *Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit*. Riga, Hartknoch Publ., 1774. 190 p. (Russ. ed.: Herder I.G. *Ideas for the philosophy of the history of mankind*. 2nd ed. Moscow, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2013. 758 p.).

19. Anderson P. *Lineages of the absolutist state*. London, Verso Publ., 1980. 573 p. (Russ. ed.: Anderson P. *Lineages of the absolutist state*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2010. 512 p.).

20. Kagarlitskiy B.YU. *Ot imperij – k imperializmu. Gosudarstvo i vozniknovenie burzhuaznoj civilizacii* [From empires to imperialism. The state and the emergence of bourgeois civilization]. Higher School of Economics Publishing House, 2010. 675 p.

21. McNeill W. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since AD 1000*. The University of Chicago Press, 1982. 405 p. (Russ. ed.: McNeill W.; Nefedov S.A. (ed.). *In pursuit of power. Technology, military force and society in the 11th – 20th centuries*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2008. 456 p.).

22. Reinert E.S. How rich countries got rich... And Why Poor Countries Stay Poor. London, Constable Publ., 2007. 432 p. (Russ. ed.: Reinert E.S.; Avtonomov V. (ed.). How rich countries got rich and why poor countries stay poor. Higher School of Economics Publishing House, 2011. 384 p.).

23. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Basil Blackwell Publ., 1990. 269 p. (Russ. ed.: Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2009. 328 p.).

24. Miller A.I. *Imperiya Romanovyh i nacionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research]. 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 316 p.

25. Kovalevsky P.I. *Russkij nacionalizm i nacional'noe vospitanie v Rossii* [Russian nationalism and national education in Russia]. Moscow, Knizhnyj mir, 2006. 259 p.

26. Wallerstein I. The end of the world as we know it. Social Science for the Twenty-First Century. University of Minnesota Press, 1999. 277 p. (Russ. ed.: Wallerstein I.; Inozemtsev V.L. (ed.). The end of the world as we know it. Social Science for the Twenty-First Century. Moscow, Logos Publ., 2004. 353 p.).

27. Fursov A.I. *Mirovaya bor'ba. Anglosaksy protiv planety* [World struggle. Anglo-Saxons against the planet]. Moscow, Knizhnyj mir, 2016. 510 p.

28. Bryhadzin P.I. The first All-Belarusian congress (December 1917): to the centenary. *ZHurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = *Journal of the Belarusian State University. History*, 2017, no. 3, pp. 37–43.

Received: 24.11.2021

УДК 340

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.8

КРИЖАНОВСКАЯ Галина Николаевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия; imyarec@list.ru

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Бакинского государственного университета, г. Уфа, Россия; galievfarkhat@mail.ru

ДЕРЮГИН Алексей Александрович

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия; deruga79@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ И СОЮЗОВ КАК ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Исследование деятельности негосударственных обществ и союзов как институтов политической системы Российской Империи в конце XIX – начале XX в. является важным в современных условиях, поскольку позволяет использовать накопленный опыт в данной сфере. Особое внимание в статье уделено анализу Временных правил об обществах и союзах, принятых 4 марта 1906 г., и постановлениям Временного правительства, рассмотрены проекты закона об обществах и союзах, вынесенные депутатами кадетской и социал-демократической фракций на рассмотрение Государственной думы первого, второго и четвертого созывов. **Цель:** исследование политической системы общества для изучения факторов, негативно влияющих на ее состояние, на примере деятельности негосударственных об-

ществ и союзов как институтов политической системы Российской Империи в конце XIX – начале XX в. **Методы:** логический, историко-сравнительный, историко-правовой, системный. **Результаты:** выявлен ряд важных закономерностей развития отечественной политической системы в конце XIX – начале XX в. Отмечается, что правовой институт общественных объединений был закреплён в законодательстве Российской Империи на основе демократических начал и в дальнейшем развивался под влиянием исторических событий изученного периода.

Ключевые слова: Российская Империя; политическая система; государственная власть; права российских подданных; общества; союзы; Временное правительство; Государственная дума.

Выполняя свое социальное предназначение, выражающееся в возможности субъектов политики реализовывать свои частные и публичные интересы, государство не может не учитывать изменения внешних и внутренних детерминант, влияющих на функционирование политической системы общества, которая выступает как целостная, упорядоченная совокупность политических институтов, процессов, принципов, формируемых в ходе эволюции на основе политических, социальных, правовых, идеологических, культурных норм и исторических традиций [1, с. 171–173; 2, с. 85–110; 3, с. 208–227].

Как отмечает Г.М. Азнагулова, политическая система включает в себя организацию политической власти, отношения между обществом и государством, характеризует протекание политических процессов, представляющих собой институционализацию власти, состояние политической деятельности, уровень политической активности в обществе, характер политического участия граждан, развитие политико-правовых отношений [4, с. 6].

Функционирование политической системы общества в целом неразрывно связано со всеми образующими ее элементами: государством, общественными объединениями, организациями, с постоянным изменением состояний и возникновением различного рода кризисов отдельных подсистем и структур (правительственных, партийных и пр.), а также общими кризисами всей системы общественных отношений, что становится катализатором социальных противоречий, приводящих к борьбе (классовой, политической и пр.) и другим конфликтам. Кризис политической системы, связанный с ее функционированием, в зависимости от глубины его распространения в обществе при определенных обстоятельствах может при-

вести к изменению сущности политической системы и сопровождаться значимыми революционными преобразованиями в государстве.

В настоящее время на фоне укрепления гражданского самосознания россиян растет осознание необходимости защищать традиционные отечественные духовно-нравственные и политико-правовые ценности, возрастает социальная активность граждан, их вовлеченность в решение наиболее актуальных задач местного и государственного значения. Вместе с тем, как отмечается в Указе Президента РФ № 400, «отдельные недружественные правящие режимы пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества»¹, то есть повлиять на существующий политический режим с целью смены руководства страны, структур власти, правящих лидеров, политического курса.

Исследование политической системы позволяет изучить факторы, которые негативно влияют на ее состояние и могут привести к ее кризису, и предусмотреть возможный исход этого кризиса. Бесспорно, данное обстоятельство определяет актуальность и значимость исследования при условии, что ставится цель понять и объяснить, а не сознательно исказить прошлое. Следует отметить, что историко-правовые исследования могут успешно развиваться и решать стоящие перед ними задачи лишь на базе научной методологии.

Одной из важнейших проблем методологии историко-правовой науки является достижение истины, но именно объективной истины. Особенно остро эта проблема встала в последние десятилетия, когда появились мифы, искажающие исторические факты, подлинный смысл причин и уроков исторических событий. Такой подход таит в себе опасность идеализации успехов и забвения ошибок [5, с. 47]. Как справедливо отмечает А.Г. Хорьков, «всякое восхваление, как и огульное осуждение, чревато серьезными заблуждениями и далеко от истины» [6, с. 35].

Складывающаяся обстановка заставляет обратить пристальное внимание на повышение эффективности защиты политической системы Российской Федерации путем нейтрализации внешних и внутренних угроз и создания условий для достижения национальных целей развития.

История циклична. Исследование общественно-политических процессов, протекавших в нашей стране сто лет назад, позволяет нам провести исторические параллели, проанализировать основные закономерности,

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

учесть исторический опыт в процессе совершенствования современной политической системы нашей страны.

Осенью этого года в России прошли очередные парламентские выборы. Выборы являются важным институтом политической системы, влияют на ее функционирование. В этой связи особенно актуальным представляется изучение исторического опыта. Предметом такого исследования может стать деятельность негосударственных обществ и союзов как институтов политической системы Российской Империи в конце XIX – начале XX в. Его результаты можно использовать для создания механизма защиты национальных интересов страны.

Характер деятельности негосударственных обществ и союзов как институтов политической системы Российской Империи определялся историческим периодом, в рамках которого эта деятельность осуществлялась.

Либеральные реформы, проведенные во второй половине XIX в., повлияли на общественное сознание и «расширили возможности проявления частной инициативы и легальной самодеятельности» [7, с. 17]. Это проявлялось в том, что наряду с общественным движением, существовавшим незаконно и призывавшим к насильственному свержению государственного строя, стали образовываться общественные движения либерально настроенных земцев.

Так, как альтернатива революционному народничеству в 60-е годы XIX в. появилось движение либерального народничества. Наиболее активными его представителями были Н.К. Михайловский, В.П. Воронцов, Я.В. Абрамов. Их идеи были особенно популярны среди интеллигенции и молодежи в период правления Александра III. Либеральные народники считали необходимыми коренные преобразования политического строя, но не разделяли радикальные методы революционного народничества, критиковали марксистов и социал-демократов. Понимая, что Российская Империя является преимущественно аграрной страной, путем экономически обоснованных аргументов они пытались добиться реализации прав крестьянства на землю. В этом проявлялся суверенный характер не только российской идеологии либеральных кругов, но и государственно-правовой идеологии того периода.

В конце XIX в. в Москве был образован кружок «Беседа». В его состав входили представители высшей политической элиты Российской Империи. Члены кружка считали, что продвигать свои идеи следует через дворянские земские собрания и через печать. Кроме того, представители «Беседы» осуществляли практическую деятельность в рамках

земского движения. В начале XX в. они вошли в партии кадетов и октябристов, а также в Партию мирного обновления.

В 1904 г. нелегальную деятельность за введение в Российской Империи политических свобод вело общественное объединение «Союз освобождения». Выступая в защиту прав крестьян, члены этого объединения предлагали оказывать им финансовую помощь и выкупать часть помещичьих земель. Так как собрания с политическими целями в законодательстве Российской Империи не закреплялись, деятели «Союза освобождения», воспользовавшись 40-летием введения в стране Судебных уставов, организовывали «банкетные кампании», в рамках которых обсуждали необходимость введения различных свобод, закрепления их в конституции.

Подписанный Николаем II Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» предоставил подданным российского императора «незыблемые основы гражданской свободы на началах ... неприкосновенности личности, свободы ... слова, собраний и союзов»¹. В 1906 г. была легализована деятельность монархической партии, Союза за 17 октября. Трудности с легализацией были у Партии мирного обновления и Конституционно-демократической партии.

Наряду с партиями начали легальную деятельность профессиональные союзы и объединения. Как отмечает А.В. Курочкин, на профессиональные союзы рабочих оказывала влияние социал-демократическая партия. Партия эсеров тесно взаимодействовала с Всероссийским крестьянским союзом. Интересы дворян представлял Совет объединенного дворянства, буржуазии и торговцев – биржевые комитеты. В Харькове находился руководящий орган Совета съездов горнопромышленников юга России [8, с. 180].

Согласно ст. 80 Основных государственных законов Российской Империи от 23 апреля 1906 г. в стране было разрешено «образовывать общества и союзы в целях, не противных законам»². Но еще до принятия Основных государственных законов 4 марта 1906 г. в соответствии с Манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» были изданы два Именных высочайших указа Правительствующему Сенату: «О временных правилах об обществах и союзах» и «О временных правилах о со-

¹ Об усовершенствовании государственного порядка : Высочайший манифест от 17.10.1905 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/> (дата обращения: 23.01.2020).

² Высочайше утвержденные Основные государственные законы. 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 26 (1906). СПб., 1909. № 27805. 456 с.

браниях». Данные нормативные правовые акты вводились как временные. В дальнейшем планировалось принять соответствующий закон.

Временные правила об обществах и союзах определяли, что обществом являлось «соединение нескольких лиц, которые, не имея задачи получения для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель»¹. Союз трактовался как «соединение двух или нескольких таких обществ, хотя бы через посредство их уполномоченных»².

Согласно Временным правилам об обществах и союзах для сотрудников предприятий промышленности и торговли обоего пола и их владельцев учреждались профессиональные общества. Целью их создания могла быть деятельность по выявлению и согласованию экономических интересов обеих сторон. Профессиональные общества были призваны разрешать конфликты между собственниками и наемными рабочими, связанные с оплатой и условиями труда. Профессиональные общества могли открывать свои отделения в других местностях, но не могли объединяться в союзы. Запрещалась деятельность профессиональных обществ, управляемых из-за границы.

Письменное заявление о создании профессионального общества инициативная группа могла подать старшему фабричному инспектору или окружному горному инженеру, в обязанности которого входило рассмотрение заявления и передача его губернатору или специальному присутствию «для узаконения». Профессиональные общества должны были иметь устав, в котором должны содержаться следующие сведения: название общества, цель и способы его деятельности, место нахождения общества, порядок вступления в общество и исключения из него, права и обязанности членов профессионального общества, размер членских взносов, имена, звания и места жительства учредителей, состав правления общества и срок его полномочий. О своей деятельности профессиональные общества обязаны были составлять отчеты по правилам, разработанным министром торговли и промышленности.

Согласно ст. 2 Временных правил об обществах и союзах при условии их соблюдения общества можно было образовывать без устава, не получая разрешения от властей. В случае создания общества или союза, не соответствовавшего Временным правилам, его учредители должны были

¹ Временные правила об обществах и союзах : Именной высочайший Указ Правительствующему Сенату от 04.03.1906 // Собрание узаконений Российской Империи. 1906. Отд. 1-е, № 48. 713 с.

² Там же.

представить министру, курировавшему соответствующую сферу деятельности, или главноуправляющему проект устава на утверждение. Также устав был необходим обществам, открывавшим отделения в других городах Российской Империи, и союзам. В том случае, когда деятельность последних министром внутренних дел определялась как угрожавшая общественному порядку и безопасности, он мог принять решение об их закрытии.

Следует согласиться с мнением С.А. Васильева, который считает, что реализацию правовых норм Временных правил об обществах и союзах можно отнести к весьма специфической форме взаимоотношений в рамках функционирования политической системы – усиленному контролю со стороны правоохранительных органов с правом применения санкций [9, с. 35].

Устав был необходим и обществам, объединявшим государственных служащих, служащих телефонных предприятий и железных дорог – для осуществления своих «духовных либо материальных потребностей» или с благотворительными целями. Его должны были утверждать начальники ведомств, которым эти служащие подчинялись. Если же общество или союз носили межведомственный характер, то устав утверждался межведомственной комиссией. Пункт 9 Временных правил запрещал данной категории российских подданных создавать общества и союзы с политическими целями либо с целями, несовместимыми с требованиями служебного долга, в противном случае деятельность созданных обществ могла быть запрещена министром либо главноуправляющим отдельной частью. Если же начальник лиц, создавших общество, усматривал в их действиях политический контекст, он мог приостановить их деятельность до решения министра. Более того, начальник мог запретить своим подчиненным участвовать в обществах, не связанных с их профессиональной деятельностью, а значит, не созданных для защиты их прав. Вступить в общество можно было только по наступлении совершеннолетия.

Губернские или областные по делам об обществах присутствия решали вопросы регистрации, запрещения либо закрытия обществ и союзов. В Санкт-Петербурге и Москве, а также в Одессе, Кронштадте, Керчи, Севастополе создавались такие присутствия в масштабе города. В Царстве Польском такие органы возглавлялись губернатором. В них входили прокурор окружного суда и выборные судов губернии.

Для создания общества необходимо было направить заявление на имя губернатора или градоначальника с указанием цели деятельности общества, имен, званий и мест проживания учредителей, условий вступления в общество и исключения из него, района осуществления дея-

тельности общества и порядка избрания его распорядителя. Если же губернатор сомневался в возможности открытия общества данными лицами, он передавал это обращение «губернскому либо городскому по делам об обществах присутствию» [10, с. 94].

Нарушение норм, установленных Временными правилами, влекло юридическую ответственность. Виновный подвергался аресту на срок не более трех месяцев либо должен был уплатить штраф не выше трехсот рублей. Если же имело место образование общества с целями, «противными нравственности», угрожающими общественной безопасности, если общество скрыло свои руководящие органы за рубежом, либо скрывало свое существование или преследуемые цели, либо общество, созданное лицами, перечисленными в ст. 9 Временных правил об обществах и союзах, ставило перед собой, несмотря на запрет, политические цели, то назначалось наказание в виде заключения в крепости на срок не более одного года либо заключение в тюрьме. Так, несмотря на отказ в регистрации, партия народных социалистов продолжала свою деятельность незаконно, за что ее комитет был привлечен к суду.

В исторической науке на протяжении долгого времени принято было считать, что приведенные правовые нормы принимались с целью ограничения прав и свобод российских подданных. Еще в начале XX в. В.Т. Матвеев, обобщая практику различных государств в данной сфере, писал, что «законодательство, регулирующее деятельность союзов и собраний, создается не для обеспечения свобод граждан, а для устранения возможных злоупотреблений этой свободой» [11, с. 12]. На наш взгляд, установленные законом ограничения были вполне оправданны, однако даже они легко обходились лицами, желавшими создать организации экстремистской направленности.

Временные правила об обществах и союзах не затрагивали деятельность религиозных объединений и обществ, созданных учащимися высших учебных заведений, если уставом данного заведения было предусмотрено создание такого общества. Последнее, на наш взгляд, было весьма недальновидно со стороны государства, так как именно учебные заведения использовались для создания организаций, имевших цель подорвать основы государственного строя.

Еще в XIX в. при учебных заведениях под видом просветительских обществ создавались организации, занимавшиеся подготовкой покушений на императора Александра II [12, с. 114]. В начале XX в. студенты, виновные в революционной деятельности, отчислялись из учебных заведений, а осенью восстанавливались и продолжали проводить

агитацию. По мнению руководителя политического розыска Л.А. Ратаева, Департамент полиции не пресекал данные действия и даже запрещал жандармским управлениям и охранным отделениям «затрагивать молодежь на почве студенческих беспорядков, дабы Министерство народного просвещения и так называемое "общество" не сказали, что Департамент полиции своими распоряжениями сам вызывает беспорядки»¹.

Кроме того, некоторые политические партии просто игнорировали запрет на осуществление нелегальной деятельности. Так, партия социалистов-революционеров, социал-демократическая партия и другие партии «левого толка» не предпринимали попыток легализации, поскольку их деятельность не соответствовала Временным правилам, при этом партия эсеров и другие успешно действовала незаконно, совершая многочисленные террористические акты. Кроме того, законодательство о выборах в Государственную думу считало возможным проводить избирательные кампании без учета партийной принадлежности, поэтому не зарегистрированные в установленном порядке партии даже получили представительство в Государственной думе.

Так как в преамбуле Временных правил об обществах и собраниях указывалось, что они действуют до принятия соответствующего закона, то в рамках деятельности Государственной думы партийными фракциями несколько раз предпринимались попытки разработки и принятия соответствующих законопроектов. 1 июня 1906 г. представители фракции кадетов внесли на рассмотрение законопроект «О союзах». Депутаты также считали, что Временные правила об обществах и союзах были созданы властью, чтобы воспрепятствовать деятельности общественных объединений по отстаиванию своих прав, а не для предоставления им возможности деятельности. В своем законопроекте они предусматривали явочный способ создания обществ и союзов без специального заявления, подаваемого властям. Ограничения общество или союз могли подвергаться только в случае нарушения ими уголовного закона. Причем закрытие общества или союза предполагалось сделать возможным только на основании судебного решения².

Данный законопроект не был рассмотрен на заседаниях I и II Государственной думы. 3 декабря 1912 г. его внесли на рассмотрение уже

¹ Записка Действительного Статского Советника Ратаева о революционном движении в Империи. ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1902. Оп. 230. Д. 1791. Л. 11.

² Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н.И. Астрова [и др.]. СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. Польза», 1907. С. 30–32.

IV Государственной думы, но в результате законопроект так и не получил законодательного оформления.

Помимо проектов, подготовленных кадетами, на рассмотрение в Государственную думу второго созыва вносился законопроект, разработанный членами социал-демократической фракции. Он предполагал отмену ограничений собраний и союзов, так как они мешали осуществлению защиты прав граждан, особенно рабочих¹. В проекте предлагалось предоставить право вступать в общества и союзы женщинам и несовершеннолетним, так как они составляли большую часть рабочих, разрешить создавать объединения союзов без необходимости получения на это разрешения власти. Данный законопроект также не был рассмотрен, поскольку был подан незадолго до роспуска II Государственной думы.

На рассмотрение III Государственной думы подобные законопроекты не выносились. Однако депутаты выявляли в действиях правительства нарушения Временных правил об обществах и союзах и направляли правительству запросы. Соглашаясь с мнением А.С. Тумановой и Р.В. Киселева, отметим, что III Государственная дума, традиционно считающаяся консервативной и проправительственной, осуществляла свое право надзора за действиями исполнительной власти в сфере соблюдения прав российских подданных и контролировала соблюдение свободы деятельности собраний и союзов [13, с. 245].

Новый нормативный правовой акт, регламентировавший деятельность собраний и союзов, был принят Временным правительством. В его основу был положен рассмотренный нами проект, подготовленный фракцией кадетов с учетом поправок, внесенных на заседаниях IV Государственной думы [14, с. 79]. 12 апреля 1917 г. было принято Постановление Временного правительства «О собраниях и союзах». Его нормы распространялись на общества и союзы, созданные в некоммерческих целях. Постановление предоставляло «всем без исключения российским гражданам право без особого на то разрешения устраивать собрания как в закрытом помещении, так и под открытым небом»². При этом запрещались собрания на рельсовых путях, на собрания не допускались вооруженные лица, кроме имевших право на ношение оружия. Всем российским гражданам предоставлялось право без особого разрешения образовывать общества и союзы «в целях, не противных уголов-

¹ Государственная дума. Созыв II. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной думы. СПб., 1907. 267 с.

² О собраниях и союзах : постановление Временного правительства от 12.04.1917 г. // Собрание Узаконений. № 540. Вестник Временного правительства № 35/81.

ным законам»¹. Обществам и союзам предоставлялось «право объединяться между собой, а также устанавливать постоянные связи с обществами и союзами, образованными за границей»². При этом «принудительное закрытие общества или союза, деятельность которого оказалась направленной к достижению целей, воспрещенных уголовным законом, возможна только в судебном порядке»³. Порядок регистрации и ликвидации товариществ, обществ и союзов был регламентирован Постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 г.

Таким образом, данными нормативными правовыми актами было законодательно закреплено право создавать общества и союзы с целью защиты своих прав. Временные правила об обществах и союзах создали четкую правовую основу деятельности общественных объединений в Российской Империи, в том числе и как института правозащитной деятельности, а акты Временного правительства расширили демократические принципы их деятельности.

В заключение следует сказать, что именно подписание Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», который содержал обещание даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, оказало большое влияние на сущность политической системы Российской Империи. Несмотря на это, государственные органы осуществляли строгий контроль за общественными формированиями. Некоторые из них сотрудничали с государственными органами, другие противодействовали им, представляя собой нелегальные реакционные организации.

Проведенный историко-правовой анализ развития института негосударственных обществ и союзов в России как институтов ее политической системы позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, негосударственные общества и союзы различной направленности как правовой институт были закреплены в законодательстве Российской Империи после 1905 г. под влиянием либеральных взглядов, получивших широкое развитие во второй половине XIX в.

Во-вторых, в российском законодательстве основное внимание уделялось правовому институту общественных объединений, которые законодатель наделял определенными публичными функциями, осуществляемыми в интересах государства. Но общественные объединения и их

¹ О собраниях и союзах...

² Там же.

³ Там же.

представители не привлекались к решению вопросов государственного управления, что снижало их влияние на развитие политической системы.

В-третьих, правовой институт общественных объединений был закреплён на основе демократических начал в законодательстве Российской Империи и в дальнейшем развивался под влиянием исторических событий изученного периода.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Общая теория права : курс в 2 т. М. : Юрид. лит, 1981. Т. 1. 360 с.
2. Бабаев В.К. Общая теория права : курс лекций. Н. Новгород, 1993. 544 с.
3. Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 1987. 480 с.
4. Азнагулова Г.М. О взаимодействии правовой и политической систем // Юриспруденция. 2010. № 4. С. 5–15.
5. Чередниченко М.И. О методах исследования исторического опыта в целях развития современного военного искусства // Военная мысль. 1986. № 3. С. 47–53.
6. Хорьков А.Г. Исторический опыт в развитии военной науки // Военная мысль. 1990. № 6. С. 35–36.
7. Котляр Н.В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 25 с.
8. Курочкин А.В. Эволюция правового статуса политических партий в России // Власть. 2020. № 9. С. 179–182.
9. Васильев С.А. Основные этапы становления конституционно-правовых основ взаимодействия общественных объединений с правоохранительными органами России // История государства и права. 2014. № 22. С. 32–37.
10. Матвеев В.Т. Право публичных собраний: Очерк развития и современной постановки права публичных собраний во Франции, Германии и Англии : дис. ... маг. юрид. наук. СПб., 1909. 395 с.
11. Гусейнова Л.В. Формы общественных объединений и конституционно-правовые способы их реализации : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 170 с.
12. Крижановская Г.Н. Из опыта борьбы правоохранительных органов Российской империи с распространением революционных и

террористических идей среди молодежи // Вестник Санкт-Петербургск. военного ин-та войск национальн. гвардии. 2019. № 2 (7). С. 108–116.

13. Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века. М. : Высшая школа экономики, 2011. 281 с.

14. Зотова З.М. 100 лет российской многопартийности. М. : РЦОИТ, 2006. 240 с.

Дата поступления: 26.11.2021

KRIZHANOVSKAYA Galina Nikolaevna

*Candidate of Sciences (History), Associate Professor
of the Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard
Troops of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia; imyarec@list.ru*

GALIEV Farit Khatipovich

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory
of State and Law of the Institute of Law, Bashkir State University,
Ufa, Russia; galievfarkhat@mail.ru*

DERYUGIN Alexey Alexandrovich

*Candidate of Sciences (Law), Deputy Head of the Department
of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Order
of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia; deruga79@mail.ru*

**ACTIVITIES OF NON-STATE SOCIETIES AND UNIONS
AS INSTITUTIONS OF THE POLITICAL SYSTEM
OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES
IN THE CONTEXT OF THE RULE-OF-LAW STATE**

The study of the activities of non-state societies and unions as institutions of the political system of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries is important in modern conditions, as it allows to use the accumulated

experience in this sphere. The article devotes particular attention to the analysis of the Provisional Rules on Societies and Unions, adopted on 4 March 1906, and the resolutions of the Provisional Government, and considers the draft Societies and Unions Act submitted by the deputies of the Cadet and Social Democratic factions for consideration by the State Duma of the first, second and fourth convocations. The **purpose** is to study the political system of the society in order to study the factors negatively influencing its state, on the example of the activity of non-state societies and unions as institutions of the political system of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. The authors use logical, historical-comparative, historical-legal, systemic **methods**. **Results:** several important patterns of the development of the national political system are identified in the late 19th – early 20th centuries. It is noted that the legal institution of public associations was enshrined in the legislation of the Russian Empire on the basis of democratic principles and was further developed under the influence of historical events of the studied period.

Keywords: Russian Empire; political system; state power; rights of Russian citizens; societies; unions; Provisional Government; State Duma.

References

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, YUridicheskaya literatura Publ., 1981. Vol. 1. 360 p.
2. Babaev V.K. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Nizhny Novgorod, 1993. 544 p.
3. Marchenko M.N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 1987. 480 p.
4. Aznagulova G.M. On the interaction of legal and political systems. *YUrisprudenciya = Jurisprudence*, 2010, no. 4, pp. 5–15. (In Russian).
5. Cherednichenko M.I. On the methods of studying historical experience in order to develop modern military art. *Voennaya mysl' = Military Thought*, 1986, no. 3, pp. 47–53. (In Russian).
6. Khorkov A.G. Historical experience in the development of military science. *Voennaya mysl' = Military Thought*, 1990, no. 6, pp. 35–36. (In Russian).
7. Kotlyar N.V. *Rossijskie obshchestvennye organizacii Dal'nego Vostoka v konce XIX – nachale XX v. Avtoref. Kand. Diss.* [Russian public organizations of the Far East in the late 19th – early 20th centuries. Cand. Diss. Thesis]. Vladivostok, 2004. 25 p.

8. Kurochkin A.V. Evolution of the legal status of political parties in Russia. *Vlast' = Power*, 2020, no. 9, pp. 179–182. (In Russian).
9. Vasil'ev S.A. Basic stages of formation of constitutional-law fundamentals of interaction of public associations with law-enforcement agencies of Russia. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2014, no. 22, pp. 32–37. (In Russian).
10. Matveev V.T. *Pravo publichnyh sobranij: Ocherk razvitiya i sovremennoj postanovki prava publichnyh sobranij vo Francii, Germanii i Anglii* [The Law of Public Assembly: An Essay on the Development and Contemporary Setting of the Law of Public Assembly in France, Germany and England]. St. Petersburg, 1909. 395 p.
11. Guseynova L.V. *Formy obshchestvennyh ob"edinenij i konstitucionno-pravovye sposoby ih realizacii. Kand. Diss.* [Forms of public associations and constitutional and legal methods of their implementation. Cand. Diss.]. Makhachkala, 2006. 170 p.
12. Krizhanovskaya G.N. Experience of the Russian Empire law enforcement authorities' struggle with distribution of revolutionary and terrorist ideas among young people. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii = Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of National Guard Troops*, 2019, no. 2 (7), pp. 108–116. (In Russian).
13. Tumanova A.S., Kiselev R.V. *Prava cheloveka v pravovoj mysli i zakonotvorchestve Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka* [Human rights in legal thought and lawmaking of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Higher School of Economics, 2011. 281 p.
14. Zotova Z.M. *100 let rossijskoj mnogopartijnosti* [100 years of Russian multiparty system]. Moscow, RCOIT, 2006. 240 p.

Received: 26.11.2021

УДК 340

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.9

РАЯНОВ Фанис Мансурович

*доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник
Башкирского государственного университета,
член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан,
заслуженный деятель науки Республики Башкортостан,
г. Уфа, Россия; rfm-2011@ya.ru*

НАША ЛЕПТА В ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИЕ НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в постсоветских условиях закономерностям развития российского общества все еще не уделяется должного внимания. Такое положение в конечном счете не может не влиять и на уровень общего благополучного состояния развития нашей страны. Поэтому в статье с применением обществоведческого **метода** обосновано предложение о переходе в российском обществоведении на рельсы естественно-правовых закономерностей человеческого развития. **Целью и результатом** нашего исследования является не только обоснование призыва к активизации исследований естественно-правового характера, полностью соответствующих современному периоду развития общественных отношений, но и переосмысление многих укоренившихся в отечественной теоретической правовой науке закономерностей, касающихся возникновения, функционирования и развития именно отечественного государства и права. Исходя из этого тезиса, как нам представляется, сначала, видимо, необходимо создать справедливое общество, чтобы оно уже, в свою очередь, создало (учредило) соответствующее своей природе государство. О том, как этого добиться, что нужно сделать, чтобы создать такое общество и государство, идет речь в этой статье.

Ключевые слова: общество; обществоведение; государство; закономерности развития общества; естественно-правовые закономерности общественного развития; фундаментальные основы общественного развития; гражданское общество; правовое государство.

Сегодня вполне открыто можно сказать о том, что в отечественных обществоведческих науках и в теоретической правовой науке проблеме современных фундаментальных закономерностей общественного развития достаточного внимания, по существу, не уделяется. Об этом свидетельствует, например, диалог, который состоялся на заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ, проходившем в марте 2020 г. Президент страны заявил, что он «хочет услышать о проекте программы фундаментальных исследований РАН на 2018–2025 годы и дальнейшую перспективу» и тут же продолжил: «он (проект программы. – *Ф. Р.*) не подготовлен, хотя этот вопрос обсуждался еще в 2016 году»¹.

В целом, как видно из материалов, собранных по этому вопросу на отмеченное заседание Совета по науке и изученных нами, проблемы обществоведческого характера к числу фундаментальных исследований вообще не отнесены. Речь в них идет о новых видах оружия, летательных аппаратов, химических веществ и т. д., а проблемы, касающиеся будущего нашего постсоветского общества, закономерностей его развития, не удостоены должного внимания.

Между тем именно в настоящее время сложились различные представления о закономерностях и путях развития человеческого общества вообще и нашей страны в частности. Стоит, например, послушать ораторов, участвующих в телевизионной передаче Первого российского канала «60 минут», и можно услышать множество мнений о направлениях развития российского общества. Да и не только такие телепередачи, но и руководители многих государств, включая Российскую Федерацию, почти не выступают с программными речами о путях будущего развития своих стран. Отсюда трудности в определении стратегии и тактики деятельности не только оппозиционных партий, но и ведущей политической партии – «Единой России». Так, в Программе партии «Единая Россия» провозглашается: «Мы хотим видеть Россию государством, в котором неукоснительно соблюдаются Конституция и обеспечивается правопорядок, действуют сильные и ответственные органы власти и правосудия, эффективный государственный аппарат. Россия должна стать страной, в которой сотрудничество всех ветвей власти определяет своей целью благо гражданина». Такое государство обозначается как «сильное государст-

¹ Путин попросил доложить о программе фундаментальных исследований РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20181127/1533631010.html> (дата обращения: 16.10.2021).

во». Как видно из Программы, ее авторы на первое место выдвигают природу и характер государства, а вовсе не общества.

Лишь после обозначения природы и характера российского государства как сильного государства в Программе провозглашается, что Россия построит «справедливое общество, основанное на сильной социальной политике государства, в котором обеспечена высокая степень социальной защиты, где созданы равные стартовые возможности для всех». Такое общество обозначается как «справедливое общество»¹. Получается, что справедливое общество основывается не на собственных обществоведческих институтах, а на сильной социальной политике государства. Если задуматься над сутью такой последовательности в характеристике взаимоотношений государства и общества, то трудно увернуться от напрашивающегося вполне закономерного вопроса: а не поставлена ли здесь телега впереди лошади?

Если же приглядеться внимательнее, то такая последовательность раскрытия проблем взаимоотношения государства и общества, их природы и характера с позиции современных достижений науки теории государства и права далека от научной картины цивилизованного мира. В частности, в соответствии с ценностями Нового времени сначала появляется общество, а затем на базе этого общества создается (точнее, учреждается) государство с его многочисленными подразделениями [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Отсюда и поговорка: «Каково общество, таково и государство». Да и если поразмыслить более серьезно, по-другому не может и быть, ведь именно общество создает все материальные и духовно-нравственные предпосылки как для возникновения, так и для содержания государственных органов, определяет общественно-нравственные основы для их оптимального функционирования.

Руководствуясь такой логикой взаимодействия и взаимоотношения общества и государства, можно сразу сказать, что справедливое общество не может учредить несправедливое государство. Следовательно, государство в первую очередь должно быть не столько сильным, сколько справедливым.

Одновременно необходимо разобраться с проблемами, связанными с тем, как провести эти преобразования, или реформы, в той или иной стране, и в первую очередь в Российской Федерации. Ведь известно, что в России не раз проводились государственно-правовые реформы

¹ Программа и Устав Всероссийской политической партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/programma-i-ustav-vsersijskoj-politicheskoy-partii-edinaya-rossiya> (дата обращения: 16.10.2021).

и преобразования. Поэтому было бы неплохо взглянуть и на них: какие из них к каким результатам привели и можно ли их использовать в процессе государственно-правовых преобразований сегодня. Возникают здесь и вопросы, связанные с заимствованием зарубежного опыта государственно-правовых преобразований. Ведь ни для кого не секрет, что многие заимствования зарубежного опыта в нашей стране чуть ли не запрещаются под предлогом того, что Россия как государство имеет такие особенности, которые нельзя преодолеть, сославшись лишь на зарубежный опыт. Порой под влиянием неких государственно-правовых особенностей развития России создается даже такое впечатление, что эти особенности настолько верховодят по отношению к установленным и функционирующим в других странах общим закономерностям развития и функционирования человеческого общества, что в нашей стране эти закономерности становятся неприемлемыми. Возникает вопрос: можно ли и нужно ли последовательно преодолевать эти особенности или они являются для нас вечными?

В целом научных исследований, осуществляемых в рамках отечественной теоретической правовой науки, накопилось довольно много. Однако говорить о том, что в этой сфере все уже исследовано, всесторонне осмыслено, еще преждевременно. В частности, мы обратили внимание на то, что в рамках науки теории государства и права, да и теории права и государства, нет основательных научных исследований с постановкой такого вопроса: как нужно организовать общественную жизнь людей, чтобы они жили благополучно, на современном уровне развитых стран мира, особенно по уровню качества жизни, и какой должна быть при этом роль права и государства? Нам думается, что научные исследования именно с такой постановкой вопроса будут полностью соответствовать современному цивилизационному научному подходу обеспечения общественного развития и выведут нас к истокам классификации государственно организованных народов мира на развитые, слаборазвитые и развивающиеся. Одновременно более четко прояснится место и роль права и государства в процессе организации научно обоснованного обществоведения, что особенно важно для нашей страны, которая все еще переживает переходный, от советского к постсоветскому, период в своей исторической жизнедеятельности. Подход к исследованию с точки зрения поставленного вопроса поспособствует и более полному переосмыслению остатков влияния марксистского учения о развитии человеческого общества на основе развития общественно-экономических формаций, поскольку марксизм, вроде бы, уже сошел со сцены, а вот

марксистский экономикоцентризм продолжает «жить» до сих пор. И сегодня нередко можно услышать сетования на то, что «главное – развитие экономики, а все остальное подтянется». Остатки влияния такого рода мышления чувствуются и при определении роли и места как права, так и государства и сегодня, то есть и в условиях постсоветского обществоведения.

Именно в этих условиях, то есть в условиях перехода нашей страны на новые рельсы общественно-политического развития, в первую очередь необходимо переосмыслить роль и место права и государства в постсоветском отечественном обществоведении. Всесторонне осмысливая и переосмысливая проблему природы и сущности всей сложившейся государственности Российской Федерации именно с обозначенной нами точки зрения, мы не можем не выйти и на проблему актуализирующейся потребности в фундаментальных изменениях всей конфигурации постсоветского отечественного обществоведения, которая с особой остротой проявляется в современный период. При этом такое осмысление и переосмысление сегодняшних параметров российской государственности, как нам представляется, необходимо начинать с основной, системообразующей темы, то есть с предмета и метода теории государства и права, откуда и начинается вырисовываться роль и место как права, так и государства. Поэтому мы считаем, что с содержательной частью этой важнейшей темы, определяющим образом влияющей на совокупность тем этой науки, предстоит также разобраться основательно. Более того, мы все больше и больше убеждаемся в том, что научно обоснованный подход к исследованию природы и сущности права и государства невозможен без учета накопленного мирового опыта, апробированного во многих странах мира. Изучение и восприятие передового мирового опыта может способствовать становлению и в нашей стране такой системы государственной власти, которая более успешно справится со своей основной обязанностью – обеспечением и защитой естественных прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных ст. 2 Конституции РФ.

Только углубляясь в тонкости фундаментальных ошибок прошлого, особенно советского обществоведения, мы можем обнаружить те действительные причины, которые существовали еще тогда и которые как раз и привели к распаду всего социалистического лагеря. Мы не можем пройти и мимо тех факторов из числа оставшихся еще с советских времен, которые, как уже отмечалось, продолжают оказывать отрицательное влияние на организацию общественной жизнедеятельности

россиян и в постсоветский период. Ведь, действительно, именно наша страна, потеряв прежние, необоснованно возвышенные ориентиры социалистического и коммунистического строительства, до сих пор никак не может полностью оторваться от них и встать на необходимый научный и в то же время длительный и основательный путь дальнейшего своего благополучного развития.

При этом нам следует всегда помнить, что наша страна – Российская Федерация – и сегодня, оставаясь самой богатой природными и энергетическими ресурсами страной в мире, продолжает существенно отставать по уровню качества жизни своих граждан от многих стран, не имеющих таких богатств. Об этом откровенно заявил и Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. Он, в частности, сказал: «Именно отставание – вот главная угроза и вот наш враг. И если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться. Это как тяжелая хроническая болезнь, что неумоимо, шаг за шагом подтачивает и разрушает организм изнутри. Организм часто этого и не чувствует»¹.

Об отставании российского общества в своем развитии от многих стран мира Президент РФ за последние годы напоминал еще несколько раз. Он же предложил и выход из сложившегося положения, то есть ориентировал нас на то, как, каким образом нам необходимо совершить прорыв в общественном развитии, чтобы устранить это отставание. Об этом В.В. Путин сказал 9 апреля 2019 г. на Арктическом форуме в ходе полемики с руководителями государств Арктического региона: «Будущее России не зависит от санкций. Будущее России зависит только от нас, от того, насколько мы сможем эффективно преобразовать свою политическую систему, насколько она будет демократичной, насколько она будет выталкивать на поверхность все самые здоровые силы общества, креативную энергию наших граждан»².

Действительно, хотим мы того или нет, причину отставания российского общества от других, ушедших далеко вперед в своем развитии (заметим, впереди нас по своему общественному развитию на сегодня, в соответствии с данными Индекса человеческого развития, более 45 стран мира), нам приходится искать в области организации общественной жизнедеятельности людей в сравнительном аспекте с ушедшими от

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 16.10.2021).

² Выступление Владимира Путина на Арктическом форуме [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60250> (дата обращения: 16.10.2021).

нас вперед странами. Ведь на самом деле обидно, что мы полностью обеспечены природными и энергетическими ресурсами, даже продаем их зарубежным странам, но в то же время отстаем в своем развитии от этих зарубежных стран». К тому же и сам Президент РФ признает назревшую необходимость модернизации российской политической системы, которая, по его же словам, еще недостаточно демократична, недостаточно умело «выталкивает на поверхность все самые здоровые силы общества, креативную энергию наших граждан».

И вправду, широко известно, что основными институтами любого современного государственно организованного общества, обеспечивающими его успешное развитие, являются именно институты права и государства. Получается довольно любопытная ситуация: природные и энергетические ресурсы есть, государство и право России имеет более чем тысячелетнюю историю, а страны, которые не богаты природными и энергетическими ресурсами и покупают их у нас, ушли в своем общественном развитии далеко вперед. В этих условиях необходимо обратиться к организационно-качественному состоянию самого нашего обществоведения, и в первую очередь к роли российского государства и права. Возможно, именно в них и заключается причина нашего такого не объясненного до сих пор отставания. Тем более, если институты права и государства в российском обществе функционируют давно, но не могут качественно обеспечивать успешное развитие российского общества, значит проблема, хотим мы того или нет, действительно оказывается в них, то есть необходимо основательное осмысление роли и места права и государства в российском обществоведении.

Начиная разбираться в этих многочисленных проблемах, мы, естественно, «натываемся» на еще один вопрос, но уже связанный с самим обществоведением: есть ли в нашей стране дисциплина под названием «Обществоведение», а если ее нет, то почему? Чтобы ответить на этот и на другие уже поставленные вопросы, как раз и необходимо подробно рассмотреть и всесторонне осмыслить всю систему отечественных обществоведческих институтов, которые должны, но не могут обеспечить успешное развитие российского общества. К тому же ни представители отечественных общественных наук, ни представители отечественной теоретической правовой науки о проблемах совершенствования системы обществоведческих институтов нашей страны речи еще даже не вели.

Ко всему этому можно было бы добавить и то, что в России, учитывая ее особую поликонфессиональность и полинациональность, а также огромную территорию, еще в начале XX в. актуализировалась про-

блема формы государственного устройства. В первые же годы советского периода Россия приняла совершенно правильное решение и стала по форме государственного устройства федеративной республикой. Однако известно, что в федеративных государствах в решении вопросов соотношения права и государства имеются свои нюансы. Проблему учета этих нюансов в нашей стране разрешенной мы бы также не считали. В частности, и сегодня признать, что Россия действительно является подлинным федеративным правовым государством, мы бы тоже не торопились. Поэтому и в этой области имеется немало нерешенных проблем, и их необходимо довольно внимательно рассмотреть.

Поскольку, как уже отмечалось, «основной враг» России – это ее отставание от ушедших вперед стран мира, а основным институтом, обеспечивающим успешное ее развитие, является государство, то причина отставания России кроется в качестве системы сложившегося государственного управления, которая по-особому функционировала ранее и продолжает организовываться и функционировать с особенностями до сих пор. Поэтому необходимо также основательно разобраться с научными основами создания системы государственного управления с учетом требований к современным федеративным государствам.

Наконец, ни одна значимая общественно-научная проблема не может быть успешно разрешена, если не найти научно приемлемого теоретико-методологического подхода к научным изысканиям, соответствующего современному этапу развития Российской Федерации. В связи с распадом социалистического лагеря марксистские представления о роли и месте государства и права в обществе, как уже отмечалось, нуждаются в фундаментальном переосмыслении. Среди них и так называемый диалектико-материалистический подход, выразителями которого были К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин и их последователи. Однако такой подход к объяснению роли и места права и государства в обществе вряд ли соответствовал потребностям общественного развития и тогда и сегодня, как нам представляется, не соответствует естественно-историческому и естественно-правовому развитию организации жизнедеятельности людей в обществе. Более того, решению этой проблемы мы бы уделили особое внимание среди накопившихся проблем постсоветского российского обществоведения.

Таким образом, основной замысел настоящей статьи продиктован тем, что распад социалистического лагеря и потеря актуальности марксистско-ленинского учения об организации общественной жизнедеятельности людей обусловили острую потребность в фундамента-

ном переустройстве всей системы общественно-политических институтов нашей страны. Практически такое переустройство началось сразу же после распада Советского Союза, но оно еще далеко до завершения. Постсоветская Конституция РФ восприняла многие ценности Нового времени, невострєбованные в советские времена, но в результате незавершенности разработки соответствующих теоретико-методологических механизмов, рассчитанных на их практическую реализацию, эти нововведения Основного закона на практике все еще не работают. Отечественная теоретическая правовая наука до сих пор не может полностью «оторваться» от остатков марксистско-ленинского теоретико-методологического учения, поэтому предметно-методологические темы этой науки все еще продолжают опираться на разработки советского периода. По этим вопросам очень слабо используется передовой опыт зарубежных стран. Все эти упущения и недоработки особенно сильно сказываются на реализации в нашей стране таких новых обществоведческих институтов, как «многонациональный российский народ является носителем суверенитета и единственным источником власти», «гражданское общество – учредитель государственной власти», «организация и деятельность правового государства», «абсолютное верховенство права в обществе», и некоторых других. И чем глубже мы проникаем в накопившиеся общественно-государственные проблемы, тем яснее вырисовывается то, что все наши отклонения (особенно в советское время) от естественно-правовых закономерностей общественного развития были, прежде всего, крупнейшими теоретическими заблуждениями. Сегодня, осознав все это, нам необходимо признать естественно-правовые закономерности развития человеческого общества и твердо следовать им. Возможно, будет нескромно, но мы считаем, что это наше предложение может быть рассмотрено в качестве одного из прорывных в постсоветской отечественной теоретической правовой науке.

Библиографический список

1. Арзамаскин Н.Н., Смирнов С.В. Суверенитет современного государства в условиях глобализации : моногр. Ульяновск : УлГУ, 2012. 182 с.
2. Захарцев С.И. Право: новые идеи и прочтения : моногр. М. : Юрлитинформ, 2021. 440 с.
3. Комаров С.А., Хабибуллин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. 2020. № 1 (17). С. 193–208.

4. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение : моногр. М. : Юрлитинформ, 2018. 264 с.

5. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы : моногр. М. : Юрлитинформ, 2017. 264 с.

6. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибуллин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. СПб. : Фонд «Университет», 2001. 208 с.

Дата поступления: 12.11.2021

RAYANOV Fanis Mansurovich

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Bashkir State University, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia; rfm-2011@ya.ru

**OUR CONTRIBUTION TO FUNDAMENTAL SOCIAL
AND LEGAL SCIENTIFIC RESEARCHES**

The relevance of this study stems from the fact that, in the post-Soviet context, due attention is still not paid to the development patterns of Russian society. This situation, in the final analysis, has an impact on the overall well-being of our country. Therefore, the article, using the social science **method**, justifies the proposal to put Russian society on the path of natural legal patterns of human development. The **purpose** and **result** of our study is not only to substantiate the call to intensify studies of a natural and legal nature, fully corresponding to the modern period of social development, but also to rethink many of the laws rooted in national theoretical legal science concerning the emergence, functioning and development of national state and law. From this point of view, it seems to us that a just society must first be created, so that it can in turn create (establish) a state appropriate to its nature. The article is about how to achieve this, what needs to be done to create such a society and state.

Keywords: society; social studies; state; patterns of social development; natural-legal laws of social development; fundamental foundations of social development; civil society; rule-of-law state.

References

1. Arzamaskin N.N., Smirnov S.V. *Suverenitet sovremennogo gosudarstva v usloviyah globalizatsii* [Contemporary State Sovereignty in the context of globalization]. Ulyanovsk State University Publ., 2012. 182 p.
2. Zakhartsev S.I. *Pravo: novye idei i prochteniya* [Law: new ideas and interpretations]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2021. 440 p.
3. Komarov S.A., Khabibulin A.G. New work of Petersburg scientists on the philosophy of law. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of State and Law*, 2020, no. 1 (17), pp. 193–208. (In Russian).
4. Rayanov F.M. *Pravovoe obshchestvovedenie* [Legal social studies]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2018. 264 p.
5. Rayanov F.M. *Filosofiya prava: diskursivnyy analiz i novye vyvody* [Philosophy of Law: Discourse Analysis and New Conclusions]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2017. 264 p.
6. Sal'nikov V.P., Stepashin S.V., Khabibulin A.G. *Gosudarstvennost' kak fenomen i ob"ekt tipologii: teoretiko-metodologicheskij analiz* [Statehood as a Phenomenon and Object of Typology: Theoretical and Methodological Analysis]. St. Petersburg, Foundation «University» Publ., 2001. 208 p.

Received: 12.11.2021

УДК.34.01

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.10

СЕМИТКО Алексей Павлович

*доктор юридических наук, старший научный сотрудник
Российской академии наук, профессор, заведующий кафедрой
публичного права Гуманитарного университета, декан
юридического факультета, приглашенный профессор
Университета Париж Нантер (Франция),
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации, лауреат премии им. С.С. Алексеева
«За заслуги в юриспруденции»,
г. Екатеринбург, Россия; asemitko@mail.ru.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>*

**ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО
КАК ИСХОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ НАЧАЛА
В ТРУДАХ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА АЛЕКСЕЕВА**

Недавнее изменение номенклатуры научных специальностей, в которой центральное место отведено публичному и частному праву, делает изучение основного разделения права актуальным и необходимым. **Цель** статьи – исследование подходов С.С. Алексеева к анализу частного и публичного права, к их взаимодействию и соотношению. Использовались специально-юридический, биографический, герменевтический (толкования правовых норм) и сравнительно-правовой **методы**. С.С. Алексеев обосновывает, что основное разделение права выражает его глубокие, исходные начала, а отсюда и принципиальные особенности, проявляющиеся в рамках данных сфер права, каждая из которых отличается своеобразным юридическим инструментарием. Публичное и частное право имеют свой собственный «дух», свои исходные начала, принципы, особенности. Причем, несмотря на «силу» и ведущий характер публичного права в современных правовых системах, частное право – это исторически и логически первая подсистема права, которая заложила его фундаментальные особенности в целом. Указанные две подсистемы права не могут существовать друг без друга. Они неразделимы, однако у каждой свои задачи, функции, свой предмет регулирования. Публичное право необходимо власти для регулирования своего существования и управления делами общества, а в существовании и развитии права частного

государственный аппарат заинтересован в меньшей степени. Однако без частного права либо при его наличии, но серьезном умалении или деформации страдает и публичное право тоже. Частное право исчезает при социализме и поэтому закономерным и важным **результатом** исследования учения С.С. Алексеева о публичном и частном праве сегодня, в условиях рыночной экономики и перехода страны к демократии и уважению прав человека, является вывод о необходимости возрождения и развития частного права в России.

Ключевые слова: С.С. Алексеев; право; основное разделение права; публичное право; частное право; права человека.

Введение. С.С. Алексеев обращался к вопросам о становлении и развитии, сущности и предназначении частного права, разграничении частного и публичного права в своих статьях [1; 2, с. 3; 3; 4, с. 15], выступлениях и книгах: «Теория права», «Философия права», «Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования», «Частное право: научно-публицистический очерк», «Гражданское право в современную эпоху», «Право – надежда наша. Научно-публицистические очерки», «Гражданский кодекс Франции и перспективы развития частного права в России», «Восхождение к праву. Поиски и решения», «Две повести. О праве. О власти», «Азы права. Азбука права для всех» и др. В этих произведениях ученый, не отрицая традиционного в юридической науке подхода к делению права на публичное и частное [6; 7; 8, с. 35–63; 9; 10, с. 398–430], выработал весьма оригинальный подход к анализу указанных подсистем права, и прежде всего к анализу подсистемы частного права, подчеркивая, что само это деление имеет не столько классификационный, сколько концептуальный, сущностный характер, в котором (и в частном праве прежде всего) можно увидеть квинтэссенцию права в целом, его дух, глубинное основание [11, с. 351].

Данный подход пока не получил необходимого продолжения в современной юридической литературе, хотя и отмечается некоторыми авторами как заслуживающий внимания [12, с. 17]. Развитие данного подхода позволит, как нам представляется, подойти совсем с других теоретических позиций к вопросу о роли и значении частного права в правовой системе в целом и его органичному единству с правом публичным. Кроме того, переход нашей страны от коммунистического строительства к демократии, правовому государству, социальному рыночному хозяйству и уважению прав человека закономерно привел к необходимости возрождения частного права [13, с. 448–450] и восстановления самой его идеи

[14, с. 323, 408], а потому в российской юридической науке актуализировалась проблема основного разделения права, решение которой позволит определить самостоятельное, достойное место частного права в системе «частное – публичное право» России. Отмеченная актуализация нашла отражение и в изменении номенклатуры научных юридических специальностей, по которым присуждаются ученые степени в России, и теперь вместо пятнадцати специальностей (которые имели еще и внутренние подразделения) мы имеем пять, центральное место среди которых принадлежит публично-правовым и частноправовым наукам¹.

Диалектика публичного и частного права. Право представляет собой институт официальной, государственной жизни и поэтому имеет публичный характер. Все право в целом – это явление публичного порядка. Когда же в науке говорят о делении права на публичное и частное, то используют понятие «публичное» в более узком значении, относя его только к той части права, которая касается непосредственно деятельности государства. Понятие «публичный» в широком смысле слова относится и к частному праву тоже: в этом – широком – смысле оно имеет публичный, официальный характер [11, с. 340; 15, с. 42].

В публичном (в узком значении этого термина) праве проявляется и защищается государственный интерес: оно является продолжением государства, плотно к нему привязано; в частном праве проявляются и защищаются интересы частных лиц. Частное право – это суверенная территория свободы на основе права, где «верховным правителем» является «частное лицо» (отдельный человек, группа граждан, организация, выступающая в качестве юридического лица), определяющее своей волей и в своем интересе условия своего поведения. Государство, которое изначально «изгнано» из данного круга отношений, обязано, как это не покажется парадоксальным, признавать и защищать всеми законными способами формирующиеся частноправовые отношения частных лиц, реализовать их при помощи всей системы своих принудительных органов и средств [11, с. 351–353; 16, с. 163]. В этом смысле частное право не имеет силы без права публичного, не может существовать и

¹ Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093 : приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2021).

эффективно развиваться без последнего: они «работают» в тесном и неразрывном единстве, в комплексе [11, с. 350, 399]. Публичное и частное право – это две стороны права, а именно: «противоречивые и одновременно взаимосвязанные его стороны» [15, с. 41].

Эти сферы, эти стороны права выполняют и свои, только им присущие функции. Так, только «почва» частного права позволяет утвердить (в многообразных гражданско-правовых институтах) социальные ценности, имеющие в немалой степени публично-правовые характеристики, но не ущемляющие свободу человека, его неотъемлемые права [17, с. 458–459]. Важнейшая отрасль права – право гражданское – в силу того, что оно является обителью «чистых» частноправовых начал, способствует и обеспечивает формирование не только цивилизованного рынка, но и в целом развитого гражданского общества (правовое регулирование которого обеспечивается в основном за счет институтов публичного права), его важнейших устоев, относящихся к положению граждан в обществе [11, с. 368–370]. При этом ни один гражданско-правовой закон не может состоять только и исключительно из элементов частного права, не может воплощать частное право в чистом виде: «Такого чистого гражданского закона в истории права не было, его нет сейчас и не будет в будущем...

Прежде всего гражданские законы неизбежно содержат в себе в том или ином объеме *публично-правовые элементы – публичные "вкрапления"*. Ведь сам по себе гражданский закон потому и закон, что это – документ в широком смысле публичный, государственно-обязательный. Он строится на основе общего правопорядка. В нем немало безусловно обязательных установлений, императивных норм (даже сама по себе запись в кодексе о том, что субъекты определяют свои права и обязанности своей волей и в своем интересе, – запись императивного характера)» [11, с. 372–373]. Кроме того, в любом государстве, а особенно в условиях возрастания социальной защиты людей и усиления принципов социальной солидарности, неизбежны какие-то формы государственного контроля, при котором публично-правовые элементы входят в само содержание гражданских правоотношений. Статус субъектов гражданского права в ряде случаев получает как бы публично-правовое подкрепление (отсюда, например, формирование особой группы прав субъектов – прав потребителя) [11, с. 373].

«Наряду с "вкраплением" в ткань гражданского права» – обители частного права – «публично-правовых элементов, надо иметь в виду ... что гражданские законы *существуют и действуют в комплексе с зако-*

нами публичного права, которые их "сопровождают" – параллельно, "в паре" с ними функционируют. Это, с одной стороны, законы, как бы продолжающие гражданско-правовые нормы в области административных отношений и процедур – о порядке государственной регистрации гражданского состояния, законы о банкротстве и т. д., а с другой – Уголовный кодекс, нормативные акты об административной ответственности, призванные отсекают от нормальных гражданских правоотношений антиправовые, прежде всего криминальные, "проявления". И это все вместе с реализацией специфических задач уголовного и административного права позволяет и частному праву в полной мере раскрыть свой позитивный созидательный потенциал, в большей мере связать его с духовными принципами, с моралью» [11, с. 373].

Поскольку в любом обществе всегда существуют публичные и частные интересы, постольку «более или менее развитое право только и может существовать и развиваться при наличии двух соответствующих сфер – публичного и частного права. Причем уровень "развитости" права в целом, его "качество" во многом обусловлено тем, насколько развита каждая из указанных сфер... Недостатки в этом отношении и тем более умаление одной из сфер (например, частного права) приводят, помимо всего другого, к деформации всей правовой системы страны, к ее односторонности, ущербности» [15, с. 218]. Напротив, развитое гражданское право, построенное на частноправовых началах, способно оказать благотворное влияние на публичное право [16, с. 65].

Особенности публичного и частного права складывались исторически и проявляются по-своему – дифференцированно и во взаимодействии – начиная с процесса их становления: «Как это ни покажется неожиданным, для права как явления цивилизации и культуры исторически исходной, первичной является сфера частного права, т. е. правовая сфера, которая не является продуктом и инструментом государственной власти, рождается спонтанно, в силу требований самой жизни, под ее напором, в условиях перехода общества первобытных людей в эру цивилизации» [11, с. 393; см. также: 8, с. 61; 16, с. 162; 18, с. 72]. В другой работе С.С. Алексеев уточнил эту мысль (в том числе дополнением в скобках), указав, что «для права как явления цивилизации исходной, первичной сферой (если не исторически, то логически) является частное право».

При изучении вопросов происхождения права и при анализе ранних правовых систем обычно не обращают внимания на деление права на публичное и частное, так как само это деление возникло гораздо позже, в более или менее развитых правовых системах. Однако если

взглянуть на архаическое право, то вполне правдоподобной может оказаться идея о формировании, прежде всего (то есть и исторически, и логически тем более), правовых норм, регулирующих частноправовые отношения, особенно если учесть, что древнее уголовное право носило в основном частноправовой характер [16, с. 162]. Основные правовые категории, и в особенности те, которые касаются начал естественного права, прав человека, положения личности в обществе («субъект права», «субъективное право»), «первоначально вырабатывались в частном праве, на основе его "логики", его фактического материала» [11, с. 394]. Правовой прогресс начался лишь тогда, когда произошло структурное и понятийное обособление в национальных юридических системах частного и публичного права [11, с. 391–392; 15, с. 583].

История права с «указанной поры реализуется через публично-правовую и частноправовую культуру, проходит по двум самостоятельным (и одновременно тесно взаимодействующим) сферам – публичного права и частного права, по двум различным, в чем-то даже не сопоставимым феноменам, особым "правовым континентам".

Так что, по всем данным, необходимо рассматривать правовую культуру и правовой прогресс в обществе расчлененно, дифференцированно. При известной общности культуры и прогресса в сфере публичного и частного права все же основные тенденции и ценности, важные для общества и права, их развития и будущего, изначально складываются и реализуются отдельно, по указанным фундаментальным сферам» [11, с. 392; см. также: 15, с. 218]. При этом частное право – важнейший источник правового прогресса, «ведущий "цех" формирования ценностей правовой культуры» [11, с. 391; см. также: 15, с. 217]. Кроме того, частное право демонстрирует свою неодолимость, стабильность, устойчивость, «вечность» [11, с. 396].

Что касается «вечности» частного права, то, например, французский ученый Л. Артман прямо отмечает, что публичное право – образование относительно новое, поскольку само понятие государства как публичной власти появилось относительно (по историческим меркам) недавно, в то время как отношения между частными лицами существовали всегда, поэтому частное право обладает более солидным опытом и более совершенными юридическими техниками, которые перенимает у него право публичное [19, р. 28]. Эта же идея – о более позднем образовании публичного права по сравнению с частным – выражена и в энциклопедической статье французского правоведа Э. Десмона [20, р. 520–522]. Поэтому на ранних этапах своего развития, отмечает К. Ло-

визи, «наука публичного права по сравнению с наукой права частного имела вид бедного родственника» [21, р. 35].

Как показывает история, частные интересы и институты оказываются более ранними, более прочными и стабильными, чем публичные. Н.М. Коркунов отмечает, что рецепированная часть римского права (речь идет о частном, или гражданском, праве) «наименее изменчива, наименее зависит от особенностей общественного быта ... в которой замечается наибольшая общность, единство, в которой всего слабее отражаются различия исторических эпох и национальностей» [22, с. 213].

Л.Л. Чантурия подчеркивает, что институты купли-продажи, дарения, мены и т. д., сформировавшиеся в римском праве, на протяжении пятнадцати столетий почти не претерпевали существенных изменений и вряд ли будут меняться в дальнейшем, тогда как публично-правовые институты постоянно находятся в процессе преобразований (формы государства, права человека и гражданина, отношения между государствами и т. д.). Видимо, «это и побудило Густава Радбруха сказать, что "частное право создает стабильный фундамент, а государственное право – изменчивую "надстройку"... Например, на протяжении XIX–XX веков во Франции форма государства неоднократно менялась, в частности монархия сменяла республику, республику – монархия. Однако ГК, принятый в 1804 году, и по сей день в силе» [23, с. 34–35]. Истории известны и другие случаи подобной «консервативности» частного права. Ф. Хайек, выражая сходную идею, приводит афористичную мысль швейцарского юриста Г. Хубера о том, что «публичное право проходит, а частное остается» [24, с. 154].

Надо иметь также в виду, что в ряде исторических эпох и ситуаций гражданское право может полностью подавляться публично-правовыми началами, как это было, например, в СССР, в хозяйственной жизни которого, согласно завещанию вождя мирового пролетариата, не признавалось ничего частного [25, с. 398], а потому частное право стало уничтожаться (вместе с уничтожением частной собственности – одной из предпосылок и социальной предосновы частного права) и изгоняться из сферы правового регулирования. При этом был нанесен вред и публичному праву, поскольку «в обществе, где "изгоняется" частное право, агрессия, зависть и воровство возводятся в государственное начало всей общественной жизни. Такое общество – тотально тираническое, когда происходит варварское опубличивание всей жизни на зоологическом уровне. Здесь также и публичное право, лишенное своего "напарника" –

частного права, превращается в юридизированный придаток тиранической власти, всей репрессивной системы» [11, с. 391, 405–406].

Такая жесткая характеристика оставшегося в СССР в «одиночестве» публичного права позволяет сделать вывод о том, что оно, будучи «юридизированным придатком тиранической власти», правом в полном смысле этого слова уже и не являлось. Это – лишь юридизированный произвол, неразвитое, ущербное псевдоправо, принявшее лишь внешнюю юридическую оболочку и использующее некоторые квазюридические инструменты. Понятно, что такую оценку системе государственного регулирования общественных отношений мог дать ученый, который придерживается юснатуралистского, или в современном и более широком словоупотреблении – непозитивистского, правопонимания, для которого отсутствие гарантированных прав и свобод граждан является маркером отсутствия полноценного права в обществе.

Полный расцвет права, в том числе права публичного и частного, возможен лишь в условиях, когда оно начинает функционировать на прочной основе прав человека. Этот важнейший институт публичного права перестраивает все право в целом, меняет его исходные начала и принципы, в том числе и такие его начала, как публичное и частное право.

Миссия частного права. Права человека. Публичное право. Говоря о функциях частного права в жизни общества, С.С. Алексеев использует возвышенный термин «миссия» как предназначение его к чему-либо исключительно важному и высокому. И заключается она в том, что частное право, во-первых, является носителем цивилизованной свободы, ее истинной первородной обителью, не имеющей в ряде областей жизни общества альтернативы. Поэтому без развитого частного права цивилизованная рыночная экономика и вообще становление и функционирование современного гражданского общества невозможны в принципе, по определению [11, с. 360–361]. Частноправовые начала, такие как «юридическая независимость и самостоятельность лиц, их равенство и правовая автономия, имеют первостепенное и незаменимое значение для формирования гражданского общества» [11, с. 367]. И основная «нагрузка» в формировании последнего лежит на гражданском праве, которое выступает как обитель «чистых» частноправовых начал и в этом своем качестве должно способствовать и прямо обеспечивать не только формирование гражданского общества, его важнейших устоев, относящихся к положению граждан, но и перевод рынка в цивилизованное состояние, соответствующее требованиям современного демократического обще-

ства (в том числе и тех, которые охватываются понятиями «социальный рынок» или «социально ориентированная экономика») [11, с. 369–370].

Во-вторых, частное право является наиболее мощным средством для формирования единой, непротиворечивой основы деятельности людей, а отсюда – для интеграции, объединения людей, территорий, государств. Если публичное право так или иначе связано с национальным государством, государственной и политической властью, с противоречивыми интересами различных политических сил, то частное право не имеет таких национальных «перегородок», оно связано с повседневными интересами отдельных людей, с не желающим знать государственные границы рынком, обладающим весьма заметной интернационализирующей силой, а потому с изначально однотипными, универсальными, общими для разных стран, регионов формами поведения людей. Сегодня мощным интегрирующим фактором в целом является право, и в значительной мере эту функцию выполняет частное право [11, с. 361].

С.С. Алексеев приводит исторические примеры эпохи Древнего мира, Средневековья, XIX в., современности (Европейский союз), показывая, что «правовые узы», базирующиеся на частноправовых началах, являются наиболее крепкой и надежной цементирующей силой, позволяющей объединять деятельность людей. «И происходит это потому, – пишет ученый, – что сами-то эти "узы" не являются инструментом внешнего господства и навязывания внешней воли, а представляют собой правовые формы самостоятельности и активности, упорядочения и согласования интересов самих участников общественных отношений, т. е. правовые формы, действующие "изнутри", через разум и свободу самих субъектов» [11, с. 362].

Основные начала гражданского права – важнейшие частноправовые принципы – являются важнейшим ориентиром для законодателя, правоприменителя, любых других субъектов права и в этом качестве имеют непосредственное юридическое значение, то есть выступают критерием для совершенствования и развития гражданского законодательства, для правоприменительной практики, которая при толковании нормативных положений, содержащихся в Гражданском кодексе, должна исходить из адекватного их понимания. Кроме того, закрепленные в Кодексе частноправовые начала, по мнению ученого, могут и должны быть положены в основу решения судов по тем или иным делам, и такие решения (со ссылками на те или иные конкретные основные начала) будут выполнять роль высокосignимых прецедентов – «и в юридическом, и в социальном отношении – свидетельство того, что ... в нашей жизни

... реально утверждаются важнейшие основы современного правового гражданского общества» [11, с. 415]. И такие решения стали появляться в российской правовой системе [26, с. 47–58], что является свидетельством вхождения частнопрововых начал в реальную ткань нашей правовой системы.

К сожалению, этот процесс не безболезнен, о чем предупреждал еще в 1999 г. С.С. Алексеев. Тогда он писал, в частности, что в России не только не сложилось современное правовое гражданское общество, но на тот момент не было и устойчивой доминирующей тенденции к его формированию, серьезной помехой чему выступает факт, что российское общество «остаётся прогосударственной системой с сильными авторитарными началами, с господством коррумпированного чиновничества, элитарным строем новых могущественных властителей – в основном выходцев из бывшей партийно-комсомольской номенклатуры» [11, с. 416–417].

Вряд ли мы можем увидеть сегодня, спустя более 20 лет, какие-то слишком уж оптимистические тенденции в данном направлении, если не наоборот. По данным ряда исследователей, государство в России контролирует примерно 70 % всей российской экономики [27, с. 172]. Вряд ли можно констатировать также какой-то устойчивый прогресс и в отношении того, что касается авторитарных начал с господством коррумпированного чиновничества [27, с. 10–11, 89, 217]. Свое конституционно-правовое оформление эта социально-экономическая система и соответствующий ей политико-правовой режим получили в принятых 14 марта 2020 г. поправках к Конституции РФ, которые, что особенно важно подчеркнуть, были поддержаны населением России, одобрены им в ходе общероссийского голосования 1 июля и вступили в силу 4 июля 2020 г. Все это говорит о том, что путь к утверждению частного права в российской правовой системе, к становлению современного правового гражданского общества в России не будет быстрым и легким.

Сформировавшийся в свое время ленинский постулат о том, что «мы ничего "частного" не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [25, с. 398], то есть постулат-представление о том, что все частное в области экономики должно находиться под жестким и непосредственным контролем государства, государственного чиновничьего аппарата, по мнению ученого, глубоко укоренилось в российском общественном сознании. Однако, несмотря на подобного рода констатации, С.С. Алексеев смотрел в будущее с оптимизмом, полагая, что наиболее важным инструментом приближения

цивилизованного правового состояния является правовое просвещение, причем автор говорит о «просвещении в глубоком социальном смысле» [11, с. 430], которое миновало Россию, а на Западе стало основой перехода к цивилизации либерального, инклюзивного типа [28, с. 104–108], формированию правового гражданского общества.

Политическая, юридическая и другие разделы социальной науки давно уже раскрыли и объяснили, что тот или иной политико-правовой режим в том или ином обществе (нравится он кому-то или нет) не может существовать без более или менее широкой поддержки населения, даже если эта поддержка искусственно формируется обильным финансированием «удобных» СМИ и закрытием «неудобных», политическим пиаром, мелкими социальными подачками, большими или меньшими по интенсивности и размаху репрессиями и прочим подобным стимулирующим и антистимулирующим арсеналом самых разнообразных средств и методов. До тех пор, пока общественное сознание, политическая и правовая культура не достигнут необходимого уровня развития, позволяющего отсеивать негодную, исходящую от государственной власти и стоящих за ним очень узких социальных групп общества информацию, позволяющего понимать, какие направления социально-экономической, правовой и иной, в том числе международной, политики выгодны лишь незначительной по размеру олигархической группировке, а какие – всему обществу, до тех пор, пока большинство населения не сможет потребовать и не сумеет поставить власть под контроль гражданского общества, до указанных пор невозможно будет говорить о действительном расцвете частного права в России, о внедрении в нашу жизнь правовых начал, стоящих на страже справедливой экономической системы и интересов подавляющего большинства населения.

Заключение. Подводя итог рассмотрению подхода С.С. Алексеева к частному и публичному праву, отметим, что можно вполне разделить его оптимизм по поводу будущего состояния российской правовой системы, поскольку последняя развивается, хотя и медленно, в намеченном в первых двух главах Конституции России направлении, однако о конкретных сроках органичного и глубокого внедрения частного права в нашу жизнь говорить достаточно сложно, можно лишь утверждать, что этот путь не будет легким и быстрым. С.С. Алексеев подчеркивал, что постижение и овладение великими ценностями цивилизации и культуры только тогда приобретают ключевое значение, когда они «выстраданы обществом, людьми» [11, с. 429]. Поэтому в новой России одним из важнейших направлений правовой политики, соответствующую

щей действующей ныне Конституции РФ¹, должно быть возрождение, развитие и укрепление частного права.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Не просто право – частное право // Известия. 1991. 19 окт.
2. Алексеев С.С. Возвращение частного права : [монолог руководителя исслед. центра част. права при Президенте России, извест. ученого-цивилиста, чл.-кор. РАН С.С. Алексеева / записал М. Бужкевич] // Юридический вестник. 1992. № 18. С. 3.
3. Мое право – частное. Экономическая конституция глазами председателя совета Исследовательского центра частного права при Президенте РФ: интервью с Сергеем Алексеевым // Российская газета. 1994. 9 сент.
4. Алексеев С.С. Частное право – не частный вопрос // Экономика и жизнь. 1994. № 45.
5. Алексеев С.С. Гражданское право в современную эпоху. М. : Юрайт, 1999. 40 с.
6. Черепяхин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве. М. : Де-юре, 1994. 35 с.
7. Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М. : Волтерс Клувер, 2006. 123 с.
8. Белов В.А. Основное разделение права // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / А.Б. Бабаев [и др.] ; под общ. ред. В.А. Белова. М. : Юрайт, 2007. С. 35–63.
9. Азми Д.М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М. : Юстицинформ, 2014. 392 с.
10. Михайлов А.М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. М. : Юрлитинформ, 2016. 464 с.
11. Алексеев С.С. Частное право: научно-публицистический очерк // Алексеев С.С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. М. : Статут, 2010. С. 321–444.
12. Цифровое право : учебник / А. Дюфло [и др.] ; под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.10.2021).

13. Алексеев С.С. Наука права. Избранное / вступ. сл., сост. П.В. Крашенинников. М. : Статут, 2016. 665 с.
14. Алексеев С.С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд. М. : Норма, 2008. 240 с.
15. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 712 с.
16. Алексеев С.С. Восхождение к праву. М. : Норма, 2001. 752 с.
17. Алексеев С.С. Гражданское право в современную эпоху // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. М. : Статут, 2010. С. 445–472.
18. Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд. М. : БЕК, 1995. 320 с.
19. Hartemann L. Introduction générale au droit. 2-de éd. L'Hermès, 1998. 134 p.
20. Dictionnaire de la culture juridique. Sous la direction de Denis Alland, Stéphane Rials. Paris : PUF, 2003. 1649 p.
21. Lovisi C. Introduction historique au droit. 2-de éd. Paris : Dalloz, 2003. 336 p.
22. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 430 с.
23. Чантурия Л.Л. Введение в общую часть гражданского права. М. : Статут, 2006. 349 с.
24. Хайек Ф.А. Право, законодательство, свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М. : ИРИСЭН, 2006. 648 с.
25. Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 44. 726 с.
26. Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой / А.Б. Бабаев [и др.] ; под общ. ред. В.А. Белова. М. : Юрайт, 2008. 1161 с.
27. Гельман В.Я. «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб. : Изд-во Европейск. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 254 с.
28. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты : пер. с англ. М. : АСТ, 2017. 693 с.

Дата поступления: 25.10.2021

SEMITKO Alexey Pavlovich

Doctor of Law, Senior Researcher, Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of Public Law of the Liberal Arts University, Dean of the Faculty of Law, Visiting Professor at the University of Paris Nanterre (France), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Laureate of the Sergey Sergeevich Alekseev Prize «For Merit in Jurisprudence», Yekaterinburg, Russia; asemitko@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

**PRIVATE AND PUBLIC LAW AS INITIAL LEGAL
PRINCIPLES IN THE WORKS
OF SERGEY SERGEEVICH ALEKSEEV**

This topic is updated by the recent change in the nomenclature of legal scientific specialties, where the central place is assigned to public and private law. The **purpose** of the article is to study the approaches of S.S. Alekseev to the analysis of private and public law; to their interaction and relationship. Special legal, biographical, hermeneutical and comparative legal **methods** are used. S.S. Alekseev justifies that the main division of law expresses its deep, initial principles, and hence the fundamental features that appear within the framework of these areas of law, each of which is distinguished by a kind of legal instrument. S.S. Alekseev proves that the main division of law expresses its deep, initial principles, and hence the fundamental features that are manifested within the framework of these areas of law, each of which is distinguished by a kind of legal instrument. Public and private law have their own «spirit», the initial beginnings, the principles, features. Moreover, despite the «strength» and the leading nature of public law in modern legal systems, private law is historically and logically the first subsystem of law that laid its fundamental features in general. The two legal subsystems cannot exist without each other. They are inseparable, but everyone has its own tasks, functions, and its own subject of regulation. Public law is necessary for the authorities to regulate their existence and manage the affairs of society, but the state apparatus is less interested in the existence and development of private law. However, without private law, or if it exists, but with serious diminution or deformation, public law also suffers. Private law disappears under socialism and therefore a logical and important result of the study of the teachings of S.S. Alekseev on public and private law today, in the context of the country's transition to democracy, respect for

human rights and a market economy, is the **conclusion** that the revival of private law in Russia is necessary.

Keywords: S.S. Alekseev; law; basic division of law; public law; private law; human rights.

References

1. Alekseev S.S. Not just law – private law. *Izvestiya = Izvestia*, 1991, October 19. (In Russian).
2. Alekseev S.S. The return of private law. *YUridicheskij vestnik = Legal Bulletin*, 1992, no. 18, p. 3. (In Russian).
3. My law is private. Economic constitution through the eyes of the Chairman of the Council of the Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation: an interview with Sergei Alekseev. *Rossiyskaya gazeta = Russian Newspaper, Gazeta*, 1994, September 9. (In Russian).
4. Alekseev S.S. Private law is not a private issue. *Ekonomika i zhizn' = Economy and Life*, 1994, no. 45. (In Russian).
5. Alekseev S.S. *Grazhdanskoe pravo v sovremennuyu epokhu* [Civil law in the modern era]. Moscow, YUrajt Publ., 1999. 40 p.
6. Cherepakhin B.B. *K voprosu o chastnom i publichnom prave* [On the question of private and public law]. Moscow, De jure Publ., 1994. 35 p.
7. Dorokhin S.V. *Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitucionno-pravovoj aspekt* [Division of the law into public and private: constitutional and legal aspect]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2006. 123 p.
8. Belov V.A. Basic division of law. In Babaev A.B., Babkin S.A., Bevzenko R.S. Belov V.A. Tarasenko YU.A.; V.A. Belov (ed.). *Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Civil law: topical problems of theory and practice]. Moscow, YUrajt Publ., 2007, pp. 35–63. (In Russian).
9. Azmi D.M. *Sistema prava i ee stroenie: metodologicheskie podhody i resheniya* [The system of law and its structure: methodological approaches and solutions]. Moscow, YUsticinform Publ., 2014. 392 p.
10. Mikhailov A.M. *Aktual'nye voprosy teorii pravovoj ideologii i metodologii yurisprudencii* [Topical issues of the theory of legal ideology and methodology of jurisprudence]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2016. 464 p.
11. Alekseev S.S. Private Law: Scientific and Publicist Essay. In Alekseev S.S. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow, Statut Publ., 2010, vol. 7, pp. 321–444. (In Russian).

12. Duflo A., Andreeva L.V., Blazheev V.V., Belitskaya A.V., Belykh V.S., Belyaeva O.A., Bogdanova E.E. at al.; Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.). *Cifrovoe pravo* [Digital law]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 640 p.
13. Alekseev S.S. *Nauka prava. Izbrannoe* [The Science of Law. Selected works]. Moscow, Statut Publ., 2016. 665 p.
14. Alekseev S.S. *Pravo sobstvennosti. Problemy teorii* [Ownership. Theory problems]. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2008. 240 p.
15. Alekseev S.S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: The Experience of a Comprehensive Research]. Moscow, Statut Publ., 1999. 712 p.
16. Alekseev S.S. *Voskhozhdenie k pravu* [Rising to the law]. Moscow, Norma Publ., 2001. 752 p.
17. Alekseev S.S. Civil law in the modern era. In Alekseev S.S. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. Moscow, Statut Publ., 2010, vol. 7, pp. 445–472. (In Russian).
18. Alekseev S.S. *Teoriya prava* [Theory of law]. 2nd ed. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p.
19. Hartemann L. Introduction générale au droit. 2de éd. L'Hermès, 1998. 134 p.
20. Dictionnaire de la culture juridique. Sous la direction de Denis Alland, Stéphane Rials. Paris, PUF, 2003. 1649 p.
21. Lovisi C. Introduction historique au droit. 2de éd. Paris, Dalloz, 2003. 336 p.
22. Korkunov N.M. *Lekcii po obshchej teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. 2nd ed. St. Petersburg, YUridicheskij centr Press Publ., 2004. 430 p.
23. Chanturia L.L. *Vvedenie v obshchuyu chast' grazhdanskogo prava* [Introduction to the general part of civil law]. Moscow, Statut Publ., 2006. 349 p.
24. Hayek F.A. Law, legislation and liberty. London, Routledge Publ., 1982. Vol. 1. 145 p. (Russ. ed.: Hayek F.A. Law, Legislation, Freedom: Contemporary Understanding of Liberal Principles of Justice and Politics. Institute for the Dissemination of Information on Social and Economic Sciences Publ., 2006. 648 p.).
25. Lenin V.I. On the tasks of the People's Commissariat of Justice in the new economic. In Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full collection of writings]. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ., 1970. Vol. 44. 726 c.

26. Babaev A.B., Bevzenko R.S., Belov V.A., Tarasenko YU.A.; Belov V.A. (ed.). *Praktika primeneniya Grazhdanskogo kodeksa RF chasti pervoj* [The practice of applying the Civil Code of the Russian Federation, part one]. Moscow YUrajt Publ., 2008. 1161 p.

27. Gelman V.YA. *«Nedostojnoe pravlenie»: politika v sovremennoj Rossii* [«Unworthy Rule»: Politics in Contemporary Russia]. European University at St. Petersburg Publ., 2019. 254 p.

28. Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York, Crown Publ., 2012. 546 p. (Russ. ed.: Acemoglu D., Robinson D. *Why some countries are rich and others are poor. The origin of power, prosperity and poverty*. Moscow, AST, 2017. 693 p.).

Received: 25.10.2021

УДК 340

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.11

ХАКИМОВ Салават Хазибович

*кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории и теории государства и права
Уфимского юридического института МВД России,
г. Уфа, Россия; khakimov72@yandex.ru*

КАРИМОВ Рим Римович

*кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
истории и теории государства и права
Уфимского юридического института МВД России,
г. Уфа, Россия; karimov_rim@mail.ru*

КАРИМОВА Гузель Юрисовна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового
и экологического права Института права
Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия; guzel-karimova-80@mail.ru*

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ СТРУКТУРА
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МИЛИЦИИ НКВД
БАШКИРСКОЙ АССР В 1920-е ГОДЫ**

Анализ историко-правовой литературы показал, что вопросы формирования региональных органов милиции в первой половине XX в. остаются практически не исследованными. В этой связи особую актуальность приобретает изучение нормативно-правовых актов и архивных источников, содержащих сведения об организационно-правовой структуре рабоче-крестьянской милиции, формировавшейся в первые годы становления Башкирской АССР. Особое внимание в статье уделяется анализу правового положения кантонного и волостного аппарата милиции, национальному составу милицмейских кадров. Основной целью исследования является рассмотрение структуры и деятельности милиции Башкирской АССР в 20-е годы XX столетия. При подготовке статьи авторы использовали сравнительно-правовой и исторический методы. На основе привлечения новых архивных документов сделан **вывод** о том,

что в регионе, несмотря на определенные организационные трудности, складывались действенные территориальные органы милиции, проводившие активную работу по ликвидации преступности.

Ключевые слова: НКВД; Башкирская АССР; кантонные отделы; волостные милиционеры; участковые надзиратели.

Важным шагом на пути организационного оформления органов внутренних дел в РСФСР и в регионах стало принятие Всероссийским центральным исполнительным комитетом 10 июня 1920 г. Положения о рабоче-крестьянской милиции¹. Данный нормативно-правовой документ определил статус милиции и стал правовой базой становления органов милиции во всех субъектах страны.

После принятия Декрета «О расширении границ Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики» вся территория региона была разделена на 8 кантонов, в состав которых входило 296 волостей и 3276 сельских советов [1, с. 13].

Осенью 1923 г. в НКВД БАССР начинается разработка нового положения, которое было утверждено Президиумом ЦИК БАССР 5 января 1924 г. [2, с. 16]. Согласно данному документу в структуру НКВД республики входили три подразделения: административно-организационное управление, в составе которого были административный и организационный отделы, инспекция мест заключения и финансово-материальный отдел². Вопросы охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью возлагались на административный отдел, состоящий из следующих подотделов: общего, милиции, уголовного розыска и ЗАГСа. Начальник подотдела милиции, как правило, был одновременно заместителем административного управления и, по существу, являлся начальником милиции Башкирской республики. В его обязанности вменялось общее руководство милицией³.

1 апреля 1924 г. на заседании Совнаркома БАССР был принят проект постановления о реорганизации и сокращении милиции. Были упразднены районные управления милиции, вместо них учреждались кантонные отделы, подчиненные НКВД БАССР. В кантонах были созданы волостные отделы милиции, которые находились в крупных насе-

¹ О советской рабоче-крестьянской милиции : положение, утв. Декретом ВЦИК и СНК от 10.06.1920 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 557–566.

² Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 821. Л. 61–62.

³ Там же. Л. 62.

ленных пунктах – волостных центрах. Аппарат волостной милиции состоял из начальника, младших и конных милиционеров [1, с. 16].

При этом были приняты во внимание национальные условия республики: в волости с татаро-башкирским населением и со смешанным населением назначались лица, владеющие обоими языками. Крупным мероприятием в деле рационализации административного аппарата на местах стало упразднение в 1926–1927 гг. управлений кантонной милиции и замена их административными отделами при кантисполкомах. Эта реорганизация была, помимо соображений экономии, вызвана необходимостью создать организационную увязку в деятельности административных аппаратов [3, с. 37].

Президиум ЦИК БАССР в развитие п. 1 своего Постановления от 30 декабря 1925 г. «Об упразднении общих отделов при кантонных исполнительных комитетах» и в развитие инструкции БЦИК об упразднении кантонных аппаратов¹ постановил утвердить инструкцию структуры кантонных аппаратов. Согласно инструкции в структуру кантонных аппаратов входили: секретариат, организационный отдел, административный отдел, отдел народного образования, отдел здравоохранения, отдел местного хозяйства.

В административном отделе была сосредоточена вся работа по охране революционного порядка и безопасности в пределах, устанавливаемых ст. 4 указанного постановления, в частности, реализация соответствующих постановлений и распоряжений центральной и местной власти и наблюдение за их выполнением как частными, так и должностными лицами, а также принятие мер по борьбе с преступностью в пределах узаконений и распоряжений, проведение мероприятий по укомплектованию, обучению и снабжению милиции и уголовного розыска.

Начальник административного отдела назначался кантонным исполнительным комитетом на общих основаниях и утверждался НКВД БАССР. В состав административного отдела входили:

- канцелярия со столами: регистратура, административный, учета личного состава и приказная часть;
- подотдел милиции;
- подотдел уголовного розыска;
- отделение ЗАГС;
- исправительно-трудовой дом;
- объединенная хозяйственная часть, которая обслуживала одновременно административный отдел и исправительно-трудовой дом.

¹ Власть Труда. 1923. № 236.

В начале 1920-х годов складывается институт участковых работников милиции, выполнявших в пределах своих участков обязанности по охране общественного порядка и безопасности, возложенные на районные отделения милиции. 17 ноября 1923 г. приказом начальника милиции республики была утверждена Инструкция участковому надзирателю для городов, согласно которой он мог проводить дознание и контролировать работу постовых милиционеров [4, с. 45]. В Инструкции подробно регламентировались права и обязанности участкового надзирателя. Согласно документу участковый надзиратель являлся должностным лицом, которому поручалось осуществлять охрану общественного порядка на определенном участке города или населенного пункта городского типа [5, с. 170], наблюдал за выполнением гражданами обязательных постановлений и распоряжений советской власти, относящихся к охране революционного порядка, общественной и личной безопасности, согласно уставу о службе и правилам о производстве дознаний органами милиции, проводил работу по пресечению и предотвращению уголовных преступлений. Участковые надзиратели действовали каждый в пределах своего участка, должны были находиться в постоянном взаимодействии друг с другом и оказывать взаимное содействие в выполнении служебных обязанностей.

Обращалось особое внимание на культуру поведения участкового надзирателя. Он должен быть вежливым, обращаться к гражданам на вы и свои требования предъявлять к ним спокойно, но твердо и настойчиво [5, с. 172].

Участковый надзиратель должен был хорошо знать территорию своего района, знать как можно больше о каждом его жителе. В своей деятельности он должен был опираться на доверительные отношения с дворниками, квартальными комитетами и старостами. Последние при выполнении своих повседневных обязанностей должны были докладывать о подозрительных лицах, происшествиях на участке. Так, в Положении о дворниках, утвержденном НКВД РСФСР от 13 июля 1922 г., четко определялось, что «дворники должны беспрекословно исполнять все распоряжения местного отделения милиции, относящиеся к делу внешнего надзора общественного порядка или общественной безопасности»¹.

В 1924–1925 гг. была проведена реорганизация волостного аппарата милиции. Районы милиции как излишние звенья между уездной и волостной милицией ликвидировались, что позволило значительно сократить

¹ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 97. Л. 156.

штат вспомогательного состава и сэкономить средства, а также поднять на более высокий уровень руководство волостной милицией [6, с. 79].

Так, по данным за 1926 г., в Уфе функционировало 5 отделений милиции. В 1-м, 3-м и 4-м отделениях в штате состояли 5 участковых и 5 помощников, а во 2-м и 5-м – по 6 участковых и столько же помощников¹. Численность милиционеров составляла в 1-м отделении – 11 человек, во 2-м – 18, в 3-м и 4-м – по 19, а в 5-м – 15 человек. Участковые надзиратели помимо своих прямых обязанностей также привлекались по графику помощниками дежурного по городу. Например, согласно приказу по Уфимской столичной и ведомственной милиции от 30 ноября 1926 г. № 3 дежурным по городу на 1 декабря был назначен «помощник начальника 3-го отделения Ишбулатов, а помощником его по увеселительным местам – участковый надзиратель 5 отделения тов. Рудаков»².

В отчете начальника 1-го отделения г. Уфы за период с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. отмечается, что младший комсостав состоял из 5 участковых надзирателей. По социальному происхождению двое были из рабочих, трое – из крестьян. По национальному составу: русских – 3, белорусов – 2; по партийности: членов ВКП(б) – 2, беспартийных – 2. Помощники участковых, которых тоже было 5, являлись выходцами из крестьян, по национальности: русских – 3, чувашей – 1, башкир – 1³. Из 11 милиционеров отделения русских – 6, татар – 5.

Таким образом, состав участковых надзирателей и их помощников преимущественно формировался из крестьянской среды, по национальному составу это были в основном русские. Деятельность участковых надзирателей и их помощников была направлена, прежде всего, на обеспечение охраны общественного порядка и пресечение уголовных преступлений.

Так, по 1-му отделению за 1925–1926 гг. было оштрафовано за появление пьяными в общественных местах 42 человека на 105 руб. 50 коп., за быструю езду по улицам и мосту – 11 человек на 14 руб., за выпуск скота на улицу – 11 человек на 10 руб.⁴

Большая работа проводилась по пресечению самогонварения и производства других видов алкоголя. Всего в указанный период в Уфе существовало 58 торговых точек, где продавались винно-водочные изделия и пиво. Сотрудниками милиции было обнаружено и пресечено

¹ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 24. Л. 7.

² Там же. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 4. Л. 166.

³ Там же. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 26. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 21.

48 случаев незаконного сбыта винно-водочной продукции, было задержано 3063 лица в нетрезвом виде, составлено 7427 протоколов за нарушение правил, изданных местными органами власти¹. За отчетный год сотрудниками отделений Уфимской городской милиции было проведено 1663 обыска с целью обнаружения самогона, из них 1061 обыск оказался результативным, был обнаружен и конфискован 571 самогонный аппарат, уничтожено 205 ведер суррогата².

Росла детская преступность. Так, согласно акту комиссии по делам несовершеннолетних Уфимского горсовета с 1 августа по 1 декабря 1924 г. было зарегистрировано 342 преступления. Из них наибольшее количество – 132 (38,5 %) – составляли кражи, 18 (5,3 %) – хулиганство, 12 (4,3 %) – нарушение общественного порядка. Передано в суды 46 человек, отпущено на попечение родителей – 144 человека³.

Среди уголовных преступлений наиболее распространенными были кражи – 859 случаев, изготовление и сбыт спиртных напитков – 829, мошенничество, подлог, растраты – 75, нанесение телесных повреждений – 325, разбой и грабежи – 16, убийства – 8. Также органами милиции было организовано 27 облав, изъято у граждан незаконно хранящееся оружие: пашек – 6, винтовок – 13, штыков – 2, кинжалов – 3, патронов – 18, револьверов – 15. Всего было возбуждено 1441 уголовное дело⁴.

Характеризуя в целом Уфимскую милицию, необходимо указать на позитивные моменты. Прежде всего, были пересмотрены штаты и установлена численность личного состава в 223 человека. Увеличилось количество постов с 9 до 23. Были отремонтированы помещения отделений милиции, оборудовано общежитие для милиционеров с бесплатным предоставлением коммунальных услуг⁵.

За образцовое выполнение своих обязанностей в честь 12-й годовщины рабоче-крестьянской милиции были награждены перчатками и благодарностью участковые надзиратели 2-го отделения г. Уфы И.С. Рудаков и С.В. Лысков, 3-го отделения – М.П. Андреев и А.Н. Гаврилов, участковые 1-го отделения Г. Регель, Ф.С. Троценко, Н.М. Балтин,

¹ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 26. Л. 28.

² Отчет о деятельности Президиума Уфимского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов и его исполнительных органов за 1923-1924 бюджетный год. Уфа, 1924. С. 24.

³ Там же. С. 160–161.

⁴ Там же. С. 24–26.

⁵ Там же. С. 18.

А.Г. Медведев награждены бронзовым знаком, а участковый г. Белебей Д.В. Юдин – серебряным знаком¹.

Штаты участковых надзирателей других городов региона были следующими: Стерлитамак – 4 человека, Бирск – 2, Белебей – 2, Белорецк – 1 человек².

Более сложно и длительно шел процесс становления милиции в сельской местности. Эти функции, как правило, выполняли волостные милиционеры и подчиненные им младшие милиционеры.

Согласно Положению о милиции укрупненной волости предусматривалось увеличить штат волостной милиции до 5 человек: начальник, помощник, делопроизводитель, младшие милиционеры (их количество определялось из расчета 1 милиционер на 5 тыс. жителей) и агент уголовного розыска, если население волости превышало 2 тыс. жителей [4, с. 49].

В 1923–1924 гг. в Башкирской АССР было проведено укрупнение волостей Административной комиссией БашЦИКа при участии Адмотдела НКВД, Кантонального управления. В результате укрупнения предполагалось решить следующие задачи, общие для всей РСФСР: оптимизировать и улучшить низовой советский аппарат, приблизить его к населению, придать волости значение хозяйственной единицы [3, с. 18].

Укрупненная волость для Башкирии была установлена с населением в 20 тыс. человек, со средним радиусом территории в 15 верст. 14 сентября 1925 г. штатная комиссия Башнаркома рабоче-крестьянской инспекции утвердила штаты для 117 волостных отделов милиции³.

Помимо утверждения штатов милиции были определены полномочия органов внутренних дел. Сотрудники милиции осуществляли розыскные и процессуальные мероприятия. Процессуальные документы составлялись начальниками районов. Например, руководитель второго района Бирского кантона К. Самохвалов 1 апреля 1923 г. вынес постановление следующего содержания: «В управление милиции 2-го района Бирского кантона старшим милиционером Петровым были доставлены граждане Илишевской волости д. Куктово Нигамутдин Зиязетдинов и Хасан Мухаметдинов по обвинению в пособничестве убийству г-на д. Куручево Куручевской волости Бирского кантона, а потому, принимая во внимание, что они, будучи на свободе, могут скрыться, постано-

¹ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-1251. Оп. 4. Д. 535. Л. 24–30.

² Там же. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 523. Л. 13.

³ Там же. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 847. Л. 149–166.

вил: граждан Зиязетдинова и Мухаметдинова подвергнуть личному задержанию впредь до отправки народному следователю»¹.

Также на волостных милиционеров лежала большая работа по производству дознаний. Так, сотрудники Чураевской волостной милиции Бирского кантона в 1922 г. проводили дознание по делам о краже коров у гражданина д. Самосадкино Князева, о краже сена гражданином д. Лимешкино Н. Ишибаевым у гражданина той же деревни Янситова².

Приведем некоторые цифры, подтверждающие большой объем работы, проводимой милицией. По инициативе милиции проведено 10 483 обыска, по заявлениям – 199, частных лиц – 423, конфисковано 2114 самогонных аппаратов и 5195 ведер суррогата, передано народному суду – 4118 дел, рассмотрено в административном порядке – 804, окончено взысканием штрафов – 724, другими видами наказаний – 186. Поступило отчислений – 122 873 руб., из них на улучшение быта милиции – 33 576 руб.³

Вместе с тем штаты волостей были различны по количеству младших милиционеров и, как было сказано, определялись количеством населения. Например, в Бирском кантоне на 1 октября 1926 г. начальником милиции работал Сафиуллин Салих, его помощником – Шабарчин Р.В., участковыми надзирателями г. Бирска – Напалков А. и Краев Б.С.⁴

Согласно штатному расписанию НКВД БАССР в 1926–1927 гг. в Белебеевском кантоне было 20 волостей. Во главе каждого отдела волостной милиции стоял утвержденный начальник. Кантонную милицию возглавлял Шагисултан Галиевич Валеев, 1895 года рождения, член ВКП(б) с 1923 г., в органах милиции с 1918 г.⁵ Его помощником работал Д.И. Барышев, инспектором уголовного розыска трудился Ф.Ф. Подколзин, 1898 года рождения, член ВКП(б), в органах милиции с 1923 г., участковым надзирателем г. Белебея был Родин Демьян⁶.

Ф.Ф. Подколзин в последующем возглавил оперативный отдел Управления уголовного розыска НКВД БАССР. Работая с августа 1920 г., прошел почти все ступени служебной лестницы – от младшего милиционера до начальника оперативного отдела Управления милиции и ОРО БАССР. Он вел беспощадную борьбу как с уголовным, так и с

¹ Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

² Там же. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 99. Л. 4–5.

³ Там же. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 230. Л. 160.

⁴ Там же. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 523. Л. 154.

⁵ Там же. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 523. Л. 280.

⁶ Там же. Л. 161.

политическим бандитизмом, под его непосредственным руководством был ликвидирован целый ряд различных банд.

Особо выдающейся была деятельность Ф.Ф. Подколзина по предварительной разработке мероприятий по ликвидации орудовавшей с 1922 г. в пределах бывшего Токчуранского кантона вооруженной банды численностью до 150 человек, возглавляемой братьями Габзелиловыми. Благодаря умелой разработке этих мероприятий в 1924 г. банда была полностью ликвидирована, причем было захвачено 84 бандита, около 50 винтовок и много другого оружия¹.

Отдельно в БАССР развивалось служебное собаководство. Так, при отделе уголовного розыска НКВД БАССР имелся питомник служебных розыскных собак. На состоявшейся в Москве 24–27 сентября 1925 г. 1-й Всесоюзной выставке собак-ищейек Центрального питомника служебных и розыскных собак отдела уголовного розыска ЦАУ НКВД были представлены 62 собаки-ищейки. Экспертизой судей собакам присуждены 23 золотые, 32 большие серебряные, 20 малых серебряных, 9 бронзовых медалей. Служебная собака, подготовленная в питомнике НКВД БАССР, получила бронзовую медаль, а кинолог Резников был награжден похвальной грамотой².

Таким образом, представленные материалы свидетельствуют о том, что в изучаемый период в регионе сформировался четко структурированный орган, обеспечивающий охрану правопорядка и борьбу с преступностью – НКВД БАССР. На местах были сформированы кантонные и волостные отделы милиции. Осуществлялся подбор и расстановка кадров.

Библиографический список

1. Емелин С.М. Исторические условия, организационно-правовая основа и основные направления деятельности милиции Башкортостана в период Новой экономической политики // Вестник Уфимск. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 4. С. 9–18.
2. Абдрахманов А.И. НКВД Башкирии в годы Новой экономической политики. Уфа, 2003. 108 с.
3. Десять лет Советской Башкирии. К 10-й годовщине Октябрьской революции. Уфа, 1927. 48 с.

¹ Свод законов и нормативных актов Башкортостана. Уфа, 2007. Т. XI. С. 199–200.

² Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-1252, оп. 4, д. 456, л. 44.

4. Российская милиция. Краткая хроника (октябрь 1917–2000). Саратов : Саратовск. юрид. ин-т, 2001. 286 с.
5. Милиция России: документы и материалы 1917–1999. Т. 1. 1917–1934. Саратов, 2000. 353 с.
6. Советская милиция: история и современность 1917–1987. М., 1987. 335 с.

Дата поступления: 10.11.2021

KHAKIMOV Salavat Khazibovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of History and Theory of State and Law of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia; khakimov72@yandex.ru

KARIMOV Rim Rimovich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia; karimov_rim@mail.ru

KARIMOVA Guzel Yurisovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Financial and Environmental Law of the Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia; guzel-karimova-80@mail.ru

**ORGANIZATIONAL LEGAL STRUCTURE AND ACTIVITIES
OF THE TERRITORIAL MILITIA UNITS
OF THE NKVD OF THE BASHKIR ASSR IN THE 1920s**

The analysis of the historical and legal literature has shown that the formation of regional militia bodies in the first half of the 20th century remains largely unexplored. In this connection, the study of regulatory legal acts and archival sources containing information on the organizational and legal structure of the workers' and peasant' militia formed during the first years of the establishment of the Bashkir ASSR is of particular relevance. The article pays par-

particular attention to the analysis of the legal status of the cantonal and volost (district) militia apparatus and to the ethnic composition of the militia personnel. The main **purpose** of the study is to consider the structure and activities of the Bashkir ASSR militia in the 1920s. In preparing the article, the authors use comparative and historical **methods**. On the basis of new archival documents, it is **concluded** that, despite certain organizational difficulties, effective local militia bodies were formed, which carried out active work to eliminate crime in the region.

Keywords: NKVD (People's Commissariat for Internal Affairs); Bashkir ASSR (Autonomous Soviet Socialist Republic); cantonal departments; volost (district) militiamen; district warders.

References

1. Emelin S.M. Historical conditions, organizational legal basis and main directions of activity of the militia of Bashkortostan during the period of the New Economic Policy. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 9–18. (In Russian).
2. Abdrakhmanov A.I. *NKVD Bashkirii v gody Novoj ekonomicheskoy politiki* [NKVD of Bashkiria during the New Economic Policy]. Ufa, 2003. 108 p.
3. *Desyat' let Sovetskoj Bashkirii. K 10-j godovshchine Oktyabr'skoj revolyucii* [Ten years of Soviet Bashkiria. On the 10th anniversary of the October Revolution]. Ufa, 1927. 48 p.
4. *Rossijskaya miliciya. Kratkaya hronika (oktyabr' 1917–2000)* [Russian militia. Brief Chronicle (October 1917–2000)]. Saratov Law Institute Publ., 2001. 286 p.
5. *Miliciya Rossii: dokumenty i materialy 1917–1999* [Militia of Russia: documents and materials 1917–1999]. Saratov, 2000. Vol. 1. 353 p.
6. *Sovetskaya miliciya: istoriya i sovremennost' 1917–1987* [Soviet militia: history and modernity 1917–1987]. Moscow, 1987. 335 p.

Received: 10.11.2021

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

CURRENT ISSUES IN THE DEVELOPMENT OF SECTORAL LEGISLATION

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.12

ИВАНОВ Вячеслав Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва, г. Самара, Россия; Ivanov_sl@rambler.ru.

Статьи в БД Scopus/Web of Science: DOI: 10.17223/15617793/449/24;

DOI: 10.1007/978-3-319-75383-6_48

ЗАЩИТА ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ТАЙН ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С МОБИЛЬНЫМ ТЕЛЕФОНОМ И ИНЫМИ ЭЛЕКТРОННЫМИ НОСИТЕЛЯМИ ИНФОРМАЦИИ

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемы соблюдения гарантий прав личности и обеспечения конституционного права на тайну телефонных переговоров, тайну переписки и почтовых сообщений при осмотре мобильного телефона и иных мобильных устройств, позволяющих осуществлять звонки либо вести переписку в мессенджерах, социальных сетях и посредством электронной почты. При написании статьи использованы **методы:** сравнительно-правовой, анализа и синтеза. По итогам анализа различных мнений исследователей, материалов правоприменительной практики и позиций Конституционного Суда РФ получены следующие **результаты:** показана палитра взглядов на проблему и разница подходов к ее решению как в теории так и в практике; констатируется, что сегодня фактически сложилась ситуация, при которой объем гарантий и защищенность информации зависит не от ее содержания, а от способа доступа к ней. При наличии в распоряжении следователя мобильного телефона извлечение информации, составляющей охраняемую законом тайну переговоров, переписки, почтовых сообщений, осуществ-

ляется без судебного контроля. При отсутствии мобильного телефона в распоряжении получение такой информации возможно только на основании судебного решения. С учетом этого предлагается унифицировать подходы к решению этой проблемы. Одним из вариантов видится правовая разработка категории «цифровой двойник».

Ключевые слова: мобильный телефон; судебный контроль; защита прав личности; цифровой двойник; тайна телефонных переговоров; тайна переписки; охраняемые законом тайны; следственный осмотр; следственные действия.

Современное развитие цифровых устройств связи и передачи информации идет крайне стремительно. Каждый день мы видим новости о появлении новых технологий и технических устройств. Обмен информацией между людьми осуществляется самыми разнообразными способами. К услугам традиционной почтовой связи сегодня обращаются чаще при необходимости отправки посылок и иных грузов. Известный каждому человеку в XX в. телеграф ушел в историю, и упоминание о нем можно встретить, пожалуй, лишь в ст. 185 УПК РФ, но его реальное применение сегодня практически не встречается. Получившие распространение в конце XX в. телетайп и факс также стали достоянием истории. Некоторые крупные организации еще указывают среди своих контактов и номер факса, но это, скорее, происходит в силу инерции, поскольку используется этот вид связи нечасто. На смену устаревшим средствам связи пришли современные цифровые устройства, которые за сравнительно недолгое время прочно вошли в нашу повседневную жизнь.

Большое место в современной жизни занимают мобильные телефоны, смартфоны и иные устройства, позволяющие коммуницировать с внешним миром (ноутбуки, планшеты и т. д.). К числу неоспоримых преимуществ современных мобильных устройств можно отнести существенную экономию времени и ресурсов при передаче информации, возможность оперативно получать и передавать сведения в самых разнообразных формах и разными способами (речевым, текстовым, графическим и др.). При этом содержание передаваемой информации тоже может быть самым разнообразным: обсуждение бытовых вопросов, пересылка и обсуждение служебных сведений, отправка сообщений и материалов личного характера, в том числе содержащих охраняемую законом тайну. Возможность выхода в сеть Интернет, поиска и обмена информацией сделала мобильные телефоны неотъемлемым атрибутом современного человека. Если 30 лет назад у человека могла начаться паника в ситуации, когда он осознал,

что ушел из дома без ключей, то сегодня чувство паники появляется у человека, ушедшего из дома без мобильного телефона. Забыть его, потерять, сломать – значит получить серьезный стресс. И не столько из-за соображений финансового характера (хотя мобильные телефоны могут быть весьма дорогостоящими), а из-за возможности на некоторое время остаться без средства оперативной связи с внешним миром.

Ввиду того что мобильные телефоны стали нашими постоянными спутниками, мы постепенно превратили их в хранилище колоссального объема разнообразной информации: список контактов, смс-переписка, переписка в мессенджерах и социальных сетях, письма в электронной почте (несмотря на многочисленные рекомендации, многие сохраняют в мобильных устройствах пароли от электронной почты, чтобы не тратить время на их ввод), личные фотографии, копии документов (в том числе содержащих персональные данные, врачебную, служебную, налоговую, банковскую и иную охраняемую законом тайну), аудио- и видеозаписи (в том числе записи телефонных разговоров) и многое другое. При этом немалая часть информации имеет особый правовой режим и защищается законом.

Нередко доступ к такого рода информации сопряжен с необходимостью получения соответствующих разрешений. Так, ст. 23 Конституции РФ гласит, что каждый «имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Наряду с этим каждый «имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения». Всегда ли соблюдаются названные положения Конституции РФ в правоприменительной практике правоохранительных органов? Попробуем разобраться в данном вопросе.

Общеизвестно, что проведение следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан, требует обязательного получения судебного решения. Обыск в жилище, личный обыск, выемка предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, арест, осмотр и выемка почтово-телеграфных отправлений – все эти следственные действия, по общему правилу, могут проводиться только с разрешения суда. Порядок получения такого разрешения регламентирован ст. 165 УПК РФ. Несоблюдение процедуры получения судебного решения, а тем более ее игнорирование неизбежно влечет признание полученного доказательства не-

допустимым в силу прямого указания ст. 75 УПК РФ. Таким образом, можно констатировать, что гарантированная ст. 23 Конституции РФ тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений находится под судебной защитой. При возникновении необходимости получить информацию, составляющую тайну переписки или телефонных переговоров, следователь обязан получить разрешение суда. Оно должно быть получено перед производством следственного действия. Исключением являются случаи, не терпящие отлагательства, когда возможно последующее уведомление суда о проведенном следственном действии и рассмотрение судом данного вопроса в целях проверки законности его проведения. Иными словами, судебный контроль является гарантией защиты названных прав человека от необоснованных и незаконных ограничений со стороны органов уголовного преследования.

В сегодняшней правоприменительной практике нередко возникают ситуации, когда следователь извлекает имеющую значение для дела информацию из мобильного телефона (здесь и далее, если не оговорено иное, в понятие «мобильный телефон» будет включаться также смартфон, планшет и иные технические устройства, позволяющие совершать звонки и вести электронную переписку). При этом информация может быть самой разнообразной, в том числе и охраняемой законом (сведения о звонках, переписка и т. п.). Однако в подавляющем большинстве случаев следователи не получают разрешения суда на вторжение в сферу охраняемых Конституцией прав на тайну телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений.

В качестве примера можно привести несколько ситуаций, в которых мобильный телефон является незаменимым источником информации.

1. Обнаружен труп, чья личность не установлена. При трупе найден мобильный телефон, и проводящий осмотр трупа следователь или оперативный работник с этого телефона совершает звонок либо на последние номера из списка вызовов, либо абонентам, записанным в телефонной книжке в качестве родственников («мама», «отец», «жена», «муж», «сын», «дочь» и т. п.). Зачастую это позволяет установить личность погибшего.

2. Мобильный телефон изъят в ходе обыска у подозреваемого и осматривается следователем. В ходе осмотра следователь изучает содержащуюся в нем информацию. Это может быть записная книжка, список вызовов с указанием не только абонентских номеров собеседников, но и времени звонка, длительности разговора, имени, которое присвоено собеседнику в записной книжке. Возможно изучение переписки

владельца мобильного телефона с другими лицами, то есть подробное ознакомление с сообщениями подозреваемого, которыми он обменивался с собеседниками посредством отправки смс-сообщений, в различных мессенджерах (Telegram, Viber, WhatsApp и др.) и социальных сетях (ВКонтакте, Facebook и др.), а также изучение переписки, осуществлявшейся посредством электронной почты, если пароль от нее сохранен на мобильном телефоне. Не вызывает сомнений тот факт, что в описываемой ситуации следователь вторгается в сферу охраняемых Конституцией РФ прав на тайну телефонных переговоров и переписки.

Помимо этого, в телефоне могут находиться различные документы (фотографии, видео- и аудиозаписи и т. д.), содержащие охраняемую законом тайну. Так, человек может сфотографировать медицинские документы, содержащие врачебную тайну (например, для консультации с врачом), либо завещание (нотариальная тайна), либо протоколы следственных действий (тайна предварительного расследования), либо финансово-хозяйственные документы (служебная, коммерческая, аудиторская, налоговая тайна), либо сведения о банковских вкладах (банковская тайна). Этот перечень можно продолжать. Спектр видов содержащейся в мобильном телефоне информации очень широк. Доступ к нему автоматически означает и доступ к этой информации, в том числе имеющей особый правовой режим.

В качестве одного из способов защиты от несанкционированного доступа к мобильному телефону и содержащейся в нем информации можно назвать установление пароля на устройстве, который может представлять собой комбинацию цифр, либо существовать в виде так называемого графического ключа, либо в качестве пароля могут использоваться биометрические данные человека (отпечаток пальца, изображение лица человека). Действительно, наличие пароля является защитой от несанкционированного доступа, но не стоит абсолютизировать этот способ защиты. Пароль можно подобрать, получить обманным путем (например, подсмотреть) или вынудить человека сообщить его. В последнее время было описано немало случаев, когда задержанных за участие в митингах доставляли в органы внутренних дел и принуждали приложить палец к мобильному телефону для его разблокировки, либо посмотреть на экран в тех же целях (или подносили телефон к лицу владельца), либо просто разными способами вынуждали сообщить пароль от устройства. И пока человек находился в камере задержанных, из его телефона извлекалась самая разнообразная информация.

Также существуют специальные технические устройства, которые можно подключить к мобильному телефону, и они подберут пароль к нему и скопируют всю содержащуюся в телефоне информацию. Безусловно, криминалистическое и доказательственное значение такой информации сложно переоценить, поскольку масса преступлений сегодня уходит в виртуальную сферу или как минимум оставляет и цифровые следы наряду с традиционными. Но, как было отмечено, содержащаяся в мобильном телефоне информация зачастую может относиться к сведениям, составляющим охраняемую законом тайну, раскрытие которой возможно только на основании судебного решения.

В научной литературе нет единого подхода к решению этого вопроса. Разные авторы по-разному видят эту проблему и необходимость соблюдения конституционных гарантий, в том числе и необходимость поучения судебного решения. Так, Е.И. Третьякова указывает, что в ходе следственного осмотра мобильного телефона можно получить информацию, относящуюся к охраняемой законом тайне. При этом следователи, извлекая криминалистически значимую информацию, фактически нарушают принцип уголовного судопроизводства – тайну переписки, иных сообщений и телефонных переговоров [1, с. 49–51].

А.М. Багмет и С.Ю. Скобелин на основе опроса 276 сотрудников следственных органов пришли к интересным результатам [2, с. 97–103]. Лишь 5 % опрошенных следственных работников сказали, что судебное решение при осмотре и извлечении информации из мобильного телефона следует получать в любом случае. Часть опрошенных склонились к тому, что судебное решение можно не получать, если мобильный телефон изъят у подозреваемого, обвиняемого, у трупа либо его владелец неизвестен. Также, по мнению ряда опрошенных, можно обойтись без судебного решения, если владелец телефона не возражает против его осмотра либо осмотру подлежит не составляющая тайну информация. Полагаем, что в этой позиции присутствует определенная доля лукавства, так как человек, находящийся в кабинете следователя, охотно согласится на многое, чтобы из кабинета уйти домой, а не в камеру изолятора, то есть согласие может носить вынужденный характер. Что касается извлечения в ходе осмотра сведений, не составляющих тайну, то это тоже очень спорный тезис, поскольку подавляющее большинство сведений, находящихся в мобильном телефоне, относятся к охраняемой законом тайне телефонных переговоров, переписки и почтовых сообщений, а у большинства пользователей нет деления информации на «тайную» и «не тайную». В ходе осмотра отделить одно от другого очень сложно, поскольку эти сведения

могут быть тесно переплетены. Подавляющее же большинство опрошенных работников органов предварительного следствия (более 71 %) сказали, что судебное решение на осмотр телефона и содержащейся в нем информации получать не нужно. Это мнение разделяют и организаторы проведенного анкетирования, а также некоторые исследователи, например К.А. Виноградова и Л.А. Савина [3, с. 55–58].

Интерес представляет позиция Конституционного Суда РФ, который в своем определении № 189-О от 25 января 2018 г. фактически уклонился от анализа существа рассматриваемого вопроса, указав лишь, что для осмотра и экспертизы в целях извлечения информации из памяти мобильных устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном порядке, не требуется специального судебного разрешения. Лица, считающие, что такими действиями и принятыми решениями нарушены их права, могут оспорить их в порядке ст. 125 УПК РФ.

Некоторые авторы говорят, что проблема в силу своей новизны требует выработки дополнительных механизмов и гарантий соблюдения прав граждан. Так, Р.И. Оконенко считает необходимым сформулировать новое понятие – «электронное доказательство», чтобы впоследствии можно было создать для него необходимое правовое регулирование [4, с. 120–124]. Е.И. Третьякова приходит к выводу о том, что «законодательные пробелы создают "питательную среду" для следственных ошибок и нарушений конституционных прав граждан, устранение которых возможно только путем изменения законодательства» [1, с. 51].

Подкупает своей прямоотой предложение, высказанное И.Т. Гасановым. Он предлагает закрепить в ст. 29 и 165 УПК РФ обязанность следователя получать разрешение суда на осмотр мобильных телефонов, компьютеров, планшетов [5, с. 77]. Не вызывает сомнений, что такой подход напрямую согласуется с положениями ст. 23 Конституции РФ.

Еще более радикальный подход предлагают Р.Г. Бикмиев и Р.С. Бурганов, по мнению которых «получение доступа к информации, содержащейся в мобильном телефоне (ином электронном устройстве), и использование этой информации оперативными работниками или следователем также следует считать преступлением, если такие действия осуществлены без получения судебного разрешения и повлекли общественно опасные последствия. В зависимости от обстоятельств дела данные деяния могут быть квалифицированы как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) или нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ)» [6, с. 128].

В целом предлагаемая многими авторами необходимость получения судебного разрешения на получение доступа к информации, содержащейся в мобильном телефоне, полностью согласуется с положениями ст. 23 Конституции РФ. Попробуем предположить, как предложение о необходимости получения судебного разрешения в порядке ст. 165 УПК РФ для осмотра мобильного телефона может реализовываться на практике. Представляется, что принятие таких изменений приведет к появлению большого числа случаев, не терпящих отлагательств, и необходимости оформления дополнительных бумаг, в которых рядовые следователи не будут видеть никакого смысла. Современная следственная практика и суды, как правило, признают осмотры мобильных телефонов законными и не требуют от органов предварительного следствия получения судебных разрешений, отчасти опасаясь возможного увеличения объема работы при необходимости санкционирования осмотров следователями мобильных телефонов.

Во многом это объясняется тем, что судебный контроль в том виде, в каком он задумывался авторами первоначальной редакции УПК РФ, в современных условиях не оправдал себя, превратившись в формальность. Согласно официально опубликованным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ статистическим данным количество выдаваемых судами разрешений на производство следственных и иных процессуальных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан, в 2020 г. составило более 600 тыс. в порядке ст. 29 УПК РФ и более 800 тыс. на основании Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом удовлетворяется более 95 % поступивших ходатайств органов расследования или органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность¹. Если представить, что к этому массиву добавятся еще и ходатайства следователей о разрешении на производство осмотра мобильных телефонов и иных устройств, содержащих охраняемую законом тайну, то объем работы у судов увеличится, а в силу их загруженности проверять наличие оснований для вторжения в сферу охраняемых Конституцией прав возможно будет далеко не в каждом случае, и судебный контроль превратится в формальность с максимально возможным процентом удовлетворения поступивших ходатайств.

Какой же выход можно предложить из сложившейся ситуации? Фактически мы имеем дело с разными путями доступа к одной и той же

¹ Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 10.11.2021).

информации. Если следователю необходимо получить информацию о соединениях между абонентами, он обращается в суд в порядке ст. 165 и 186.1 УПК РФ. Однако если в распоряжении следователя имеется мобильный телефон, то он уже может лично либо с участием специалиста и использованием специально предназначенных технических устройств типа UFED получить необходимые сведения, минуя обращение в суд. То же касается и случаев доступа к переписке, осуществляемой посредством мобильного телефона. Если телефон есть в распоряжении следователя – он его осматривает, если телефона нет – получает судебное разрешение на доступ к этим сведениям через операторов связи.

Еще одним «окном возможностей» внесудебного доступа к этой информации является Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», известный как закон Яровой. Он дополнил Закон РФ «О связи», обязав операторов связи хранить на территории Российской Федерации:

1) информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи – в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий;

2) текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи – до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки.

Также п. 1.1 ст. 64 Закона РФ «О связи» обязывает операторов связи предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, указанную информацию, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи и иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач в случаях, установленных федеральными законами. Как видим, необходимость получения судебного разрешения здесь не упоминается.

Эти изменения законодательства еще более усиливают разрыв между подходами к объему гарантий при получении одной и той же информации разными способами. В одних случаях органы уголовного преследования обязаны соблюдать положения ст. 23 Конституции РФ и

получать доступ к охраняемым законом тайнам только по судебному решению (ст. 165, 185, 186, 186.1 УПК РФ). В других случаях – получать ту же информацию во внесудебном порядке (если в распоряжении следователя имеется мобильный телефон).

Полагаем, что в рамках рассматриваемой проблемы мы столкнулись с так называемым цифровым двойником. Правовое регулирование этого достаточно нового явления на сегодняшний день отсутствует. Исследований этого явления также немного [7, с. 234–240]. Вместе с тем не вызывает сомнений, что множественные цифровые следы остаются в памяти мобильных устройств и на иных цифровых носителях информации. Зачастую эти следы содержат информацию об охраняемых законом тайнах. И они вполне могут именоваться цифровым двойником человека, который может существовать независимо от воли своего создателя-оригинала.

Считаем, что дискуссия по выработке единых подходов к решению данной проблемы должна продолжаться до той поры, пока не будет выработан адекватный механизм, позволяющий обеспечить баланс публичных и частных интересов в этом вопросе. А пока этого не произошло, следует исходить из необходимости неукоснительного соблюдения положений ст. 23 Конституции РФ и получения судебного решения на осмотр мобильного телефона, в ходе которого возможно ознакомление с самыми разнообразными охраняемыми законом тайнами.

Библиографический список

1. Третьякова Е.И. Мобильный телефон как источник криминалистически значимой информации // Вестник Уральск. финанс.-юр. ин-та. 2018. № 3 (13). С. 49–51.
2. Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 6. С. 97–103.
3. Виноградова К.А., Савина Л.А. Изъятие и осмотр мобильных телефонов и находящейся на них электронной информации по преступлениям, совершенным военнослужащими // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 55–58.
4. Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3 (52). С. 120–124.

5. Гасанов И.Т. К вопросу о получении судебного разрешения на осмотр сотовых телефонов участников уголовного процесса на досудебных стадиях // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае, Барнаул, 10–12 июля 2018 г. / отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул : Алтайск. гос. ун-т, 2018. С. 72–79.

6. Бикмиев Р.Г., Бурганов Р.С. Выемка и осмотр электронных устройств // Уголовное право. 2018. № 1. С. 125–131.

7. Иванов В.В., Нестеров А.Ю. Право в искусственной среде третьей природы: юридический статус цифрового двойника // Мир человека: нормативное измерение – 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь : сб. тр. междунар. науч. конф., Саратов, 27–29 июня 2019 г. / отв. ред. И.Д. Невважай. Саратов : Саратовск. гос. юрид. акад., 2019. С. 234–240.

Дата поступления: 23.11.2021

IVANOV Vyacheslav Vasilievich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, Samara, Russia; Ivanov_sl@rambler.ru.

Articles in the Scopus / Web of Science: DOI: 10.17223/15617793/449/24; DOI: 10.1007/978-3-319-75383-6_48

PROTECTION OF SECRETS SAFEGUARDED BY LAW DURING INVESTIGATIONS WITH A MOBILE PHONE AND OTHER ELECTRONIC MEDIA

The **purpose** of this article is to address the problem of observing the guarantees of individual rights and ensuring the constitutional right to privacy of telephonic conversations and to confidentiality of correspondence and postal messages when inspecting a mobile phone or other mobile devices, allowing calls to be made or correspondences to be made via messengers, social networks and e-mail. When writing the article, the following **methods** are used: comparative legal, analysis and synthesis. Based on the analysis of various opinions of researchers, materials of law enforcement practice and positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the following **results** are obtained: it shows the range of views on the problem and the different

approaches to the problem, both in theory and in practice; it is noted that today there is in fact a situation in which the scope of guarantees and information security does not depend on its content, but on the method of access to it. If the investigator has a mobile phone at his disposal, the extraction of information constituting the secret of negotiations, correspondence, mail messages protected by law is carried out without judicial control. In the absence of a mobile phone at the disposal, obtaining such information is possible only on the basis of a court decision. With this in mind, it is proposed to unify approaches to this problem. The legal development of the category «digital double» seems to be one of the options.

Keywords: mobile phone; judicial control; protection of individual rights; digital double; privacy of telephone conversations; confidentiality of correspondence; secrets protected by law; investigative examination; investigative actions.

References

1. Tretyakova E.I. Mobile phone as a source of forensic information. *Vestnik Ural'skogo finansovo-yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Ural Institute of Finance and Law*, 2018, no. 3 (13), pp. 49–51. (In Russian).
2. Bagmet A.M., Skobelin S.YU. The scope of limiting the constitutional rights of citizens when examining cell phones of participants in criminal proceedings. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2017, no. 6, pp. 97–103. (In Russian).
3. Vinogradova K.A., Savina L.A. Seizure and inspection of mobile phones and electronic information on them relating to crimes committed by military personnel. *Vestnik voennogo prava = Military Law Bulletin*, 2019, no. 2, pp. 55–58. (In Russian).
4. Okonenko R.I. Electronic evidence as a new direction for improving Russian criminal procedure law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 3 (52), pp. 120–124. (In Russian).
5. Gasanov I.T. On the issue of obtaining judicial permission to inspect the cell phones of participants in criminal proceedings at the pre-trial stages. In Davydov S.I., Polyakov V.V. (eds.). *Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altae, Barnaul, 10–12 iyulya 2018 g.* [Criminal Procedure and Forensic Readings in Altai, Barnaul, July 10–12, 2018]. Altai State University Publ., 2018, pp. 72–79. (In Russian).

6. Bikmiev R.G., Burganov R.S. Removal and inspection of electronic devices. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2018, no. 1, pp. 125–131. (In Russian).

7. Ivanov V.V., Nesterov A.YU. Law in the artificial environment of the third nature: the legal status of the digital double. In Nevvazhaj I.D. (ed.). *Mir cheloveka: normativnoe izmerenie – 6. Normy myshleniya, vospriyatiya, povedeniya: skhodstvo, razlichie, vzaimosvyaz'. Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Saratov, 27–29 iyunya 2019 g.* [Human world: normative dimension – 6. Norms of thinking, perception, behavior: similarity, difference, interconnection. Proceedings of the International scientific conference, Saratov, June 27–29, 2019]. Saratov State Law Academy Publ., 2019, pp. 234–240. (In Russian).

Received: 23.11.2021

УДК 347.9

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.13

КИРЮЩЕНКО Ирина Игоревна

*адвокат, член Адвокатской палаты Краснодарского края,
соискатель Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Краснодар, Россия; kiryuschenko@yandex.ru*

ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ СУДЕЙ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В статье исследуются проблемы досрочного прекращения полномочий судей Советом Федерации РФ по представлению Президента РФ, в частности проблемы недостаточной детализации правовых норм. Рассматривается роль органов судейского сообщества в обеспечении гарантий независимости судей в процедуре досрочного прекращения их полномочий. **Цель:** анализ изменений в законодательстве Российской Федерации в контексте конституционной реформы 2020 г., касающихся досрочного прекращения полномочий судей, выявление возникших проблем, выработка предложений по совершенствованию законодательства. **Методы:** диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и системного анализа. **Выводы:** проведенный анализ свидетельствует об установлении новых видов оснований досрочного прекращения полномочий председателей, их заместителей и судей высших судов, кассационных и апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам ввиду совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, и в иных случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий. Выявлено, что установленная законодательством формулировка указанных оснований несовершенна, поскольку позволяет лишать судей полномочий за широкий спектр поступков и действий (бездействие), ни исчерпывающего перечня которых, ни предусмотренных законодательством критериев их оценки нет. Положительным моментом признается, что прекращение полномочий указанных судей отнесено к полномочиям Совета Федерации РФ. Делается вывод о том, что необходимо внести изменения в законодательство, детализировав основания и порядок досрочного прекращения полномочий судей, а также предусмотрев участие органов судейского сообщества как гарантии независимости судебной власти. Автор предлагает дополнить основания прекращения полномочий всех остальных судей

ввиду совершения ими порочащего поступка и несоблюдения требований, ограничений и запретов, установленных законодательством о противодействии коррупции.

Ключевые слова: конституционная реформа; досрочное прекращение полномочий судей; квалификационные коллегии судей; судейское сообщество; независимость судей; формирование судейского корпуса.

В 2020 г. проведена крупномасштабная конституционная реформа, охватившая все сферы жизни общества и государства, в том числе и судебную власть. Многие ученые занимаются исследованием этой реформы [1; 2; 3; 4; 5; 6], однако некоторые аспекты формирования судейского корпуса Российской Федерации требуют дополнительного исследования.

Представляется, что изменение порядка досрочного прекращения полномочий судей Президентом РФ и Советом Федерации Федерального Собрания РФ с участием органов судейского сообщества позволит обеспечить механизм своевременного исключения из судейского корпуса лиц, не способных быть судьями, при одновременном соблюдении принципа независимости судебной власти, необходимого для осуществления возложенных на эту власть задач.

В ст. 10 Конституции РФ провозглашен принцип разделения властей и самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти в своей деятельности. При этом должен быть обеспечен баланс между ветвями власти путем законодательно установленного должного уровня их самостоятельности друг от друга как важное условие и предпосылка независимости правосудия и лиц, его осуществляющих [7, с. 228].

История знает примеры попыток подчинения судебной власти со стороны других ветвей власти, что вызвало серьезные опасения в подрыве основ конституционализма и резкую критику Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия). И хотя принимаемые Венецианской комиссией декларации не являются обязательными к применению, они отражают подход европейского сообщества к вопросам независимости судей и самостоятельности судебной власти.

На 106-м пленарном заседании, состоявшемся 11–12 марта 2016 г., Венецианская комиссия выразила серьезную озабоченность случаями неправомерного вмешательства в работу конституционных судов в Польше и Турции, что было признано явным нарушением ре-

шений Совета Европы¹ и принципов независимости судей². Подобные ситуации подрывают авторитет судебной власти, лишают ее самостоятельности и способов защиты своего статуса.

Однако не должно быть и обратного явления, когда судебная власть носит абсолютный характер, в том числе в вопросе формирования судейского корпуса, и становится замкнутой и недостижимой корпорацией, контролирующей свою деятельность и судей без возможности противовеса со стороны других ветвей власти. Очевидно, что вопросы назначения судей и прекращения их полномочий должны быть максимально отстранены от политических событий и структур [8], но нельзя при этом полностью исключать участие других ветвей власти в формировании судейского корпуса. Важно соблюсти баланс между ветвями власти, установив в законе механизм, обеспечивающий независимость и соответствующий уровень их самостоятельности друг от друга.

Одним из дискуссионных вопросов конституционной реформы 2020 г. является вопрос досрочного прекращения полномочий судей Советом Федерации РФ по представлению Президента РФ.

Ранее прекращение полномочий судей в Российской Федерации осуществлялось без участия иных ветвей власти, а именно Высшей квалификационной коллегией судей РФ в отношении судей Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), кассационных и апелляционных судов, квалификационными коллегиями судей субъектов Российской Федерации в отношении остальных судей, а также Конституционным Судом РФ (далее – КС РФ) в отношении его судей. Указанный порядок наделял судебную власть широкими полномочиями в вопросе прекращения полномочий судей и не способствовал должному уровню контроля процесса исключения из судейского корпуса лиц, не способных осуществлять судейские полномочия, обеспечению прозрачности судебной деятельности и формированию должного доверия суду.

Внесенными в Конституцию РФ поправками к ведению Совета Федерации по представлению Президента РФ отнесено прекращение полномочий Председателя, заместителя Председателя и судей КС РФ,

¹ О недопустимом вмешательстве в работу конституционных судов в государствах-участниках : декларация Венецианской комиссии Совета Европы от 16.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.venice.coe.int/webforms/events/?id=2193> (дата обращения: 30.11.2020).

² Польская оппозиция оспаривает Новый Закон о Конституционном трибунале // МИА «Россия сегодня». 2016. 2 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/europe/201608021043858507-poland-constitutional-tribunal/> (дата обращения: 24.12.2020).

Председателя, заместителей Председателя и судей ВС РФ, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий (п. «л» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ).

При этом роль Совета Федерации в системе сдержек и противовесов судебной власти, ограничивающей абсолютную независимость судебной власти в вопросе прекращения полномочий судей, не способных осуществлять возложенные на них полномочия, представляется явно положительным явлением, направленным на создание необходимых условий эффективного и справедливого правосудия. Ведь квалификационные коллегии судей, наделенные государственно-властными полномочиями, направленными на лишение судей их полномочий в качестве меры дисциплинарной ответственности, ни в коей мере не могут оставаться выразителями интересов судей [9, с. 105].

КС РФ не усмотрел несоответствия Конституции РФ вносимых в этой части поправок¹, но отметил обязательные условия соблюдения самостоятельности судебной власти, предусмотренные принципом разделения властей, – закрепление федеральным конституционным законом оснований и порядка прекращения полномочий указанных категорий судей.

Статья 15 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»² содержит перечень оснований прекращения Советом Федерации по представлению Президента РФ полномочий указанных категорий судей, а также устанавливает 14-дневный срок для рассмотрения Советом Федерации представления Президента РФ и полномочие Президента РФ по определению порядка внесения такого представления. Этот перечень не является закрытым и включает в себя две группы оснований прекращения полномочий судей:

¹ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

² О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1, ст. 1.

- совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи;
- иные случаи, свидетельствующие о невозможности осуществления судьей своих полномочий.

Указанные основания соответствуют международным стандартам прекращения полномочий судей¹, в силу которых судьи могут быть временно отстранены от должности или уволены как в силу неспособности выполнять обязанности судьи, так и по причине поведения, не соответствующего занимаемой должности. Однако установленные законодателем основания должны быть определенными и исключать произвольное привлечение судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий², иначе будут нарушаться принципы самостоятельности и независимости судов, несменяемости и неприкосновенности судьи.

Рассматриваемые изменения 2020 г. не закрепили понятие поступка, порочащего честь и достоинство судьи, критерии его отграничения от иных поступков, не влекущих досрочного прекращения полномочий судьи, поэтому указанное основание нельзя назвать определенным и исключаящим произвольное досрочное прекращение полномочий судей. Необходимо сформулировать и закрепить в законодательстве понятие, а также детализировать содержание поступка, порочащего честь и достоинство судьи, который без каких-либо затруднений может быть отграничен от иных поступков, не влекущих прекращения полномочий судьи. Это повысит авторитет судебной власти и обеспечит ее самостоятельность в системе разделения властей, а также независимость судей при исполнении своих прямых обязанностей по отправлению правосудия.

Аналогичная ситуация складывается и со вторым основанием досрочного прекращения полномочий судей – иные случаи, свидетельствующие о неспособности осуществления судьей своих полномочий. Дейст-

¹ Основные принципы независимости судебных органов (приняты в г. Милане 26.08.1985–06.09.1985) // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М. : Юрид. лит., 1990. С. 325–329 ; О судьях: независимость, эффективность и ответственность : рекомендация № Rec (2010)12 Комитета министров Совета Европы (принята 17.11.2010 на 1098-м заседании Комитета министров) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70390732/> (дата обращения: 30.11.2020).

² По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 5.

вующее законодательство не содержит критериев определения таких случаев, а случаи, закрепленные в законодательстве, сформулированы в виде открытого перечня:

- несоблюдение требований, ограничений и запретов законодательства о коррупции;
- прекращение российского или приобретение иностранного гражданства (подданства) либо вида на жительство;
- наличие счетов в зарубежных банках и иностранных финансовых инструментов;
- занятие деятельностью, не совместимой с должностью судьи;
- иные случаи, установленные федеральным конституционным законом.

Но так ли однозначны установленные законом случаи? Все ли случаи, свидетельствующие о невозможности осуществления судьей своих полномочий, должны являться основанием для прекращения полномочий судьи? А если выявленные случаи являются ошибочными, а полученная информация недостоверна?

Согласно абз. 5 п. 6 ст. 11 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹ полномочия судьи прекращаются в день принятия решения Советом Федерации. Однако в настоящее время непонятно, как можно оспорить случаи, признанные как неспособность судьи осуществлять свои полномочия, а равно защитить права и законные интересы такого судьи с целью обеспечения должного уровня самостоятельности судебной власти и независимости судьи. При этом обеспечение независимости судебной власти, а равно и судьи, является приоритетной задачей судебной реформы [10, с. 423]. Порядок прекращения полномочий судьи – один из ключевых элементов независимости судей [11] и должен быть обеспечен набором процедурных гарантий, установленных законодательством.

Подготовку рекомендаций Президенту РФ по вопросу досрочного прекращения полномочий судей осуществляет Комиссия при Президенте РФ по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий (далее – Комиссия)². Согласно Указу Президента РФ «Об обеспечении реализации некоторых конституцион-

¹ О статусе судей в Российской Федерации : закон от 26.06.1992 № 3132-1 // Российская газета. 1992. № 170.

² Об обеспечении реализации некоторых конституционных полномочий Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 17.02.2021 № 96 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 8 (ч. I), ст. 1312.

ных полномочий Президента Российской Федерации» поступившие обращения и информация о совершении судьей порочащего поступка или о наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, рассматриваются Управлением Президента РФ по вопросам государственной службы и кадрам совместно с Управлением Президента РФ по вопросам противодействия коррупции, которые передают материалы в Комиссию для подготовки рекомендаций Президенту РФ. При этом указом не ограничен перечень источников, из которых поступает информация и обращения. Только Президент РФ или руководитель его Администрации принимают решение о необходимости подготовки материалов по поступившим обращениям и информации в отношении судьи, а также устанавливают срок, в течение которого материалы должны быть переданы в Комиссию.

Вместе с тем указанный порядок не содержит регламентацию процедуры оспаривания решения Президента РФ или руководителя Администрации Президента РФ о подготовке материалов на основании обращений и информации, решения Комиссии о подготовке рекомендаций Президенту РФ по вопросу досрочного прекращения полномочий судей, а также возможность предоставления пояснений и опровержений информации, поступившей Президенту РФ. В данном случае вряд ли можно говорить о наличии гарантий независимости судей, в том числе гарантий справедливого разбирательства по основаниям прекращения полномочий судьи, квалифицированной правовой помощи и обжалования решения о прекращении полномочий.

Указанными изменениями в том виде, в котором они существуют к настоящему моменту, нарушается баланс между ветвями власти, поскольку судебная власть не участвует в решении вопроса о досрочном прекращении полномочий указанных категорий судей. Представляется, что процесс законодательных изменений должен быть продолжен, ведь органы судейского сообщества нельзя полностью исключить из процедуры прекращения полномочий судей как гарантию независимости судебной власти, установленную международно-правовыми стандартами¹.

¹ Европейская хартия о статусе для судей (принята в г. Страсбурге 08.07.1998–10.07.1998) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901927869> (дата обращения: 30.11.2020) ; Основные принципы, касающиеся независимости судебных органов (приняты на Седьмом Конгрессе ООН в г. Милане 26.08.1985–06.09.1985, одобрен. резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985 № 40/32 и от 13.12.1985 № 40/146) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml (дата обращения: 30.11.2020) ; О судьях: независимость, эффективность и ответственность.

Так, в соответствии с п. 1.3, 5.1, 7.2 Европейской хартии о статусе для судей¹ в процессе принятия любого решения, влияющего на отбор, прием, назначение, продвижение по службе либо прекращение полномочий судьи, предусматривается участие уполномоченного органа, независимого от других ветвей власти. Указанный независимый орган судейского сообщества принимает решение (предложение, рекомендацию или согласие), которое обеспечивает представление интересов судьи и защиту независимости судебной власти. Следовательно, в случае досрочного прекращения полномочий судей Советом Федерации обязательно должно быть обеспечено участие органа судейского сообщества, выражающего интересы судьи.

Вместе с тем рассмотрение Высшей квалификационной коллегией судей РФ заявления судьи о прекращении его полномочий по другим основаниям приостанавливается до рассмотрения по существу Советом Федерации на основании внесенного Президентом РФ представления по вопросу о прекращении полномочий указанных категорий судей в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий. Данное положение внесено законодателем в декабре 2020 г.² и закрепляет приоритет в решении вопроса о прекращении полномочий судьи Президентом РФ и Советом Федерации, без участия органов судейского сообщества. Однако КС РФ в постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П³ определил условия, при которых досрочное прекращение полномочий судьи, совершившего поступок, порочащий честь и достоинство, возможно, а именно гарантированность участия органа судейского сообщества и справедливость процедуры рассмотрения дела.

На сегодняшний день участие органов судейского сообщества и гарантии справедливой процедуры прекращения полномочий судей Советом Федерации по представлению Президента РФ законодательно не

¹ Европейская хартия о статусе для судей.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 08.12.2020 № 426-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III), ст. 8071.

³ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г.Н. Белюсовой, Г.И. Зиминной, Х.Б. Саркитова, С.В. Семак и А.А. Филатовой : постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2008 № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 3.

установлены ни на стадии внесения представления Президентом РФ, ни на стадии принятия решения Советом Федерации. В таком случае необходимо законодательное закрепление полномочий Высшей квалификационной коллегии судей РФ по принятию решения (предложения, рекомендации, согласия) по основаниям и причинам совершенного поступка судьей или иных обстоятельств, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, как необходимое и достаточное условие выражения интересов судей.

Необходимо установить, что обращения к Президенту РФ и информация о совершении судьями поступка, порочащего честь и достоинство судьи, или о наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, должны поступать одновременно и в Управление Президента РФ по вопросам государственной службы и кадров, Управление Президента РФ по вопросам противодействия коррупции и в квалификационную коллегию судей, которые по итогам рассмотрения направляют материалы в Комиссию для подготовки рекомендаций Президенту РФ. Квалификационная коллегия судей в рамках проверки должна будет запросить соответствующие пояснения и возражения от судьи, провести проверку и подготовить свое заключение (решение), что обеспечит российским судьям должный уровень независимости и гарантии от злоупотребления полномочиями и возможного произвола со стороны других ветвей власти.

Еще одна проблема, которая законодательно не закреплена и вызывает обоснованные вопросы у многих ученых [3, с. 16; 6, с. 50], это проблема обжалования решения Совета Федерации о прекращении полномочий указанных категорий судей. Между тем международные стандарты одной из гарантий независимости судебной власти закрепляют обязательное право на обжалование в суде решения о прекращении полномочий судьи (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹ в ее истолковании Комитетом ООН требует справедливого судебного рассмотрения дел в отношении судей). В таком случае необходимо законодательно закрепить порядок обжалования в суде решения Совета Федерации о прекращении полномочий указанных категорий судей и механизм его реализации, ведь отсутствие правового регулирования данного вопроса приведет к определенным сложностям и разночтениям в правоприменении.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

Внесенными поправками изменены основания и порядок досрочного прекращения полномочий судей КС РФ, ВС РФ, кассационных и апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам, но основания и порядок досрочного прекращения полномочий судей остальных судов (верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, судей районных (городских) судов, мировых судей) остались неизменными, и досрочное прекращение полномочий судей остальных судов по-прежнему осуществляется на основании решения квалификационной коллегии судей субъекта РФ.

В целях установления стандартов в вопросах формирования судейского корпуса и поддержания авторитета судебной власти должен быть предусмотрен единый перечень оснований досрочного прекращения полномочий остальных судей. Поэтому ст. 14 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» требует дополнения следующими основаниями:

1) совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи. При этом следует заметить, что содержащееся в настоящее время основание – совершение судьей дисциплинарного проступка – явно отличается от предлагаемого основания, во-первых, ввиду формулирования существующего основания как возможного и только в исключительных случаях влекущего досрочное прекращение полномочий судьи, в том числе предоставляющего широкий выбор усмотрения квалификационным коллегиям судей при определении мер дисциплинарной ответственности [12, с. 96], во-вторых, применение данного вида дисциплинарной ответственности возможно только по представлению председателя соответствующего суда, совета судей и жалобе (обращению) участника процесса, что нередко связано с конфликтом между председателем и судьей [8, с. 108], а в-третьих, ограничено сроком давности, в течение которого судья может быть подвергнут данному виду ответственности;

2) несоблюдение требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Значение данного основания в вопросе досрочного прекращения полномочий судей трудно переоценить, учитывая, что борьба с коррупцией названа одним из приоритетных направлений государственной деятельности.

Указанные основания, безусловно, будут способствовать формированию доверия к судебной власти и качеству правосудия, а также

должного уровня ответственности перед обществом за надлежащее осуществление своих полномочий, ведь именно эти судьи составляют основную массу судейского корпуса и рассматривают подавляющее большинство судебных споров.

Процедура досрочного прекращения полномочий судей ввиду невозможности осуществлять полномочия судьи или по причине совершения порочащего поступка является одной из гарантий формирования качественного судейского корпуса. Вместе с тем механизм формирования судейского корпуса путем досрочного прекращения полномочий судей должен быть максимально детализирован, чтобы обеспечить, с одной стороны, самостоятельность судебной власти и независимость судьи, с другой стороны, формирование судейского корпуса судьями, отвечающими их высокому статусу и поставленным перед ними задачам по защите прав и законных интересов человека и гражданина.

Из изложенного следует вывод, что без тщательного законодательного регулирования порядка и подробной регламентации оснований досрочного прекращения полномочий судей вряд ли можно обеспечить формирование независимого и эффективного судейского корпуса, способного осуществлять возложенные на судебную власть функции.

Библиографический список

1. Виноградова Е.В., Патюлин Г.С. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. К вопросу о роли Конституционного Суда Российской Федерации в защите прав и свобод человека и гражданина // Образование и право. 2020. № 2. С. 24–28.
2. Головченко В.И. Некоторые аспекты институциональных мер защиты, связанных с независимостью судебной системы Российской Федерации в контексте поправок в Конституцию РФ 2020 // Базис. 2020. № 1. С. 30–33.
3. Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 7–23.
4. Корсаков Д.Н. О поправках в Конституцию Российской Федерации, регулирующих статус и полномочия органов судебной власти // Российская юстиция. 2020. № 7. С. 55–58.
5. Кряжков В.А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32.

6. Стеничкин Н.Г. Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 5 (162). С. 41–52.

7. Правосудие в современном мире : моногр. / Т.Я. Хабриева [и др.] ; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 719 с.

8. Макарова О.В. Некоторые проблемы укрепления гарантий независимости судей // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 104–110.

9. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы : моногр. / А.А. Гравина [и др.] ; отв. ред. В.П. Кашепов. М. : ИЗиСП : КОНТРАКТ, 2016. 240 с.

10. Научные концепции развития российского законодательства : моногр. / С.Е. Нарышкин [и др.] ; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. 7-е изд., доп. и перераб. М. : Юриспруденция, 2015. 544 с.

11. Макарова О.В. Обеспечение независимости судей в Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 95–104.

12. Макарова О.В. Институт дисциплинарной ответственности судей нуждается в совершенствовании // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. № 3. С. 92–99.

Дата поступления: 28.07.2021

KIRYUSHCHENKO Irina Igorevna

*Lawyer, Member of the Krasnodar Territory Bar Chamber,
Postgraduate Student of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian Federation,
Krasnodar, Russia; kiryuschenko@yandex.ru*

EARLY TERMINATION OF THE POWERS OF JUDGES IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL REFORMS

The paper examines the problems of early termination of the powers of judges by the Federation Council of the Russian Federation on the proposal of the President of the Russian Federation, in particular, the lack of sufficient detail of legal norms. The role of the judicial community in guaranteeing the independence of judges in the early termination procedure is considered. **Purpose:** to analyze changes in the legislation of the Russian Federation in the context of the constitutional reform of 2020, concerning the early termination of the pow-

ers of judges, to identify problems encountered and to develop proposals for improving legislation. **Methods:** the author uses dialectical, formal-legal, comparative-legal and system analysis methods. **Results:** the analysis shows that new types of grounds have been established for the early termination of the powers of the chairmen, their deputies and judges of the Higher Courts, Cassation and Appeal Courts, as well as the Intellectual Property Rights Court, in view of the fact that they have committed an act defaming the honor and dignity of the judge, and in other cases where it is not possible for the judge to exercise his powers. The wording of these grounds established by the legislation reveals an imperfection, since it allows depriving judges of their powers for a wide range of acts and actions (inactions) that do not have a comprehensive list or criteria for their evaluation provided for by the legislation. It is recognized as a positive aspect that the termination of the powers of these judges is a matter for the Federation Council of the Russian Federation. At the same time, it is concluded that it is necessary to amend the legislation, detailing the grounds and procedure for the early termination of the powers of judges, as well as providing for the participation of the judicial community as a guarantee of the independence of the judiciary. The author proposes to supplement the grounds for the termination of the powers of all other judges due to their misconduct and failure to comply with the requirements, restrictions and prohibitions established by the anti-corruption legislation.

Keywords: constitutional reform; early termination of the powers of judges; qualification boards of judges; judicial community; judicial independence; formation of the judiciary.

References

1. Vinogradova E.V., Patyulin G.S. Amendments of 2020 to the Constitution of the Russian Federation. On the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in protecting the human and civil rights and freedoms. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2020, no. 2, pp. 24–28. (In Russian).
2. Golovchenko V.I. Some aspects of institutional protection measures related to the independence of the judicial system of the Russian Federation in the context of amendments to the Constitution of the Russian Federation 2020. *Bazis = Basis*, 2020, no. 1, pp. 30–33. (In Russian).
3. Kleandrov M.I. Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 10, pp. 7–23. (In Russian).

4. Korsakov D.N. About amendments to the Constitution of the Russian Federation regulating the status and powers of judicial authorities. *Rossiyskaya yusticiya* = *Russian Justice*, 2020, no. 7, pp. 55–58. (In Russian).
5. Kryazhkov V.A. How the constitutional reform of 2020 changed the Constitutional Court of the Russian Federation, *Gosudarstvo i pravo* = *State and Law*, 2020, no. 9, pp. 18–32. (In Russian).
6. Stenichkin N.G. Ensuring the Independence and Autonomy of the Judiciary in the Context of the 2020 Constitutional Reform. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 5 (162), pp. 41–52. (In Russian).
7. Khabrieva T.YA., Artemov V.YU., Bolshova A.K., Vlasenko N.A., Vlasov I.S., Gaidaenko-Sher N.I., Glazkova M.E. at al.; Lebedev V.M., T.YA. Khabrieva (eds.). *Pravosudie v sovremennom mire* [Justice in the modern world]. Moscow, Norma, Infra-M Publ., 2012. 719 p.
8. Makarova O.V. Some problems of strengthening guarantees of the independence of judges. *ZHurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2008, no. 5, pp. 104–110. (In Russian).
9. Gravina A.A., Kashepov V.P., Makarova O.V., Khromova N.M., Yamasheva E.V.; Kashepov V.P. (ed.). *Organizaciya i deyatel'nost' sudov obshchej yurisdikcii: novelly i perspektivy* [Organization and activity of courts of general jurisdiction: innovations and perspectives]. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., KONTRAKT Publ., 2016. 240 p.
10. Naryshkin S.E., Khabrieva T.YA., Abramova A.I., Akopyan O.A., Andrichenko L.V., Balkhaeva S.B., Bogolyubov S.A. at al.; Khabrieva T.YA., Tikhomirov YU.A. (eds.). *Nauchnye koncepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva* [Scientific concepts for the development of Russian legislation]. 7th ed. Moscow, YUrisprudenciya Publ., 2015. 544 p.
11. Makarova O.V. Ensuring the independence of the judges in the Russian Federation. *ZHurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2010, no. 1, pp. 95–104. (In Russian).
12. Makarova O.V. Institution of disciplinary liability of judges needs improvement. *ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2008, no. 3, pp. 92–99. (In Russian).

Received: 28.07.2021

УДК 343.14

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.14

ПОДОЛЬНЫЙ Николай Александрович

*доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики Казанского института
(филиала) Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России),
г. Казань, Россия; ipk-saransk@yandex.ru*

РАЗУМНЫЙ СРОК ПОЛУЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Целью исследования, положенного в основу предлагаемой статьи, стала проблема определения разумности срока получения заключения эксперта в ходе проверки сообщения о совершенном преступлении на стадии возбуждения уголовного дела. Материалом для проведенного исследования послужили нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, а также подзаконные нормативные акты, регулирующие назначение и проведение судебных экспертиз. Помимо этого, в основу сделанных в статье выводов была положена следственная и судебная практика. В ходе исследования применялся целый ряд научных **методов**: анализа и синтеза информации, эмпирио-критический, сравнительно-правовой, системно-деятельностный. Названные методы позволили выявить состояние проблемы определения разумности срока проведения судебных экспертиз и пути преодоления трудностей, возникающих в следственной практике. **Результатом** проведенного исследования стало толкование нормы ст. 144 УПК РФ и вытекающее из этого предложение о создании системы подзаконных нормативных актов, в которых вопрос о сроках решался бы в зависимости от вида соответствующей судебной экспертизы.

Ключевые слова: судебная экспертиза; разумный срок получения заключения эксперта; стадия возбуждения уголовного дела; проверка сообщения о совершенном преступлении; процессуальное решение; процессуальные действия.

Общеизвестно, что одним из основных следственных действий, позволяющих получить доказательства, на основе которых выносятся процессуальные решения, является допрос подозреваемого, обвиняемо-

го, потерпевшего, свидетелей [1]. Однако при расследовании отдельных категорий уголовных дел ключевое значение в процессе доказывания могут иметь также результаты проведенных экспертиз [2]. В частности, как показывает практика расследования, невозможно вынести справедливое процессуальное решение по уголовным делам о причинении вреда здоровью без проведения судебно-медицинской экспертизы. В отдельных случаях без заключения экспертизы данного вида сложно сделать вывод о наличии вреда здоровью и о наличии причинно-следственной связи между определенными действиями и телесными повреждениями, которые имеются у конкретного лица. В связи с этим уже на стадии возбуждения уголовного дела актуальным является вопрос о получении заключения экспертизы данного вида. От такого заключения зависит определение следователем перспектив расследования, а потому это влияет на принятие решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела.

При расследовании целого ряда преступлений заключение экспертизы необходимо еще на стадии возбуждения уголовного дела. Она является основой для определения следователем того, какое процессуальное решение ему следует вынести, чтобы обеспечить справедливость по конкретному случаю. Тем более что безосновательное возбуждение уголовного дела – это всегда угроза правам и законным интересам граждан, оказавшихся в сфере уголовного процесса, которая может повлечь поражение в правах, связанное с налагаемыми процессуальными ограничениями. Задачей стадии возбуждения уголовного дела является предотвращение случаев безосновательного привлечения к уголовной ответственности граждан и иных лиц [3].

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает предварительную проверку сообщений о преступлении, проводимую в порядке, установленном ст. 144 УПК РФ. Проверка призвана выяснить, насколько названное сообщение соответствует действительности, с тем чтобы оградить граждан от необоснованных подозрений и обвинений, предотвратить саму возможность нравственных страданий [4]. Стадия возбуждения уголовного дела фактически является гарантом от возможной следственной и судебной ошибки. Поэтому проводимые в рамках данной стадии следственные и иные процессуальные действия выступают гарантами соблюдения прав и законных интересов граждан и лиц, попавших в поле зрения правоохранительных органов.

Срочность стадии возбуждения уголовного дела, состоящая в краткости срока, в течение которого должно быть принято решение,

предполагает, что дискомфорт и ущемления, неизбежные при проверке сообщения о совершенном преступлении, не могут быть длительными, человек не может долго находиться в состоянии неопределенности, поскольку это может причинить ему страдания. Общий срок проверки сообщения о совершенном преступлении составляет в соответствии со ст. 144 УПК РФ трое суток, при наличии определенных исключительных обстоятельств он может составлять 10 и даже 30 суток. Краткость стадии возбуждения уголовного дела предполагает, что судебные экспертизы, которые могут проводиться на этом этапе, также должны быть ограничены в сроках их проведения. Тем более что от их заключения часто зависит принятие основного решения – о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. В связи с этим в названной норме уголовно-процессуального закона имеется указание на срок, в течение которого должно быть представлено заключение эксперта. Оно должно быть представлено в разумный срок, то есть законодатель счел более правильным не определять срок в абсолютных значениях.

Однако разумность – это категория относительная, поскольку разными участниками уголовного процесса она воспринимается по-разному. Она одна – для следователя, проводящего проверку сообщения о преступлении, и совсем иная – для эксперта, от которого ждут заключения. Лицо, права и интересы которого могут быть затронуты в результате проведения проверки, вообще может считать любую продолжительность проводимой проверки сообщения о преступлении неразумной. Представляется, что критерием разумности как качественной категории, характеризующей продолжительность расследования, должна быть истина, установление которой способно обеспечить принятие справедливого процессуального решения. То есть количество судебных экспертиз и их продолжительность должны быть такими, чтобы отведенного времени было достаточно для установления с высокой степенью вероятности того хода событий, который привел к преступному результату. Но это может быть только одним из критериев разумности срока, который отводится на производство судебной экспертизы и получение заключения эксперта, на основании которого следователь имеет возможность сделать вывод о наличии признаков преступления, с тем чтобы вынести постановление о возбуждении уголовного дела. Наличие только этого критерия позволило бы определять разумность срока в безгранично длительные временные промежутки, поскольку чем больше времени затрачивается на проведение экспертных исследований и под-

готовку заключения эксперта, тем меньше вероятность совершения ошибки, недостижения полноты и объективности.

Разумность срока, отводимого на проведение судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, должна определяться также критерием справедливости, которым оценивается весь уголовный процесс при разбирательстве по конкретным сообщениям о преступлениях. Любое процессуальное решение – это реакция государства на сообщение о совершенном преступлении. Она всегда должна быть по возможности незамедлительной, в чем проявляется ее актуальность. Затягивание с принятием решения всегда воспринимается населением как волокита, с помощью которой якобы пытаются создать условия для ухода от уголовной ответственности виновного в преступлении лица.

Длительное проведение экспертизы не позволяет быстро принять решение о возбуждении или в отказе от возбуждения уголовного дела, а потому судебная экспертиза на стадии возбуждения уголовного дела с точки зрения концепции справедливости должна выполняться в кратчайшие сроки – так, чтобы было видно, что государство в лице органов правосудия стремится к установлению справедливости в каждом конкретном случае возникновения делинквентной ситуации или ситуации, имеющей с ней признаки сходства. Это тем более важно, поскольку частью справедливости всегда в обществе рассматривается неотвратимость наказания за совершенное преступление, а потому затягивание с решением вопроса о виновности или невиновности соответствующего лица воспринимается как признак того, что власть или отдельные ее представители стремятся вывести соответствующее лицо из-под действия законов. Поэтому разумность срока представления следователю заключения эксперта не должна предполагать его продолжительность.

Проведенное экспертное исследование всегда должно основываться на данных науки, в ходе него должны применяться научные методы [5]. Это обеспечивает объективность проведенного экспертного исследования, а потому позволяет получить данные, свидетельствующие о действительно имевших место событиях, в том числе о событии преступления. Отдельные применяемые методы требуют длительных научных исследований. К примеру, в отдельных случаях судебно-психиатрическая экспертиза, проводимая в стационаре, требует длительного наблюдения, по результатам которого эксперт может дать заключение. Целый ряд методик проведения экспертиз также требует достаточно много времени, что отражается на сроках получения следователем заключения эксперта. То есть сроки проведения отдельных экспертных исследований зависят от приме-

няемых отдельных научных методов, которые гарантируют объективность полученных результатов, отображаемых в заключении эксперта. Это является доводом в пользу того, что срок представления заключения эксперта в ходе предварительного расследования не может быть слишком кратким, поскольку это может негативно отобразиться на качестве проведенного экспертного исследования. Поспешность может привести к небрежности и низкому качеству экспертного исследования, что неминуемо отобразится и на качестве принимаемого процессуального решения. Поэтому требование научности к судебной экспертизе вовсе не предполагает кратких сроков ее проведения.

Еще одним требованием к разумности срока представления заключения эксперта на стадии возбуждения уголовного дела является срок проведения проверки сообщения о совершении преступления, установленный в ст. 144 УПК РФ. Мы уже сказали, что он составляет трое суток, но при наличии определенных в законе условий может составлять 10 и даже 30 суток. Вполне очевидно, что срок производства экспертизы и подготовки на основе проведенного исследования заключения не может превышать срока, отводимого на проверку сообщения о преступлении, поскольку в ином случае вывод следователя был бы неполным, а потому страдала бы его объективность [6]. То есть в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь вправе рассчитывать на получение заключения эксперта в течение трех суток. Однако реальность этого сомнительна, поскольку практика показывает, что назначить, провести экспертное исследование и сформулировать на его основе заключение проблематично из-за значительного объема работы.

Одним из возможных условий продления срока проверки сообщения о преступлении в ч. 3 ст. 144 УПК РФ названо производство судебных экспертиз. Здесь возникает вопрос о возможном противоречии ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ, поскольку в первом случае законодатель определяет, что при проверке сообщения о преступлении, которая длится трое суток, может и должна быть назначена экспертиза и получено заключение эксперта, а во втором случае производство экспертиз названо в качестве одного из условий, при наличии которого проверка может быть продлена до 30 суток. Анализ и сопоставление названных норм позволяет сделать вывод о том, что противоречия здесь нет. В ч. 1 ст. 144 УПК РФ речь идет о назначении судебной экспертизы и получении заключения эксперта в единственном числе. Законодатель полагает, что трех суток вполне достаточно, если будет назначена одна судебная экспертиза и получено одно заключение эксперта. Однако законодатель

понимает, что если для проверки сообщения о преступлении необходимо проведение не одного экспертного исследования, то данного срока недостаточно, а потому в ч. 3 ст. 144 УПК РФ предусматривается возможность продления срока до 30 суток. То есть буквальное толкование ст. 144 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что на длительность проверки сообщения о совершении преступления влияет не необходимость проведения судебной экспертизы, а количество экспертиз (если их более одной), которые нужно провести, чтобы сделать обоснованный вывод о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела [7]. В связи с этим очевидно, что законодатель предполагает, что продолжительность экспертного исследования и подготовки заключения экспертом не должна превышать трех суток. 30 суток – это срок, который может отводиться для проведения проверки сообщения о совершении преступления, если необходимо выполнить не одну экспертизу, а несколько. То есть, установив возможность продления названного срока, законодатель вовсе не имеет в виду, что конкретные экспертизы должны проводиться в течение 30 суток. Следовательно, логика законодателя состоит в том, что разумный срок проведения судебной экспертизы не должен превышать трех суток.

Однако наряду с законом есть практика, которая часто стремится истолковать закон так, как удобно ей. Вполне очевидно, что имеется целый ряд факторов, которые препятствуют соблюдению названного краткого срока. Среди них большое количество экспертиз, которые выполняет соответствующее экспертное учреждение, непредвиденные трудности с организацией и проведением экспертных исследований, большой объем работы, которую необходимо выполнить в рамках соответствующего экспертного исследования. И это далеко не полный перечень сложностей, которые могут негативно влиять на краткость срока проведения судебной экспертизы и подготовки заключения эксперта. Поэтому реальность такова, что провести судебную экспертизу в названный в ч. 1 ст. 144 УПК РФ срок невозможно. Разумность срока всегда должна соответствовать его реальности. Принцип реальности – один из важнейших критериев, являющихся частью разумности срока выполнения судебной экспертизы и подготовки экспертного заключения. Принцип реальности состоит в создании таких условий для производства экспертизы, при наличии которых можно рассчитывать на качество, необходимое для вынесения справедливого процессуального решения.

Время, которое необходимо для производства качественного экспертного исследования, определяется видом судебной экспертизы.

Это отображается в соответствующих подзаконных нормативных актах, в которых определяется время проведения экспертного исследования и подготовки заключения эксперта. Так, в соответствии с п. 15 Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации «срок производства экспертизы определяется в пределах срока, установленного в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы»¹. То есть, как видно, названный срок устанавливается следователем в каждом конкретном случае. Это значит, что следователь с учетом сложившейся следственной ситуации, наличия определенных условий решает вопрос о том, когда ему необходимо получить заключение эксперта, чтобы вынести на его основании, в совокупности с другими доказательствами, процессуальное решение. Это представляется вполне реальным для судебно-медицинской экспертизы, поскольку ее проведение не требует значительного времени.

В то же время в соответствии с п. 4 Методических рекомендаций по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов, срок проведения судебных экспертиз устанавливается руководителем экспертного учреждения с учетом объема и сложности предстоящего исследования в пределах 30 календарных дней². Пунктом 12 Приказа МВД России от 18 января 2017 г. № 15 «Вопросы организации проведения судебных экспертиз» установлено, что срок производства экспертиз не может превышать 15 суток в порядке поступления материалов³. Как видно, названные подзаконные нормативные документы также свидетельствуют об отсутствии

¹ Порядок организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации (утв. приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12.05.2010 № 346н) // Российская газета. 2010. 20 авг.

² Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов, от 15.09.2014 № 0004/22 // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов Министерства юстиции РФ. 2014. № 11.

³ О внесении изменений в приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» : приказ МВД России от 18.01.2017 № 15 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2021).

единства в подходе к определению разумного срока представления заключения эксперта на стадии возбуждения уголовного дела.

Несомненно, достаточно сложно выработать универсальный подход к определению срока производства всех без исключения судебных экспертиз. При проведении экспертиз различных видов применяются самые разные методы, требующие для обеспечения их объективности разного времени. Одни могут дать результат достаточно быстро, другие требуют значительных затрат, в том числе временных, чтобы обеспечить объективность полученных результатов, избежать случайности и ошибок. Поэтому необходим подход к разумности срока проведения судебной экспертизы в зависимости от сферы специальных знаний и методов, которые могут применяться при производстве соответствующего экспертного исследования. По этой причине отказ законодателя от указания срока проведения экспертизы и представления заключения эксперта вполне оправдан. В связи с этим норму ст. 144 УПК РФ следует считать бланкетной, поскольку указание на разумный срок представления заключения эксперта следует рассматривать как отсылку к соответствующим подзаконным нормативным документам, в которых в зависимости от вида судебной экспертизы и от специфики экспертного учреждения этот срок определяется.

Библиографический список

1. Кузнецов И.В. Допрос как основное следственное действие и тактика его проведения // Право и правопорядок в фокусе научных исследований : сб. науч. тр. Хабаровск : Изд-во Дальневост. гос. ун-та путей сообщения, 2021. С. 217–222.
2. Галдин М.В. Заключение эксперта в стадии возбуждения уголовного дела как доказательство // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во Новосибирск. гос. технич. ун-та, 2019. С. 54–58.
2. Гамидов А.М., Султанамедов А.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. 2020. № 9. С. 94–95.
4. Косенко А.М. Задачи и значение стадии возбуждения уголовного дела: вопросы теории и практики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 161–171.

5. Россинская Е.Р. Гносеологические и деятельностные экспертные ошибки при использовании в производстве судебных экспертиз современных технологий // Вестник Московск. ун-та МВД России. 2015. № 3. С. 18–22.

6. Берзина Ю.А. Процессуальные способы проверки заявлений, сообщений о преступлениях в установленный срок, были или реальность? // Novainfo. 2018. Т. 1, № 84. С. 168–172.

7. Костенко К.А. Эволюция стадии возбуждения уголовного дела: процесс неизбежный и пока что незавершенный! // Российский следователь. 2019. № 4. С. 23–26.

Дата поступления: 09.11.2021

PODOLNY Nikolay Alexandrovich

*Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Kazan, Russia; ipk-saransk@yandex.ru*

**REASONABLE TIME LIMIT FOR OBTAINING
AN EXPERT OPINION AT THE STAGE
OF INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS**

The **purpose** of the study is to determine the reasonableness of the time limit for obtaining an expert opinion in the course of verifying a crime report at the stage of initiating criminal proceedings. The study is based on the provisions of the current legislation on criminal procedure as well as on the by-laws governing the appointment and conduct of forensic examinations. Moreover, the findings of the article are based on investigative and judicial practice. The study employs a variety of scientific **methods**: information analysis and synthesis, empirical-critical, comparative-legal, systemic. These methods make it possible to identify the status of the problem of determining the reasonable time limit for conducting forensic examinations and ways to overcome difficulties arising in investigative practice. The **result** of the study is the interpretation of the norm of Art. 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the consequent proposal to establish a system of by-laws in which the question of time limits would be decided according to the type of relevant forensic examination.

Keywords: forensic examination; reasonable time limit for obtaining an expert opinion; stage of initiating criminal proceedings; verification of a crime report; procedural decision; procedural actions.

References

1. Kuznetsov I.V. Interrogation as the main investigative action and tactics of its conduct. *Pravo i pravoporyadok v fokuse nauchnyh issledovanij. Sbornik nauchnyh trudov* [Law and order in the focus of scientific research. Collection of scientific papers]. Far Eastern State Transport University Publ., 2021, pp. 217–222. (In Russian).

2. Galdin M.V. The expert opinion at the stage of the initiation of a criminal case as evidence. *Problemy pravovogo obespecheniya bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva. Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Problems of legal security of the individual, society and the state. Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk State Technical University Publ., 2019, pp. 54–58. (In Russian).

2. Gamidov A.M., Sultanakhmedov A.T. Modern tasks of the stage of initiation of a criminal case. *Zakon i pravo = Statute and Law*, 2020, no. 9, pp. 94–95. (In Russian).

4. Kosenko A.M. Objectives and significance of the stage of initiating a criminal case: the questions of theory and practice. *YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 1 (43), pp. 161–171. (In Russian).

5. Rossinskaya E.R. Epistemological and operational expert errors in the use of modern technology in forensic examinations. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3, pp. 18–22. (In Russian).

6. Berzina YU.A. Procedural methods of verifying statements, reports of crimes within a specified period, true story or reality? *Novainfo*, 2018, vol. 1, no. 84, pp. 168–172. (In Russian).

7. Kostenko K.A. Evolution of the criminal case initiation stage: an inevitable and still uncompleted process! *Rossiyskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2019, no. 4, pp. 23–26. (In Russian).

Received: 09.11.2021

УДК 343.983.25

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.15

ШВЕДОВА Ксения Анатольевна

адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии

Министерства внутренних дел Российской Федерации,

г. Волгоград, Россия; shvedova-001@yandex.ru

**НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ
ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ МЕТОДОВ
ПРИ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ
ПОЛИГРАФИЧЕСКИМ СПОСОБОМ**

Статья посвящена одному из актуальных вопросов технико-криминалистической экспертизы документов – возможностям применения инструментальных методов в исследовании полиграфической продукции с целью повышения объективности выводов эксперта. Отмечается, что абсолютное большинство экспертиз и исследований объектов данной категории выполняются без достаточного обоснования выводов. При установлении различия между исследуемым документом и образцом, совпадающих по способу печати, эксперты, как правило, оперируют субъективным критерием «несоответствие по качеству печати», не отражая его характеристики. **Цель:** изучение сущности денситометрии применительно к объектам технико-криминалистической экспертизы, повышение объективности и научной обоснованности экспертных выводов по результатам исследования документов, изготовленных полиграфическим способом, путем измерения количественных характеристик оттисков методом денситометрии в отраженном свете. **Методы:** общенаучные и частнонаучные: формальной и диалектической логики, анализа и синтеза, описания, сравнения, обобщения практики. **Результаты:** предложена схема применения денситометрического метода для определения оптической плотности красочного слоя штрихов реквизитов документа для решения диагностических задач технико-криминалистической экспертизы полиграфической продукции.

Ключевые слова: полиграфическая продукция; документ; полная подделка; оптическая плотность; денситометр; качество изображений.

Анализ следственно-экспертной практики назначения и производства судебных экспертиз свидетельствует о постоянном росте экономических преступлений, совершаемых с использованием разнообразных поддельных документов, в том числе изготовленных полиграфическими способами. Так, по итогам первого полугодия 2021 г. правоохранительные органы выявили 78 290 преступлений экономической направленности, что следует из доклада Генпрокуратуры, а число уголовных дел выросло на 10 %, или почти на 7 тыс., по сравнению с прошлым годом¹.

Различают частичную и полную подделку документов, однако научно-методические основы технико-криминалистического исследования полной подделки менее разработаны по сравнению с методикой исследования документов с признаками частичной подделки [1, с. 166]. Тем не менее актуальность данной проблемы не вызывает сомнений, поскольку фальсификации бумажных денежных знаков, акцизных марок, бланков страховых полисов, упаковок потребительских товаров и лекарственных средств совершаются в значительных для государства масштабах.

Особенностью методики исследования документов с признаками полной подделки является их сравнение с образцами легитимной полиграфической продукции. При установлении различия сравниваемых объектов по способу печати этого достаточно для обоснования вывода. Например, при выполнении поддельного документа с использованием одной из технологий цифровой печати или их комбинации (обычно это сочетание струйного и электрофотографического способов) выявленная при исследовании совокупность морфологических признаков штрихов изображений достаточна для вывода не только о способе подделки, но и о несоответствии исследуемого документа образцу аналогичной полиграфической продукции официального производителя по способу нанесения изображений. Если же исследуемый поддельный документ выполнен тем же способом печати, что и образец официального изготовителя, закономерно возникает ряд трудностей, связанных с выявлением различающихся признаков и обоснованием вывода о способе подделки. Именно данная ситуация встречается в экспертной практике достаточно часто [2, с. 116–124].

Так, в последние годы приобрели массовый характер случаи фальсификации страховых полисов обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, которые осуществлялись тем же способом, что и подлинные бланки таких документов – способом плоской офсетной печати. Анализ технико-кримина-

¹ Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 02.09.2021).

листических экспертиз указанных объектов свидетельствует о том, что основное различие эксперты видели в «качестве воспроизведения изображений», не конкретизируя при этом какие-либо его характеристики. Такой обезличенный критерий трудно назвать объективным, а выводы эксперта – обоснованными.

В целях преодоления сложившихся в экспертной практике трудностей нами сделан обзор специальной литературы в области полиграфического производства, что позволило выявить объективные критерии оценки качества печатного оттиска (изображения), применяемые в данной области знаний. Для начала считаем необходимым уточнить понятие «качество полиграфической продукции» применительно к объектам судебной экспертизы, а также адаптировать методы и средства его оценки, существующие в полиграфическом производстве, к задачам технико-криминалистической экспертизы документов.

В полиграфии под качеством оттиска (изображения) понимается совокупность внешних признаков отпечатанной продукции, то есть такие ее характеристики, которые позволяют определить пригодность данной продукции к использованию по назначению [3, с. 119]. Применительно к задачам технико-криминалистической экспертизы документов под термином «качество» следует понимать характеристики, позволяющие оценить пригодность полиграфических реквизитов документа для решения диагностических и идентификационных задач. В первую очередь это особенности внешнего строения (морфологии) штрихов, которые отображаются в оттиске в виде распределения красящего вещества в штрихах, выраженности рельефа, четкости и ровности краев штрихов, наличия окрашенных штрихов на незапечатанных участках документа, а также частные признаки строения печатных форм (см. рис. 1).

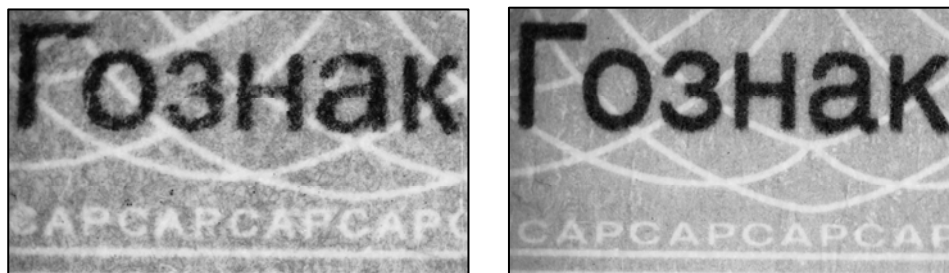

Рис. 1. Увеличенные изображения фрагментов документов, совпадающих по способу изготовления (плоская офсетная печать) и различающихся по качеству печати

В полиграфии качество оттиска определяется путем визуального изучения таких характеристик изображения, как равномерность распределения краски в штрихах, четкость передачи мелких деталей и цветовых оттенков, а также точность совмещения отдельных красок в изображениях с последующим сравнением с аналогичными характеристиками пробного оттиска (отпечатка). Очевидно, что такой метод весьма субъективен, так как индивидуальные психофизиологические особенности цветового зрения человека в значительной мере влияют на результаты восприятия перечисленных свойств и признаков [4, с. 24]. Поэтому более информативным и объективным методом оценки качества в полиграфии являются инструментальные методы, которые реализуются с помощью таких приборов, как денситометры и спектрофотометры, позволяющие оценить качество как количественный критерий [5, с. 26]. Таким критерием является оптическая плотность, то есть толщина красочного слоя и концентрации красителя на оттиске. Например, для плоской офсетной печати обычно эта величина составляет не более 1,5 мкм и должна быть одинакова по всей площади элементов оттиска, для трафаретной печати характерна значительная толщина красящего слоя, которая может достигать 300 мкм, а для глубокой печати это значение зависит от тональности изображения и может колебаться от 0,2–0,3 мкм до 4,5–6 мкм за счет особенностей строения печатных форм [6, с. 73].

Сущность денситометрического метода полиграфии состоит в измерении таких оптических характеристик красочного слоя в оттисках, как поглощение, пропускание и рассеяние света с помощью специальных приборов, работающих как в отраженном, так и в проходящем свете, – денситометров [5, с. 28].

Различают два вида денситометров. Одни предназначены для оценки продукции, выполненной на прозрачной подложке (слайдов, фотоформ и др.), и называются денситометрами пропускания (см. рис. 2), другие устройства используются для контроля качества продукции, отпечатанной на непрозрачной подложке, и работают в отраженном свете. Это денситометры отражения (см. рис. 3).

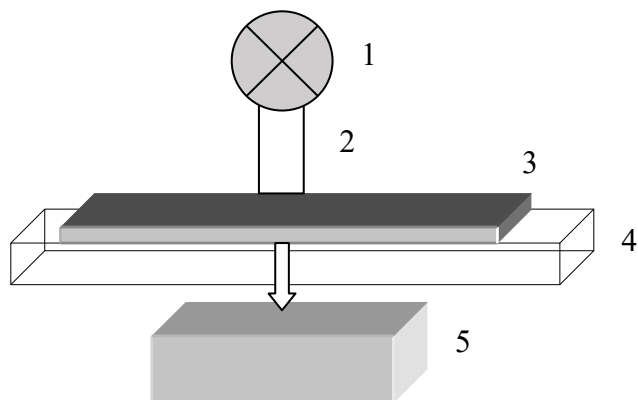

Рис. 2. Схема работы денситометра в проходящем свете
*1 – источник света; 2 – световой поток; 3 – измеряемый слой краски;
4 – прозрачная основа (подложка); 5 – приемник*

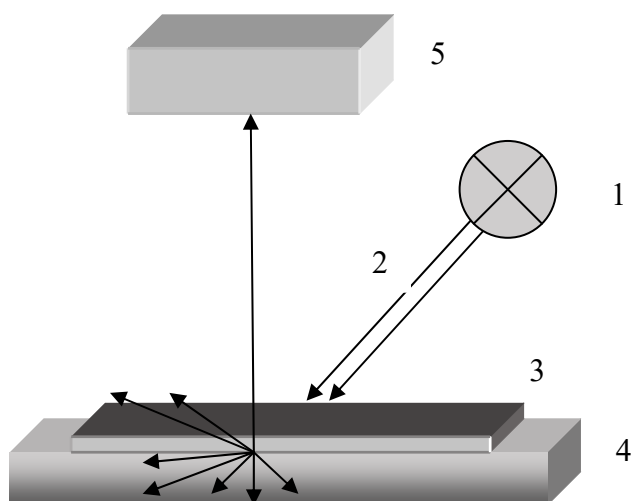

Рис. 3. Схема работы денситометра в отраженном свете
*1 – источник света; 2 – световой поток; 3 – измеряемый слой краски;
4 – прозрачная основа (подложка); 5 – приемник*

При проведении технико-криминалистических экспертиз полиграфической продукции в подавляющем большинстве случаев исследуются объекты, выполненные на непрозрачной подложке (бумага, картон и т. п.). Применительно к таким объектам порядок работы денситометра в отраженном свете заключается в следующем: исследуемый участок изображения освещается видимым светом, в результате направленный

световой поток, проходя через слой красящего вещества (полиграфической краски) и непрозрачную подложку (бумагу), частично – поглощается подложкой, частично – отражается от нее и, проходя через слой краски, фиксируется денситометром. В итоге с помощью устройства оценивается такой количественный показатель, как величина оптической плотности [5, с. 28], которая является логарифмической единицей и условно обозначается буквой D – от слова density.

На результаты денситометрических измерений качества полиграфических оттисков оказывают влияние следующие характеристики: цвет краски (для многоцветной печати – голубой, желтый, пурпурный, черный), марка используемой краски, разновидность бумаги (мелованная, немелованная, повышенной гладкости и т. п.), ее толщина, облачность, цвет [6, с. 188–199]. Так, денситометрические плотности для разных марок бумаги и красок будут различаться. Из-за большого количества комбинаций «бумага + краска» величины оптической плотности не могут быть стандартизированы, поэтому для контроля и оценки качества изображений готовой продукции в полиграфическом производстве используют тест-шкалы (контрольные шкалы печатного процесса), содержащие комплект контрольных элементов. По данным элементам проводится сравнение отпечатанных экземпляров с эталоном, утвержденным заказчиком, и оценивается качество полиграфического отпечатка [5, с. 29].

Учитывая изложенное, такой инструментальный метод определения количественных характеристик печатных оттисков, как денситометрия, по нашему мнению, может использоваться для решения диагностических и идентификационных задач технико-криминалистической экспертизы документов, изготовленных полиграфическим способом. Например, в тех случаях, когда на экспертизу представлен документ, изъятый в ходе расследования обстоятельств изготовления и использования поддельных документов, а также сравнительный образец документа, изготовленный в условиях официального производства. При проведении исследования эксперт первоначально с помощью традиционных методов исследования (визуального осмотра, оптической микроскопии, люминесцентного анализа) выявляет признаки, свидетельствующие о способе печати, которым изготовлен исследуемый документ. При установлении факта воспроизведения полиграфических реквизитов одним из способов полиграфической печати методом денситометрии определяется оптическая плотность изображений в исследуемом документе, а затем в представленном образце, который в данной ситуации выступает в качестве эталона. Полученные количественные характеристики сравниваются между собой (см. рис. 4).

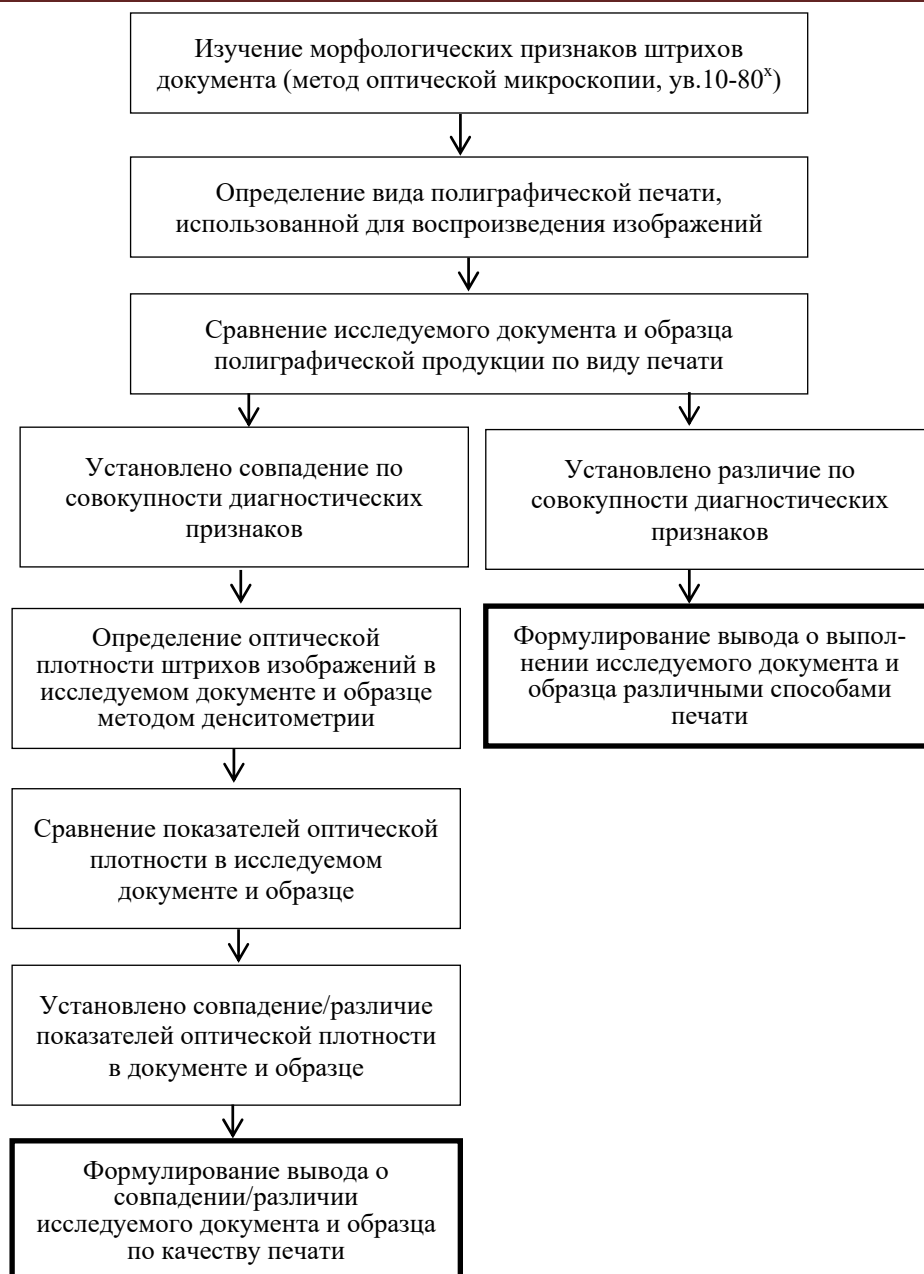

Рис. 4. Примерная схема исследования документов, выполненных полиграфическим способом, совпадающих по виду печати и различающихся по ее качеству, с использованием денситометрического метода

Представляется, что измерения оптической плотности необходимо производить неоднократно на различных участках документа, а выбранные участки исследуемого объекта и документа-образца должны совпадать по положению и взаиморасположению остальных реквизитов, что позволит обеспечить достоверность полученных результатов. В этой связи особое значение имеет подбор сравнительных образцов, сопоставимых по выходным типографским данным.

Изложенное позволяет предположить, что денситометрические показатели могут быть включены в комплекс диагностических признаков для обоснования вывода о различии сравниваемых оттисков печатных форм, что, на наш взгляд, позволит не только объективизировать результаты экспертного исследования документов, изготовленных полиграфическим способом, но и расширить возможности технико-криминалистической экспертизы в целях получения научно обоснованных, объективных и достоверных экспертных выводов.

Библиографический список

1. Техничко-криминалистическая экспертиза документов : учебник / Т.А. Беева [и др.] ; под ред. В.Е. Ляпичева, Н.Н. Шведовой. 2-е изд., стер. Волгоград : ВА МВД России, 2013. 268 с.
2. Шведова К.А. Современное состояние практики исследования полиграфической продукции в экспертно-криминалистических подразделениях территориальных органов МВД России // Судебная экспертиза. 2016. № 4 (48). С. 116–124.
3. Технология печатных процессов : учебник / А.А. Нечитайло, Н.Т. Тихонов, Е.В. Шокова. Самара : Изд-во СГАУ, 2013. 168 с.
4. Анцифорова Л.В. Физика цвета и психология восприятия : учеб.-метод. пособие. Новосибирск : Новосибирск. гос. технич. ун-т, 2011. 78 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/45453.html>.
5. Стефанов С. Критерии оценки качества печатной продукции. М. : Книга по Требованию, 2014. 60 с.
6. Стефанов С. Полиграфия от А до Я : энциклопедия / под ред. Ю.С. Стефановой. М. : Либроком, 2014. 560 с.

Дата поступления: 22.10.2021

SHVEDOVA Kseniya Anatoliyevna

*Adjunct of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia,
Volgograd, Russia; shvedova-001@yandex.ru*

**SOME POSSIBILITIES OF APPLYING INSTRUMENTAL
METHODS WHILE MAKING FORENSIC-TECHNICAL
EXPERTISE OF DOCUMENTS MADE BY PRINTING**

The paper deals with one of the topical issues related to forensic-technical expertise of documents – possibilities of applying instrumental methods while examining printed products to improve objectivity of the expert's conclusions. The author of the paper notes that the vast majority of expert examinations and studies of the objects in question are carried out without sufficient support for the conclusions. When establishing the difference between the document being examined and the sample that coincide in a printing method; experts, as a rule, deal with the subjective criterion, that is, «inconsistency in print quality», without reflecting its characteristics. **Purpose:** to study the essence of densitometry with reference to the objects of forensic-technical expertise and to enhance the objectivity and scientific validity of the expert's conclusions based on the results of the examination of printed documents, by measuring the quantity of impressions by densitometry in the reflected light. **Methods:** the author uses general scientific and special scientific methods – those ones of formal and dialectical logics, analysis and synthesis, description, comparison, generalization of practice. **Results:** the invention relates to a diagram for using a densitometric method for determining the optical density of the paint layer of the lines of documents' details in order to solve diagnostic problems of the forensic-technical expertise of printed products.

Keywords: printing products; document; total imitation; optical density; densitometer; image quality.

References

1. Beeva T.A., Belousov G.G., Dmitriev E.N., Kazakova S.E., Kozlov M.O., Koshmanov M.P., Lyapichev V.E. at al.; Lyapicheva V.E., Shvedova N.N. (eds.). *Tekhniko-kriminalisticheskaya ekspertiza dokumentov* [Technical and forensic examination of documents]. 2nd ed. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2013. 268 p.

2. SHvedova K.A. The current state of the practice of researching printed products in the forensic departments of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Sudebnaya ekspertiza = Forensic Examination*, 2016, no. 4 (48), pp. 116–124. (In Russian).

3. Nechitailo A.A., Tikhonov N.T., Shokova E.V. *Tekhnologiya pechatnykh processov* [Technology of printing processes]. Saratov State Vavilov Agrarian University Publ., 2013. 168 p.

4. Ancifirova L.V. *Fizika cveta i psihologiya vospriyatiya* [Physics of color and psychology of perception]. Novosibirsk State Technical University Publ., 2011. 78 p. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/45453.html>.

5. Stefanov S. *Kriterii ocenki kachestva pechatnoj produktsii* [Criteria for assessing the quality of printed products]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 2014. 60 p.

6. Stefanov S.; Stefanova YU.S. (ed.). *Poligrafiya ot A do YA* [Printing from A to Z]. Moscow, Librocom Publ., 2014. 560 p.

Received: 22.10.2021

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW

УДК 349.1

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.16

ABADIKHAH Mostafa

Ph.D Candidate and researcher of international investment law and law of the sea. Department of public international law, School of law, Qom university, Iran. Lecturer at Azad university, Yazd, Iran and Rasam University, Karaj, Iran; abadikhahmostafa@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3520-9309

LATYPOVA Natalia Sergeevna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russia; marchrose@yandex.ru

**IS THERE ANY CONTRAST BETWEEN FAIR AND
EQUITABLE TREATMENT AND PUBLIC INTERESTS
UNDER INTERNATIONAL INVESTMENT AGREEMENTS
AND INVESTOR-STATE ARBITRATIONS?**

Today, more than 3,200 international investment agreements (IIAs) have been concluded, and most of them address substantive and procedural protection mechanisms. One of the essential substantive standards is the standard of fair and equitable treatment and one of the procedural mechanisms is Investor-state Arbitration. Usually, when an investor investing in the host state, there can be no denying that there may be a conflict between the public interest and the investor protection mechanisms. The mechanism of fair and equitable treatment is one of the essential standards that may be harmed by the public interests, especially the protection of the environment. On the one hand, in accordance with this standard, the host states are obliged to create stable, fair, favorable and transparent conditions for investors. On the other hand, the states have a duty to the public interests of their countries and at a larger level the international community. **Purpose:** In this paper, we want to

show whether there is a discrepancy between the substantive standard of fair and equitable treatment and public interest in the text of the IIAs or in the arbitration procedure? **Methods:** general scientific methods of theoretical knowledge, as well as general logical methods and research techniques are used in analyzing existing investment agreements and Arbitration awards.

Results: Examining the text of many of the IIAs, we came to the conclusion that there is no difference in the text of the agreements, in other words, the agreement encourages governments to strike a balance between investor protection standards and the protection of the public interest. However, in the implementation of agreements by the states, there is a difference between the two areas of protection of public interest and the standard of fair and equitable treatment, and here the arbitral tribunals must resolve the differences.

Keywords: fair and equitable treatment; public interests; Investment agreement; Investor-state arbitration.

Introduction. Today, more than 3,200 international investment agreements have been concluded¹. The main purpose of these agreements is to protect investors in the first place. In order to protect investors, there are two categories of protectionist Mechanisms in investment agreements. First, the substantive protection Mechanisms, which include the national treatment, the most favoured nation clause, the fair and equitable treatment, expropriation and its manner of compensation². Second, procedural protection mechanisms, which include resolving disputes between two states or the investor and the host states through arbitral tribunals³. One of the most important standards of protection, which the arbitral tribunals also try to consider it as the most important standard of the investment protection, is the standard of fair and equitable treatment⁴. This standard has been considered in all multilateral

¹ UNCTAD, Investment policy HUB, International Investment agreements navigator [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements> (date accessed: 10.11.2021).

² Morocco – Russian Federation BIT (2016), arts 3(1).(2).(3), date of signature 15/03/2016 [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5963/download> (date accessed: 10.11.2021).

³ Bahrain – Russian Federation BIT (2014), arts 8 & 9, date of signature 29/04/2014, date of entry into force 25/12/2015 [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5974/download> (date accessed: 10.11.2021).

⁴ Aceris Law LLC, Compensation for Violations of the Fair and Equitable Treatment Standard, 14/06/2019 [Electronic resource]. URL: <https://www.acerislaw.com/compensation-for-violations-of-the-fair-and-equitable-treatment-standard/> (date accessed: 15.11.2021).

and bilateral investment treaties according to reviews conducted by this paper. As in article 3 of the Iran – Russian Federation BIT (2015) reads as follow, «Each Contracting Party shall ensure in its territory fair and equitable treatment of the investments made by investors of the other Contracting Party in respect of management, maintenance, enjoyment, use or disposal of such investments. The treatment shall be as favourable as that granted by the former Contracting Party to the investments of its investors or to the investments of investors of any third State, whichever the investor considers as more favourable»¹. It is also possible that some agreements do not use the term fair and equitable treatment but refer to this content. Such as IIA between Korea, Republic of – Uzbekistan BIT (2019), as states, «Each Contracting Party shall accord in its territory to investors of the other Contracting Party, as regards the management, maintenance, use, enjoyment, or disposal of their investments, treatment no less favorable than that which it accords in like circumstances to its own investors (national treatment) or to investors of any third State (most-favored-nation treatment), whichever is more favorable. Also, Each Contracting Party shall accord in its territory to investments made in accordance with its laws and regulations by investors of the other Contracting Party, as regards the management, maintenance, use, enjoyment, or disposal of their investments, treatment no less favorable than that which it accords in like circumstances to investments of its own investors (national treatment) or to investments of investors of any third State (most-favored-nation treatment), whichever is more favorable»². It is clear in this agreement that the fair and equitable treatment is close to the national treatment and most favoured nation clause. In other words, the criterion for measuring this standard is the observance of two other treatment. It is important to note that investment agreements today not only protect investors but also the public interest of the host states. In other words, the protection rules contained in investment agreements cover two areas, first, the substantive and procedural rules that consider the protection of investment and investors. Second, the substantive rules that take into account the protection of the public interest of international community and the host government. As in art 15 of the Kenya – Korea,

¹ Iran, Islamic Republic of - Russian Federation BIT (2015), date of signature 23/12/2015, date of entry into force 06/04/2017 [Electronic resource]. URL: [https:// investment-policy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/bilateral-investment-treaties/3675/iran-islamic-republic-of---russian-federation-bit-2015-](https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/bilateral-investment-treaties/3675/iran-islamic-republic-of---russian-federation-bit-2015-) (date accessed: 15.11.2021).

² Korea, Republic of Uzbekistan BIT (2019), art art 3 (1). (2), date of signature 19/04/2019 [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/6007/download> (date accessed: 15.11.2021).

Republic of BIT (2014), stated, «Nothing in this Agreement shall be construed: (a) to require a Contracting Party to furnish any information, the disclosure of which it considers contrary to its essential security interests; (b) to prevent a Contracting Party from taking any actions which it considers necessary for the protection of its essential security interests; or (c) to prevent a Contracting Party from taking any action in pursuance of its obligations under the United Nations Charter for the maintenance of international peace and security»¹. The challenge now is that there may be differences between these two sets of protectionist rules in the text or in the implementation of the agreements. In other words, states regulations related to the public interest may be enforced in a way that violate the standard of fair and equitable treatment and requires the presence of an arbitral tribunal. Hence, there are two hypotheses in the paper. First, given the existence of two sets of protectionist rules in investment agreements, there may be differences between these two sets of rules. Second, in the event of such disputes, arbitration awards and investment agreements must be used to resolve them.

In order to answer the paper question, is there any contrast between fair and equitable treatment and public interests, it uses the quantitative and qualitative methods and in line with the methods, not only analyzes the IIAs but also examines the awards for assessing the challenge. The paper proceeds in four steps: Part 1 focuses on the definition and realm of fair and equitable treatment and public interests under the bilateral and multilateral investment agreements. Second, the challenges between the fair and equitable and public interest will be analyzed under IIAs. The third part provides the fair and equitable treatment and public interests under the arbitration awards. The last part concludes.

1. The fair and equitable treatment and public interests under IIAs.

Since in this paper we want to examine the conflict between public interest and fair and equitable treatment, it is necessary to analyze their concepts and realms under international investment agreements.

Fair and equitable treatment. The requirement of «fair and equitable treatment» is a traditional standard of investment protection and is found in

¹ Kenya – Korea, Republic of BIT (2014), art 15, date of signature 08/07/2014, date of entry into force 03/05/2017 [Electronic resource]. URL: [https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/bilateral-investment-treaties/3691/kenya ---korea-republic-of-bit-2014-](https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/bilateral-investment-treaties/3691/kenya---korea-republic-of-bit-2014-) (date accessed: 15.11.2021).

almost all investment agreements¹. In recent years, the concept of fair and equitable treatment has become important in investment relationships between states. While the first proposals for this standard for investment were made in various multilateral efforts in the immediate aftermath of World War II, this standard can be found more in the bilateral investment agreements as a key feature in international investment relationships. In principle, a fair and equitable standard is a measure by which the relationship between foreign direct investors and capital-importing states is assessed. It also acts as a signal to capital-importing states, as it at least indicates a state's willingness to adapt foreign capital under conditions that consider investor interests based on fairness and justice².

Agreements refer to «fair and equitable treatment» that must be applied to the nationals of the Contracting Parties. This standard has the ability to have different interpretations. At one point it was thought that this standard was higher than the minimum international standard. However, according to the NAFTA Commission, the standard of fair and equitable treatment was no more than the minimum standard of international and customary international law³. As stated in art 5 of the Iran, Islamic Republic of – Japan BIT (2016), «Investments of investors of a Contracting Party shall, at all times, be accorded fair and equitable treatment and shall enjoy full protection and security in Territory of the other Contracting Party. The concepts of "fair and equitable treatment" and "full protection and security" do not require treatment in addition to or beyond that which is required by the customary international law minimum standard of treatment of aliens»⁴. Or art 3(1) of the Singapore and Myanmar, states «Each Party shall accord to investments of investors of the other Party treatment in accordance with the customary international law minimum standard of treatment of aliens, including fair and equitable treat-

¹ See more information at: UNCTAD, Investment policy HUB, International Investment agreements navigator [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements> (date accessed: 18.11.2021).

² Fair and equitable treatment, (UNCTAD/ITE/IIT/11(Vol.III)), PP 10-18 19, May 1999 [Electronic resource]. URL: <https://unctad.org/system/files/official-document/psiiteitd11v3.en.pdf> (date accessed: 18.11.2021).

³ United nations, fair and equitable treatment. New York : United Nations, 1999, pp 22–31.

⁴ Iran, Islamic Republic of – Japan BIT (2016), art 5, date of signature 05/02/2016, date of entry into force 26/04/2017 [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3578/download> (date accessed: 18.11.2021).

ment and full protection and security»¹. In fact, this standard requires host countries to create stable, fair, favorable and transparent conditions for investors [1, p. 130]. As stated in agreement between Morocco – Russian Federation BIT (2016), «Each Contracting Party shall in the territory of its State accord to investors of the State of the other Contracting Party, as regards management, maintenance, use, enjoyment or disposal of their investments, treatment no less favourable than that it accords, in like circumstances, to its own investors or to investors of any third State depending on which treatment the investor considers as more favourable»². Also, the Colombia – Republic of Korea BIT (2010) reads as follow, «Each Contracting Party shall accord in its territory to investments made in accordance with its laws and regulations by investors of the other Contracting Party as regards the management, maintenance, use, enjoyment or disposal of their investments, treatment no less favourable than that which it accords in like circumstances to investments of its own investors (national treatment) or to investments of investors of any third State (most-favoured-nation treatment), whichever is more favourable». These words show that the fair and equitable standard is a broad concept because it encompasses the both national treatment standard and the most-favoured-nation clause. In other words, in order to observe the standard, the national treatment and the most-favoured-nation clause must also be observed.

Public interests. Public interest means the interests that belong to the people of a country or to the people of the world. Of course, if an investor in the host state invests, the public interest of the host state or the global public interest may be jeopardized. Therefore, in addition to investor protection, investment agreements also consider the protection of the public interest. There are many examples of public interest and the most important of them include what is relevant to the peace and security of the host state and the world and also about the health, plants, life, animals, environment and climate. As stated in As in art 15 of the Kenya – Korea, Republic of BIT (2014), stated, «Nothing in this Agreement shall be construed: (a) to require a Contracting Party to furnish any information, the disclosure of which it considers contrary to its essential security interests;

¹ Myanmar – Singapore BIT (2019), date of signature 24/09/2019, arts 3, [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/6006/download> (date accessed: 18.11.2021).

² Morocco – Russian Federation BIT (2016), arts 3(1).(2).(3), date of signature 15/03/2016 [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5963/download> (date accessed: 10.11.2021).

(b) to prevent a Contracting Party from taking any actions which it considers necessary for the protection of its essential security interests; or (c) to prevent a Contracting Party from taking any action in pursuance of its obligations under the United Nations Charter for the maintenance of international peace and security»¹.

In addition, the art 17 of the Korea, Republic of Uzbekistan BIT (2019) has extended the words and says, «Nothing in this Agreement shall be construed: (a) to require a Contracting Party to furnish any information, the disclosure of which it considers contrary to its essential security interests; (b) to prevent a Contracting Party from taking any actions which it considers necessary for the protection of its essential security interests: (i) relating to the traffic in arms, ammunition and implements of war and to such traffic and transactions in other goods, materials, services and technology undertaken directly or indirectly for the purpose of supplying a military or other security establishment; (ii) taken in time of war or other emergency in international relations; or (iii) relating to the implementation of national policies or international agreements respecting the non-proliferation of nuclear weapons or other nuclear explosive devices; or (c) to prevent a Contracting Party from taking any action in pursuance of its obligations under the United Nations Charter for the maintenance of international peace and security; (d) to prevent a Contracting Party from adopting, maintaining, or enforcing any nondiscriminatory legal measures: (i) designed and applied for the protection of human, animal or plant life or health, or the environment; (ii) related to the conservation of living or non-living exhaustible natural resources»².

2. The challenge between the fair and equitable treatment and public interest within the IIAs. According to the main hypothesis of this paper, when an investor actually invests in the territory of the host government, there may be a challenge between the investment interest and the public interest. Namely it is clear that the ever-increasing expansion of investment poses significant risks to the environmental statute [2, p. 791]. In other words, investment, both traditionally and modernly, also has public and envi-

¹ Kenya – Korea, Republic of BIT (2014), art 15, date of signature 08/07/2014, date of entry into force 03/05/2017 [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/bilateral-investment-treaties/3691/kenya---korea-republic-of-bit-2014-> (date accessed: 15.11.2021).

² Korea, Republic of Uzbekistan BIT (2019), art 17(1), date of signature 19/04/2019 [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/bilateral-investment-treaties/4898/korea-republic-of---uzbekistan-bit-2019-> (date accessed: 10.11.2021).

ronmental consequences [3, p. 168]. So in this section we examine whether there is a challenge in the text of the agreements or in the implementation of investment agreements.

The purpose of the agreement is stated in the in preamble to the agreements. Preamble to the Cameroon – United Kingdom Economic Partnership Agreement (2021) speaks on the perfect relationship as stated, «the parties convinced that this Economic Partnership Agreement will create a new and more favourable climate for their relations in the areas of economic governance, trade and investments and create new opportunities for growth and development»¹. Also, in line with the objective of the Georgia - Japan BIT (2021), «the parties Desiring to further promote investment in order to strengthen the economic relationship between the Contracting Parties; and recognising that a stable framework for investment will maximise effective utilisation of economic resources; and Recognising the growing importance of the progressive liberalisation of investment for stimulating initiative of investors and for promoting prosperity in the Contracting Parties»². In accordance with the objectives of these agreements, it is clear that when an economic cooperation or investment development agreement is signed, governments actually want to create the best and most meaningful conditions for investment and in fact, they want to avoid any obstacles in this way.

There is also a principle in some Investment agreements called the principle of Observance of Obligations. As in IIAs between Iran and Japan stated, «Either Contracting Party shall observe any obligation it has entered into with respect to investments of investors of the other Contracting Party»³. Hence, although the protection of investment is an obligation under the agreement and all treatments like Fair and equitable treatment, national treatment and most-favoured-nation clause must be observed, the protection of the public interest is also an obligation and must be observed. So when in

¹ Cameroon – United Kingdom Economic Partnership Agreement (2021) [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements> (date accessed: 21.11.2021).

² Georgia – Japan BIT (2021), date of signature 29/01/2021 [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/6078/download> (date accessed: 21.11.2021).

³ Iran, Islamic Republic of – Japan BIT (2016), date of signature 05/02/2016, date of entry into force 26/04/2017 [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3578/download> (date accessed: 21.11.2021).

an agreement like the Myanmar – Singapore BIT (2019)¹ or the agreement between Morocco and Japan² or the Energy Charter Treaty³ that comes with both rules to protect the investor and rules to protect the public interest, this shows The purpose of the agreement is to protection both categories of rules and both categories of obligations must be observed in line with the purpose of the treaty and the principle of observance the obligations.

In fact, the text of the agreements, which have both categories of obligations, is aimed at balancing the obligations, because otherwise, bringing these two categories of protection rules together would be futile. In addition, in the objectives of the some agreements explicitly mention that a balance must be struck between the rules of investor protection and the protection of the public interest. As the international energy charter, «calls on the states to recognize the three most challenging global areas of energy security, economic development and environmental protection, and to work towards sus-

¹ Myanmar – Singapore BIT (2019), date of signature 24/09/2019, arts 3 to 8 (minimum standard of the treatment, national treatment, most favoured nation, expropriation, compensation for loss, transfers) and 29 and 30 (nothing in this Agreement shall be construed to prevent the adoption or enforcement by a Party of measures: (a) necessary to protect public morals or to maintain public order (b) necessary to protect human, animal or plant life or health) [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/6006/download> (date accessed: 21.11.2021).

² Morocco – Japan Bit (2020), date of signature 08/01/2020, arts 2 to 4 (promotion of investment, national treatment and most favoured nation, general treatment) and 19 and 21 (Each Contracting Party shall refrain from encouraging investments by investors of the other Contracting Party by relaxing its health, safety or environmental measures, or by lowering its labour standards) [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/5908/download> (date accessed: 21.11.2021).

³ Energy charter treaty, 1994, part 3, art 10 (1): (Each Contracting Party shall, in accordance with the provisions of this Treaty, encourage and create stable, equitable, favourable and transparent conditions for Investors of other Contracting Parties to make Investments in its Area. Such conditions shall include a commitment to accord at all times to Investments of Investors of other Contracting Parties fair and equitable treatment. Such Investments shall also enjoy the most constant protection and security and no Contracting Party shall in any way impair by unreasonable or discriminatory measures their management, maintenance, use, enjoyment or disposal. In no case shall such Investments be accorded treatment less favourable than that required by international law, including treaty obligations.), And arts 18-19: (In pursuit of sustainable development and taking into account its obligations under those international agreements concerning the environment to which it is party, each Contracting Party shall strive to minimise in an economically efficient manner harmful Environmental Impacts occurring either within or outside its Area from all operations within the Energy Cycle in its Area, taking proper account of safety) [Electronic resource]. URL: <https://www.energycharter.org/process/energy-charter-treaty-1994/energy-charter-treaty/> (date accessed: 21.11.2021).

tainable development»¹. The words show that the agreement needs to sustainable development, so it is obvious the sustainable development can't attain without good balance between the various interests in investment.

There are also some well-known and important multilateral investment and trade agreements that work together to balance the public interest and investment interests. Like the Morocco Agreement (April 1994) which established the World Trade Organization². The preamble to the agreement states that the parties recognize that their relationship must be developed in such a way as to enable the optimal use of the world's resources in accordance with the objective of sustainable development. So that it considers both the protection and preservation of the environment and leads to economic development.³ Also in line with a decision under (the Marakesh Agreement) entitled «Trade and Environment», the parties are advised to adopt protectionist policies in both the environmental and trade areas⁴. The United States, Canada, and Mexico recently signed an Economic and Trade Agreement in November 2018, which entered into force in July 2020. A noteworthy point in this agreement is that in order to achieve sustainable development and balance between economic and public interests, a whole chapter is dedicated to the protection of public interests, specifically the environment. It calls on the three states to protect the environment, human health, plants, animals and natural areas in their economic relations⁵.

Therefore, in the text of the mentioned agreements, there is no difference between the rules of protection of investment and the rules of protection of public interest and truly the IIAs want the states to balance between the rules. But states may not be able to strike a balance between investor protec-

¹ International Energy Charter, Agreed text for adoption in The Hague at the Ministerial Conference on the International Energy Charter, on 20 May 2015, title 1 [Electronic resource]. URL: https://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/IEC_EN.pdf (date accessed: 28.11.2021).

² Agreement establishing the World Trade Organization (Marakkesh agreement) [Electronic resource]. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2784/download> (date accessed: 28.11.2021).

³ Marakkesh agreement, preamble [Electronic resource]. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto.pdf (date accessed: 21.11.2021).

⁴ Marrakesh Agreement establishing the World Trade Organization (with final act, annexes and protocol). Concluded at Marrakesh on 15 April 1994, decision on trade and environment, p. 133 [Electronic resource]. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201867/volume-1867-A-31874-English.pdf> (date accessed: 21.11.2021).

⁵ United States – Mexico – Canada Agreement (USMCA), Signature 30 November 2018 [Electronic resource]. URL: http://www.sice.oas.org/Trade/USMCA/USMCA_ToC_PDF_e.asp (date accessed: 21.11.2021).

tion and public interest protection within performing the agreement, and there may be differences. As stated in the next under some of the arbitral awards.

3. The challenge of the Fair and equitable treatment and public interests under the arbitration. Today, foreign investors are increasingly challenging regulatory measures taken by host states to protect the public interest, especially the environment, and claim that these actions violate investment protection obligations [4, p. 2]. Hence, they rely more on the violation of the standard of fair and equitable treatment. Investors expect to operate within a legal and orderly framework. On the other hand, arbitral awards have shown that states also have the right to make the necessary legal changes in the public interest. Therefore, such changes can destroy the investor's expectations about the outcome of his investment [5, p. 793]. As we have seen, investment treaties require member states to protect the public interest too. Therefore, in this way host states exercise their authority to maintain the public interest. But the exercise of authority by states is not without limitation, but they must implement public policies with a view to observe the fair and equitable treatment. As in «Mamidoil Jetoil Greek Petroleum Products Societe S.A. v. Republic of Albania», ICSID stated, «Economic, social, environmental and legal conditions and problems are naturally dynamic and unstable. Successful public infrastructure and public services are essential to adapt to these changes. Accordingly, state policy should be able to evolve in order to ensure adequate infrastructure and services with observing the fair and equitable treatment of investments»¹.

Judicial procedure equates fair and equitable treatment with the requirement of legal stability in the legal environment of the host state. As ICSID believes that, «the fair and equitable treatment is inextricably linked to the stability and predictability of the host state's legal system»². Also, in «Alex Genin, Eastern Credit Limited, Inc. and A.S. Baltoil v. The Republic of Estonia» the tribunal states, «According to international law, this treatment generally means providing a basic and general standard that is separate from the domestic law of the host state but must be interpreted in the interests of

¹ Mamidoil Jetoil Greek Petroleum Products Societe S.A. v. Republic of Albania, ICSID Case No. ARB/11/24, Award, 30 Mar 2015, Hirsch M. Between Fair and Equitable Treatment and Stabilization Clause: Stable Legal Environment and Regulatory Change in International Investment Law // The Journal of World Investment & Trade, Vol. 12, 2011, p. 783 [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/3003> (date accessed: 21.11.2021).

² CMS Gas Transmission Company v. The Republic of Argentina, ICSID Case No. ARB/01/8, 12 May 2005. Hirsch M. Between Fair and Equitable Treatment and Stabilization Clause: Stable Legal Environment and Regulatory Change in International Investment Law // The Journal of World Investment & Trade, Vol. 12, 2011, p. 783 [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/288> (date accessed: 21.11.2021).

the stability of the host state»¹. However, arbitrators have concluded that standard of fair and equitable treatment under the investment agreements cannot prevent legal changes by the host states. In other words, it is true that governments have a duty to create stable conditions for investors, but this task is not equivalent to stabilizing conditions for investors. This was acknowledged in «AES Summit Generation Limited and AES-Tisza Erőmű Kft v. The Republic of Hungary» in 2010 that «the state can adapt its legal framework with the circumstances»². The point is that the original legal framework must remain, and the new legal reforms must be fair and predictable, taking into account investment conditions. As ICSID stated, «While the investor is promised protection against unfair change, it is well established that the host government has the right to make a reasonable degree of change in response to variable circumstances in the public interest. As a result, the fair and equitable treatment should not be seen as an obstacle to legal changes, but rather that subsequent changes should be made in a fair, continuous and predictable manner, taking into account investment conditions»³.

Now we need to know what is the extent of these changes by the host state. Arbitration Award believes that, «the host state must not exceed the legal requirements for a public interest in exercising its Authority»⁴. Also in

¹ Alex Genin, Eastern Credit Limited, Inc. and A.S. Baltoil v. The Republic of Estonia, ICSID Case No. ARB/99/2, 25 Jun 2001 Hirsch M. Between Fair and Equitable Treatment and Stabilization Clause: Stable Legal Environment and Regulatory Change in International Investment Law // The Journal of World Investment & Trade, Vol. 12, 2011, p. 783 [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/484> (date accessed: 21.11.2021).

² AES Summit Generation Limited and AES-Tisza Erőmű Kft v. The Republic of Hungary, ICSID Case No. ARB/07/22, award, 23 septamber 2010, para 9.3.29 Hirsch M. Between Fair and Equitable Treatment and Stabilization Clause: Stable Legal Environment and Regulatory Change in International Investment Law // The Journal of World Investment & Trade, Vol. 12, 2011, p. 783 [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/193> (date accessed: 21.11.2021).

³ Electrabel S.A. v. Republic of Hungary, ICSID Case No. ARB/07/19, Award, 25 November 2015, para 7.77. Hirsch M. Between Fair and Equitable Treatment and Stabilization Clause: Stable Legal Environment and Regulatory Change in International Investment Law // The Journal of World Investment & Trade, Vol. 12, 2011, p. 783 [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/380> (date accessed: 21.11.2021).

⁴ Philip Morris Brands Sàrl, Philip Morris Products S.A. and Abal Hermanos S.A. v. Oriental Republic of Uruguay, ICSID Case No. ARB/10/7 (formerly FTR Holding SA, Philip Morris Products S.A. and Abal Hermanos S.A. v. Oriental Republic of Uruguay) Hirsch M. Between Fair and Equitable Treatment and Stabilization Clause: Stable Legal Environment and Regulatory Change in International Investment Law // The Journal of World Investment & Trade, Vol. 12, 2011, p. 783 [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/460> (date accessed: 21.11.2021).

«Eiser Infrastructure Limited and Energía Solar Luxembourg S.à r.l. v. Kingdom of Spain», ICSID analyses, Absent explicit undertakings directly extended to investors and guaranteeing that States will not change their laws or regulations, investment treaties do not eliminate States' right to modify their regulatory regimes to meet evolving circumstances and public needs. As other tribunals have observed, «[i]n order to adapt to changing economic, political and legal circumstances the State's regulatory powers still remain in place». «[T]he fair and equitable treatment standard does not give a right to regulatory stability *per se*. The state has a right to regulate, and investors must expect that the legislation will change, absent a stabilization clause or other specific assurance giving rise to a legitimate expectation of stability. The question presented here is to what extent treaty protections, and in particular, the obligation to accord investors fair and equitable treatment under the Energy charter treaty, may be engaged and give rise to a right to compensation as a result of the exercise of a State's acknowledged right to regulate»¹. Ultimately ICSID resulted that, «The Energy Charter Treaty did not bar Spain from making appropriate changes to the regulatory regime» [5, p. 783]. According to what has been said, considering that states have the right to make legal changes to the investment environment, there is a challenge in implementing the provisions of the investment agreement between protecting the public interest and fair and equitable treatment and as we have seen, The arbitral tribunals will eventually sentence the host state to compensate if there are illegal changes.

Conclusion. One of the most important standards of protection, which also is considered as the most important standard of the investment protection, is the standard of fair and equitable treatment. Today, this standard has been considered in all multilateral and bilateral investment agreements. It is important to note that investment agreements today not only protect investors but also focus on the public interest of the host states. In other words, in investment agreements there are two protection areas, first, the substantive and procedural rules that consider the protection of investment and investors. Second, the substantive rules that take into account the protection of the public interest of international community and the host state. Having two differ-

¹ Eiser Infrastructure Limited and Energía Solar Luxembourg S.à r.l. v. Kingdom of Spain, ICSID Case No. ARB/13/36, Final Award, 4 May 2017, para 362 Hirsch M. Between Fair and Equitable Treatment and Stabilization Clause: Stable Legal Environment and Regulatory Change in International Investment Law // The Journal of World Investment & Trade, Vol. 12, 2011, p. 783 [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/5721> (date accessed: 21.11.2021).

ent sets of protection rules under the IIAs can make some difference. But in this article, we understood that the difference between these two sets of rules is in the area of enforcement and not in the text of the agreements themselves. Because in the text of the investment agreements we see they encourage the member states to create a more favourable climate economic relationship and create new opportunities for growth and development. In accordance with the objectives of the agreements, it is clear that when an economic cooperation or investment development agreement is signed, governments actually want to create the best and most meaningful conditions for investment and in fact, they want to avoid any obstacles in this way. There is also a principle in some Investment agreements called the principle of Observance of Obligations. Hence, although the protection of investment is an obligation under the agreement and all treatments like Fair and equitable treatment, national treatment and most-favoured-nation clause must be observed, the protection of the public interest is also an obligation and must be observed. In these agreements, the purpose is to protect both categories of protection obligations and must be observed in line with the purpose of the treaty and the principle of observance the obligations. In fact, the text of the agreements, which have both categories of obligations, is aimed at balancing the obligations, because otherwise, bringing these two categories of protection rules together would be futile. In addition, in the objectives of the some agreements explicitly mention that a balance must be struck between the rules of investor protection and the protection of the public interest. Therefore, in the text of IIAs, there is no difference between the rules of protection of investment and the rules of protection of public interest and truly the IIAs want the states to balance between the rules. But as we have shown, there is a difference in implementing the agreements. Because today we see many claims that submitted to the arbitration tribunals. Many of the Investors as claimant relied upon the violation of the standard of fair and equitable treatment. Claimants expect to operate within a stable legal and orderly framework but awards have shown that states also have the right to make the necessary legal changes on behalf of the public interest. Therefore, such changes can destroy the investor's expectations about the outcome of his investment. But the exercise of authority by states is not without limitation, but they must implement reforms with a view to observe the fair and equitable treatment. By the way, standard of fair and equitable treatment under the investment agreements cannot prevent legal changes by the host states. In other words, it is true that governments have a duty to create stable conditions for investors, but this task is not equivalent to stabilizing conditions for inves-

tors. The point is that the original legal framework must remain, and the new legal reforms must be fair and predictable, taking into account investment conditions. In other words, the host state should not go beyond the legal limits of reforms.

References

1. Dolzer R., Schreuer C. Principles of International Investment Law. Oxford university press, 2012, 456 p.
2. Terivisanut S., Gianopolus N. Investment Protection in Offshore Energy Production: Bright Sides of Regime Interaction. *Journal of World Investment & Trade*, 2018, vol. 19, pp. 789–827.
3. Lüdeke J. Exploitation of Offshore Wind Energy. Available at: <https://tethys.pnnl.gov/publications/exploitation-offshore-wind-energy>.
4. Baetens F. (ed.) Investment Law Within International Law: An Integrationist Perspective. Cambridge University Press, 2013, 493 p. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2171718>.
5. Hirsch M. Between Fair and Equitable Treatment and Stabilization Clause: Stable Legal Environment and Regulatory Change in International Investment Law // *The Journal of World Investment & Trade*, 2011, vol. 12, pp. 783. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2272952.

Received: 26.11.2021

АБАДИХА Мостафа

*соискатель степени доктора наук, исследователь в области международного инвестиционного права и морского права, кафедра международного публичного права юридического факультета Университета Кум, Иран. Преподаватель университета Азад, Йезд, Иран, и Университета Расам, Карадж, Иран; abadikhahmostafa@gmail.com.
ORCID: 0000-0003-3520-9309*

ЛАТЫПОВА Наталия Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия; marchrose@yandex.ru*

**СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ
СПРАВЕДЛИВЫМ И РАВНОПРАВНЫМ РЕЖИМОМ
И ОБЩЕСТВЕННЫМИ ИНТЕРЕСАМИ В СООТВЕТСТВИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ИНВЕСТИЦИОННЫМИ
СОГЛАШЕНИЯМИ И АРБИТРАЖНЫМ
УРЕГУЛИРОВАНИЕМ СПОРОВ
МЕЖДУ ИНВЕСТОРАМИ И ГОСУДАРСТВАМИ?**

На сегодняшний день заключено более 3200 международных инвестиционных соглашений (МИС), большинство из которых касается материально-правовых и процессуальных механизмов защиты. Одним из важнейших материально-правовых стандартов является стандарт справедливого и равноправного режима, а одним из процессуальных механизмов является арбитраж по спорам между инвесторами и государствами. Как правило, когда инвестор осуществляет инвестиции в принимающем государстве, нельзя отрицать возможности возникновения коллизии между общественными интересами и механизмами защиты инвесторов. Механизм справедливого и равноправного режима является одним из важнейших стандартов, которым может быть нанесен ущерб общественными интересами, особенно это касается охраны окружающей среды. С одной стороны, в соответствии с этим стандартом принимающие государства обязаны создавать стабильные, справедливые, благоприятные и прозрачные условия для инвесторов. С другой стороны, государства несут ответственность за благо общественных интересов своих

стран и, в более широком смысле, они несут ответственность и перед международным сообществом. **Цель:** установить, существует ли противоречие между основным стандартом справедливого и равноправного режима и общественными интересами в текстах МИС или в процедуре арбитражного урегулирования спора. **Методы:** при анализе существующих инвестиционных соглашений и арбитражных решений использовались общенаучные теоретические методы познания, а также общие логические методы и исследовательские методики. **Результаты:** изучив тексты многих МИС, был сделан вывод о том, что в текстах соглашений отсутствуют какие-либо противоречия, иными словами, соглашение поощряет правительства к установлению баланса между стандартами защиты инвесторов и защитой общественных интересов. Однако при реализации соглашений возникает разногласие между двумя сферами защиты общественных интересов и стандартом справедливого и равноправного режима, и в этом случае арбитражные суды должны урегулировать разногласия.

Ключевые слова: справедливый и равноправный режим; общественные интересы; инвестиционное соглашение; арбитраж по спорам между инвесторами и государствами.

Библиографический список

1. Dolzer R., Schreuer C. Principles of International Investment Law. Oxford : Oxford university press, 2012. 456 p.
2. Terivisanut S., Gianopolus N. Investment Protection in Offshore Energy Production: Bright Sides of Regime Interaction // Journal of World Investment & Trade. 2018. Vol. 19. P. 789–827.
3. Lüdeke J. Exploitation of Offshore Wind Energy. URL: <https://tethys.pnnl.gov/publications/exploitation-offshore-wind-energy>.
4. Investment Law Within International Law: An Integrationist Perspective / ed. by F. Baetens. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 493 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=2171718>.
5. Hirsch M. Between Fair and Equitable Treatment and Stabilization Clause: Stable Legal Environment and Regulatory Change in International Investment Law // The Journal of World Investment & Trade. 2011. Vol. 12. P. 783. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2272952.

Дата поступления: 26.11.2021

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

УДК 347.1

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.17

ПОПОВА Анна Владиславовна

*доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент,
профессор Департамента международного и публичного права
Юридического факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры
конституционного права Юридического факультета
им. М.М. Сперанского Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия; anna0710@yandex.ru*

ЧТО НЕОБХОДИМО ПОМЕНЯТЬ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОРУЧЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАКТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Исходя из анализа лучших образовательных практик зарубежных вузов для развития российских вузов и достижения ими показателей ведущих вузов мирового класса, необходимо обратить внимание на критериальные показатели международных рейтинговых систем. **Цель:** определить меры государственной политики в сфере образования для достижения российскими вузами глобальной конкурентоспособности. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: сравнительно-правой, юридико-догматический. **Результаты:** исследование позволило на основе сравнительно-правового анализа основных международных рейтинговых систем и специальной литературы сделать следующие предложения: 1) повысить качество образования, в результате чего увеличится экспорт образовательных программ в страны мира,

прежде всего в те регионы, где Россия остается ключевым игроком, с последующим их распространением в иные государства, в том числе используя электронную педагогику и онлайн-образование; 2) определить характер и результативность связи российских вузов с производством и бизнесом в специально созданных образовательных кластерах и консорциумах; 3) создать университетские эндаументы (целевые капиталы) на основе сочетания государственного, корпоративного финансирования, а также пожертвований частных физических лиц с прозрачной системой финансовой отчетности и под контролем государственных органов, для чего внести соответствующие изменения в российское законодательство в части обеспечения его эффективности и поощрения благотворительных действий в отношении вузов со стороны физических лиц; 4) создать условия для интернационализации при условии сохранения традиций российской системы образования и исторических ценностей, в том числе при использовании цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта, что выразится в востребованности, подготовленности выпускников к решению стоящих перед ними задач, конкурентоспособности российских вузов при условии обеспечения национального образовательного суверенитета.

Ключевые слова: право на образование; университетские эндаументы; интернационализация; образовательные кластеры и консорциумы; международные рейтинговые системы; правовое государство.

На современном этапе развития выделяют различные образовательные модели, к их числу отнесены: 1) информативная, в рамках которой студент выступает как объект педагогического процесса; 2) формирующая, которая примыкает к информативной и базируется на том, что с помощью управления интеллектуальной детальностью можно гарантировать результат с заданными свойствами; 3) развивающая – направлена на развитие теоретического мышления за счет влияния как на рациональном, так и на эмоциональном уровне; 4) активизирующая, которая дает импульс познавательной деятельности; 5) свободная – ориентирована на произвольную самореализацию личности; 6) обогащающая, которая видит главную роль в согласовании образовательного процесса с субъективным опытом студента [1, с. 59]. В целях достижения глобальной конкурентоспособности российских вузов должны быть реализованы все шесть образовательных моделей одновременно, особенно в свете того, что современный университет представляет собой комплекс информационных сетевых структур. Для достижения поставленной

Президентом РФ цели достижения глобальной конкурентоспособности российских вузов¹ к 2024 г. в России предполагается реализовать принятую Министерством науки и высшего образования РФ Стратегию цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования², состоящую из семи проектов: «Датахаб», «Архитектура цифровой трансформации», «Цифровой университет», «Единая сервисная платформа науки», «Маркетплейс программного обеспечения и оборудования», «Цифровое образование» и «Сервис хаб».

Большинство исследователей склоняются к тому, что конкурентоспособность российской национальной системы образования в мировом образовательном пространстве определяется конкурентоспособностью составляющих ее вузов, которая, в свою очередь, оценивается по различным критериям, установленным в рейтинговых международных и национальных системах на основе репутационного, результативного и общего подходов. Наибольшей популярностью пользуются несколько мировых рейтингов по определению лучших вузов, поэтому в целях анализа лучших зарубежных практик и дачи рекомендаций для системы российского образования необходимо определиться не только с критерияльными показателями, используемыми в таких рейтинговых системах, но и с корреляцией индикаторов, с помощью которых определяется место каждого вуза в системе ранжирования, для выработки общей концепции достижения соответствующего места российских вузов в системе мирового образования. Наши предложения по продвижению российских вузов в мировой системе образовательных услуг относятся к целому ряду вопросов, прежде всего, признанию образования социальной ценностью в Российской Федерации.

Интернационализация и экспорт образования. На основе опыта Китая по созданию университетов мирового класса (WCU) как специальной национальной стратегии правительства КНР следует более тщательно подходить к отбору российских вузов, претендующих на места в топ-100 в международных рейтинговых системах, а также об-

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 21.07.2021).

² Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования. М., 2021. 263 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwtujw.pdf> (дата обращения: 14.08.2021) ; Паспорт стратегии Цифровая трансформация образования [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/267a55edc9394c4fd7db31026f68f2dd/download/4030/> (дата обращения: 14.08.2021).

ращать особое внимание на формирование предметных траекторий гуманитарной сферы. В большинстве международных рейтингов предполагается участие исследовательских вузов в сфере физико-математических, естественных наук, а не гуманитарных, поэтому при выборе вузов следует отдать предпочтение именно таким университетам, так как в англосаксонской традиции образования гуманитарным наукам отведено второстепенное значение. Однако в Китае, исходя из традиций конфуцианства и марксистской доктрины, основополагающей для всей системы обучения является именно гуманитарная составляющая, поэтому «ученые несут ответственность за создание предметов и учебников, отражающих китайскую философию и социальные науки ... они должны попытаться оказать большее влияние в глобальном академическом сообществе; в противном случае студенты университетов будут находиться под чрезмерным влиянием западной идеологии и ценностей, которыми пропитаны учебники, изданные западными учеными»¹. Подобной идеологической установке следуют индийские и латиноамериканские вузы.

Полагаем, что действительно верной является пропагандируемая с 2015 г. китайская правительственная программа² [2], направленная на сохранение образовательного суверенитета, что признается более важным в плане сохранения китайской культуры и традиционных ценностей. Именно воспитание «гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций»³ является основополагающей задачей и российского образовательного контента. Поэтому полагаем важным создание специальных предметных курсов, способных развивать российскую культуру, в части таких учебных дисциплин, как

¹ Song J. The Challenges of Creating World-Class Universities in China [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insidehighered.com/blogs/world-view/challenges-creating-world-class-universities-china> (дата обращения: 14.08.2021).

² Статистика образования Китая на 2019 г. // Министерство образования КНР : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb/202005/t20200520_456751.html (дата обращения: 11.08.2021) ; Статистика научно-исследовательской деятельности вузов Китая // Министерство науки и технологий КНР : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.most.gov.cn/kjbgz/201708/t20170808_134407.htm (дата обращения: 11.08.2021).

³ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2021) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.05.2021).

филология, философия, политология, юриспруденция, история, экономика и др., предлагая миру отдельные образовательные программы, особенно тем регионам, в которых Российская Федерация является ключевым игроком (Евразийский экономический союз, Содружество независимых государств, БРИКС и др.). Ведь именно в государствах – участниках этих организаций существует не только интерес, но и возможность проведения интернационализации российскими вузами, а именно привлечения иностранных преподавателей и студентов.

Интернационализация имеет и обратную сторону, когда в иностранные вузы поступает отечественная талантливая молодежь, что в дальнейшем приводит к негативным последствиям для науки и экономики. Кроме того, для развития интернационализации необходимо вести обучение на английском языке и создавать соответствующие образовательные программы, что, на наш взгляд, также является потенциальной угрозой для российского образовательного суверенитета и русского языка.

Не секрет, что многие бывшие советские республики уже сейчас провозглашают английский язык и латиницу необходимыми условиями для развития государства. При этом критерий интернационализации является базисным для всех международных рейтинговых систем. Полагая, что в погоне за рейтингами мы можем потерять свою культурную идентичность. Для российских университетов, которые борются за набор иностранных студентов и признание как в академической среде, так и на рынке образовательных услуг, серьезной проблемой стала именно нехватка количества и качества ресурсов высшего образования.

Приверженность только интернационализации может привести к тому, что приоритет будет отдаваться зарубежным ученым и выпускникам, владеющим английским языком, что приведет к понижению статуса других вузов, имеющих историю и большие заслуги в образовательной среде, но не способных включить в программы обучения значительное число предметов на английском языке для привлечения студентов из США и стран Западной Европы. Тем более что политика таких стран в отношении России, как показывают последние политические события, оставляет желать лучшего.

Кроме того, если Китай тратит значительные средства из государственного бюджета на отправку абитуриентов в университеты мирового уровня и строго следит за их возвращением на родину, то в России поступить в них может лишь очень небольшая часть желающих и нет обязательств по возвращению обратно в Россию, что, безусловно, не

способствует развитию глобализационных подходов к образовательной системе и доведению ее до уровня ведущих вузов мира. Получается, что российская образовательная система просто экспортирует студентов для обучения в ведущих зарубежных исследовательских университетах, повышая им показатель интернационализации. Исходя из опыта Китая, где большинство китайских выпускников после послевузовской ступени образования (аспирантуры и докторантуры) сталкивались с дискриминацией на академическом рынке труда в 2015–2018 гг. по отношению к выпускникам западноевропейских вузов, мы можем столкнуться с подобной проблемой уже в ближайшие годы. Ведь, как указано в п. 1.8. Федерального проекта «Экспорт образования», еще в 2019 г. Министерством науки и высшего образования РФ был «разработан комплексный план привлечения иностранных граждан для обучения в российских образовательных организациях ... с целью их последующего трудоустройства в российских и транснациональных компаниях за рубежом»¹.

Согласно программным документам Правительства РФ предполагается увеличение числа иностранных студентов до 425 000 в 2024 г. с трудоустройством после окончания вуза не менее 5 % в российских компаниях, в том числе работающих за рубежом. Предлагается увеличение числа преподавателей, ведущих занятия на иностранном языке (5 % от общего числа профессорско-преподавательского состава образовательной организации). Кроме того, к 31 декабря 2024 г. в не менее чем в шестидесяти вузах и не менее чем по пяти образовательным программам вузы должны получить международную аккредитацию, хотя перечень таких вузов пока не определен. К концу 2024 г. планируется создать 58,1 тыс. мест в студенческих городках для иностранных и иногородних студентов и преподавателей. Общее финансирование составляет 107 493,29 млн руб. за период 2019–2024 гг. только по программе «Экспорт образования» и исключительно из федерального бюджета². Кроме того, для экспорта российского образовательного контента и

¹ Паспорт национального проекта «Образование 2019–2024». Утв. Протоколом от 24.12.2018 № 16 заседания Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 16.08.2021). Паспорт включает реализацию десяти федеральных проектов: «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Поддержка семей, имеющих детей», «Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», «Молодые профессионалы», «Новые возможности для каждого», «Социальная активность», «Экспорт образования» и «Социальные лифты для каждого».

² Там же.

продвижения российской научной школы [3] необходимо «обобщение накопленного опыта создания центров присутствия российских вузов в различных регионах мира, выработки форм оказания им ресурсной поддержки, координации деятельности открытых за рубежом курсов русского языка и подготовительных отделений, профильных классов в местных школах, проведения конкурсов и предметных олимпиад, не говоря уже о коллективном участии в образовательных выставках и семинарах, стандартизации практики взаимодействия с образовательными агентствами, организации рекламных кампаний и т. д.» [4, с. 25–26].

Управление вузами. Консорциумы. Положительным для развития системы высшего образования является применение опыта по созданию консорциумов в образовательной сфере¹, но так, чтобы не было дублирования научно-образовательных кластеров, поэтому такие новые формы университетского управления должны создаваться с учетом лучших зарубежных практик. Несмотря на большое количество различных определений консорциумов, в целях настоящего исследования полагаем верным понимать под такой управленческой формой либо инновационный консорциум как «организационную форму сотрудничества производственных фирм с научными центрами с целью проведения крупномасштабных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок» [5], либо сетевую вузовскую организацию, в том числе и с зарубежными образовательными и (или) научно-исследовательскими организациями, как институциональный центр стимулирования высшего образования и инновационных разработок сферы образовательных услуг [6, с. 197; 7].

Как отмечается в исследованиях, посвященных консорциумам, в сфере образования такая форма организации сотрудничества различных акторов возможна потому, что именно консорциум способен обеспечить коллаборацию как специфическую форму сотрудничества для получения нового интеллектуального продукта, прежде всего, в плане международного сотрудничества [6, с. 198]. Совместные национальные и международные университетские консорциумы формируют инновационную образовательную среду, так как только вузы могут го-

¹ С 2018 г. работает Консорциум российских образовательных организаций по совместной реализации кластерного подхода в области науки, образования, индустриально-образовательного партнерства за рубежом в составе восемнадцати вузов, обладающих возможностями по подготовке специалистов для конкретных отраслей экономики (медицина, экология и охрана окружающей среды, аграрные технологии, разведка и добыча полезных ископаемых, туризм и др.).

товить кадры для экономики знаний и цифрового общества, главной содержательной идеей которых становится создание социально-экономических условий для экономических новаций, способны стать «драйвером» прорывного развития стран.

Примером успешного развития формы консорциума на международном уровне может служить российско-китайский международный консорциум [8]. Китайские вузы развивают экосистему инноваций, которой в рамках консорциума могут пользоваться российские вузы, вошедшие в коллаборацию. Как отмечается в научных исследованиях о структуре китайской образовательной экосистемы, ее элементами являются университеты, «Китайская академия наук, отделы корпоративных исследований и исследований, научно-исследовательские институты, специализирующиеся в области экономики и социального развития ... китайские исследовательские организации транснациональных корпораций, такие как IBM, Intel и Cisco», а также различные «организации общественного обслуживания, которые оценивают патенты и предоставляют посреднические услуги» [8, с. 89; 9].

Китайские исследователи утверждают, что российские вузы, входящие в консорциум, должны придерживаться следующих принципов:

- «– точно позиционировать совершенствование талантов и научных исследований, которые обслуживают общество;
- учитывать разнообразные преимущества и характеристики различных университетов, с тем чтобы они могли сотрудничать, стимулировать оригинальные инновации, предоставляя поддержку основных технологий;
- обеспечивать объединение, консолидацию и интеграцию мероприятий для более эффективного распределения ресурсов;
- переходить к более междисциплинарному подходу к инновациям» [8, с. 90].

Полагаем своевременным создать правовое регулирование различного рода образовательных консорциумов, в том числе и международных, представляющих собой особую инновационную площадку для взаимодействия не только в сфере образования, но и научно-исследовательских проектов в рамках определенных НИОКР на основе программ непрерывного образования и прорывного развития на базе цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта, достигаемых как за счет внутринациональных связей между участниками образовательного процесса, так и международного сотрудничества. Особое внимание следует уделить формам консорциумов и системе органов

управления. В силу традиционности системы высшего образования и науки необходимо в дальнейшем учесть особую роль Российской академии наук как основного «игрока» в структуре развития научного потенциала.

Для достижения российскими вузами мировых показателей, на наш взгляд, необходимо изменить систему государственного контроля в части передачи им большей академической свободы в плане определения содержательного контента образовательных программ и предметного насыщения учебных планов. Несмотря на то что сегодня в России 21 вуз имеет право создавать собственные образовательные программы, все-таки у вузов еще мало возможностей участвовать в процессе выработки академической политики, которая могла бы сделать российские университеты более успешными в глобальной конкуренции, так как отличное финансирование лишь нескольких вузов и своеобразный диктат с их стороны в отношении методики и методологии работы в образовательной среде, как это было в Проекте 5-100, не может привести к развитию вузовского образования в России в том объеме, который необходим на современном этапе государственно-правового развития. Полагаем своевременным начать создавать оригинальные магистерские программы, сочетающие национальные научные традиции в виде содержательного контента и лучшую зарубежную форму его представления, в том числе и в форме виртуального вуза [10]. При этом контроль государственных структур за целевым использованием выделяемых на развитие вузов денежных средств, прозрачностью отчетов и достижением коэффициента экономической эффективности вложенных денег в долгосрочной и среднесрочной перспективах необходимо усилить.

Интернет-продвижение университетов и электронная педагогика. В национальном проекте «Образование» экспорт российского образования обозначен как отдельный федеральный проект с соответствующим финансированием из федерального бюджета, целью которого является увеличение к 2024 г. доли иностранных студентов и преподавателей в два раза. Опыт таких стран, как США, Великобритания, Австралия, Япония, Китай, Малайзия, Сингапур и др., свидетельствует о необходимости скорейшего развития онлайн-модели экспорта образовательных технологий, основанной на применении телекоммуникационных и цифровых технологий, а также технологий искусственного интеллекта. Пандемия COVID-19 показала, что онлайн-образование [11; 12] стало неотъемлемой частью образовательного пространства во всем мире, поэтому России нельзя упустить уникальную возможность представить лучшие

национальные контенты на глобальный рынок образовательных услуг и занять соответствующую нишу в странах Восточной Азии, АСЕАН, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока и других регионах с развивающейся экономикой. Например, как отмечает Г.А. Краснова, «онлайн-обучение в странах Африки рассматривается как один из способов расширения доступа к высшему образованию в непосредственной близости от проживания студентов в условиях нехватки высших учебных заведений и низкого качества обучения в имеющихся» [13, с. 120].

Сегодня использование для экспорта собственных национальных программ виртуальных вузов (virtual learning – VI) представляется уже не дополнительным сервером развития образовательной среды, а отдельным значимым контентом по развитию содержания представляемых образовательных программ, управления вузом и различных аспектов самого процесса обучения, что позволяет соединить в различной конфигурации цифровизацию образования (digitalization), информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и интернационализацию (CI) в онлайн-формате в вузах, особенно это касается ИКТ (каждый вуз предлагает собственный контент), которые предлагаются в целях международного взаимодействия между вузами и колледжами различных стран [10, с. 20–21].

Сегодня практически все исследователи в сфере виртуального образования относят интернационализацию и цифровизацию к числу важнейших тенденций развития современного высшего образования. Так, Европейская университетская ассоциация (EUA) [14] определяет цифровое обучение и интернационализацию в качестве центральной стратегии европейских вузов. Специальное исследование «Интернационализация высшего образования», проведенное по заказу Европейского парламента, определяет цифровое обучение среди десяти ключевых тенденций в национальных стратегиях интернационализации [15, с. 27]. Ученые и специалисты в области высшего образования сходятся во мнении, что глубокие социальные изменения, связанные с цифровизацией, трансформируют высшее образование, называя такое явление цифровым поворотом [10, с. 23].

Полагаем необходимым использовать все цифровые технологии в образовательном процессе российских вузов, так как широкая интеграция ИКТ в дискурс интернационализации привела к тому, что в виртуальном пространстве некоторые устоявшиеся процедуры интернационализации перестали применяться. Студенту не надо покидать свою

страну и семью, так как виртуальный мир стал реальным¹, и системы международного обучения, интерактивные образовательные курсы (Massive Open Online Courses – MOOC) и открытые образовательные ресурсы (Open Educational Resources – OER) из других стран могут быть включены в отечественные образовательные программы, дипломы двух вузов, работающих по совместной образовательной программе, и получены полностью онлайн. При использовании искусственного интеллекта концепция интернационализации может претерпеть сильные изменения в ответ на новые изменения в обществе, возможны и опасные сценарии развития событий: уничтожение образовательного суверенитета целого ряда государств, уничтожение культурных традиций и ценностных ориентиров, навязывание чуждого для менталитета народов мнения, «утечка мозгов», манипулирование сознанием и т. п. [16]. Поэтому необходимо крайне взвешенно походить к развитию цифровизации образовательной среды, ведь полный отказ от аудиторной формы проведения занятий может привести к необратимым последствиям и отбросит мир на столетия назад [10, с. 242–244].

В научной литературе признается целесообразным полное обеспечение информацией о возможностях и условиях обучения в вузах, что подтверждается социологическими опросами абитуриентов и их родителей². Основными формами привлечения иностранных студентов, успешно используемыми зарубежными вузами мирового уровня, признаются: «организация и участие в образовательных ярмарках, конференциях, форумах за рубежом; обеспечение всей необходимой информацией о возможностях получения образования в вузах на разных языках, в том числе на сайтах министерств образования; работа с рекрутинговыми агентствами в третьих странах для увеличения набора студентов; использование ассоциаций выпускников; использование социальных сетей (Facebook, Twitter, YouTube)» [17, с. 172]. В целях развития интернационализации необходимо еще больше внимания уделять развитию информационного поля вузов и дизайну сайтов университетов в виртуальном пространстве. Именно это сегодня может считаться основной ча-

¹ Trends shaping education [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/trends-shaping-education-2019_trends_edu-2019-en (дата обращения: 16.08.2021).

² Электронная интернационализация: англоязычные интернет-ресурсы российских университетов : доклад РСМД № 57/2020 / [И.Н. Тимофеев и др.] ; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2020. 60 с.

стью общего самонаратива, так как интернет-пространство является одной из форм привлечения иностранных студентов.

По мнению исследователей, в зависимости от того, к кому обращен веб-сайт вуза (к будущим студентам, их родителям, сотрудникам, государственным органам, иностранной аудитории и т. д.), предлагается несколько нарративов [18; 19; 20]. Однако автор настоящей статьи полагает, что необходимо объединять все эти аудитории, чтобы показать те образовательные ценности, традиции и новации в преподавании по разным предметным программам, которых придерживается конкретный вуз, акцентируя внимание на комфортной среде для учебы и всесторонней жизни в университете, карьерных и иных перспективах для студентов, возможностях построения индивидуальной траектории развития личности и др., а также объеме финансирования, месте в нем НИОКР, оценке влияния вуза на социально-экономическое развитие отдельного региона или страны в целом.

Кроме того, на сайте вуза с целью привлечения иностранных студентов и преподавателей должна быть возможность смены на язык(-и) целевой аудитории (английский, французский, испанский, португальский, хинди, китайский и др.). Прекрасно, если на сайте будет студенческий блог (такая форма крайне популярна в американских и английских ведущих вузах), статистика, касающаяся интернациональности вуза (число стран и иностранных студентов), информация о сотрудничестве с зарубежными вузами, наличии кластера, технопарка, бизнес-инкубатора и др. При этом сама «структура сайта и возможность доступа ко всей полезной информации должна быть простой и интуитивно понятной» [20, с. 184], что позволит сформировать положительный образ вуза в среде потенциальных клиентов и достичь критериального показателя «Международная интеграция». В России необходимо развивать цифровое образование (электронную педагогику), в рамках которого особое внимание следует уделить созданию национальных виртуальных университетов. Такие университеты хорошо развиты практически во всех странах мира, их функционирование финансируется из государственного бюджета.

Финансирование. Как было отмечено А. Омельчуком, «значимым достижением Проекта 5-100 является проводимая работа по диверсификации источников финансирования университетов, по структурной трансформации внебюджетных доходов» [21, с. 65]. Полагаем, что в этой связи для реализации целей национального проекта «Образование» необходимо более внимательно отнестись к используемым в практике лучшим

зарубежных вузов университетским эндаументам¹ и эндаументам научно-исследовательских организаций, которые являются одной из традиций англо-американской образовательной системы. Ведь именно наличие целевого университетского капитала позволит российским вузам, как и зарубежным, получать «дополнительное финансирование и иметь большую самостоятельность и независимость от внешних условий своего существования» [22, с. 149]. Как отмечает И. Осипов, «основная задача эндаументов – не только привлечь средства на развитие науки и образования в университетах, но и помочь привести образовательные программы в соответствие с потребностями бизнеса и реалиями рынка труда»² [26].

Сегодня в мире существуют три модели университетских эндаументов:

а) англо-американская модель (США, Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия и др.), в которой эндаумент является ключевым в финансировании вуза; привлекаются средства частного инвестирования, расходуются обычно по схеме $50/50$, используемой в Гарвардском университете, когда половина эндаумента – расходы вуза³, а вторая накапливается в виде целевого капитала. Как отмечается в исследовании «Анализ деятельности эндаументов университетов и научных организаций в России и мире», с 1990-х годов практически все ведущие вузы США, занимающие места в топ-100 международных рейтингов (72 вуза), вслед за Йельским университетом начали сокращать вложения в традиционные акции и, наоборот, увеличивать альтернативные инвестиции в виде хедж-фондов, нефтяных месторождений и лесного хозяйства⁴;

¹ Первыми эндаументами стало пожертвование Оксфорду и Кембриджу со стороны королевской семьи в 1502 г., а также завещание библиотеки и половины недвижимости Дж. Гарвардом Гарвардскому университету в 1638 г. Именно этот университет сегодня обладает самым большим университетским эндаументом, объем которого превышает ВВП половины стран мира.

² Осипов И. Эндаументы в России: что мешает развитию вузовских фондов целевого капитала? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/kompanii/340629-endaumenty-v-rossii-cto-meshaet-razvitiyu-vuzovskih-fondov-celevogo-kapitala> (дата обращения: 17.08.2021).

³ Стипендии перспективным студентам, покупка материалов, необходимых в образовательном процессе, оплата дополнительных курсов повышения квалификации для профессорско-преподавательского состава, премии лучшим преподавателям, необходимое лабораторное оборудование для факультетов.

⁴ Малахов В.А., Вершинин И.В., Нетребин Ю.Ю. Анализ деятельности эндаументов университетов и научных организаций в России и мире [Электронный ресурс]. URL: https://necp.ru/upload/iblock/9aa/Broshyura_Endaumenty.pdf (дата обращения: 17.08.2021).

б) модель стран Европейского Союза: эндаумент используется не так неявно, поэтому его размер значительно меньше, чем в первой модели (используются как государственное, так и частное инвестирование), однако отдельные вузы перенимают именно американскую модель (Цюрихский университет, Мюнхенский университет);

в) модель стран азиатского региона, где эндаумент практически не используется, однако есть практика его использования в ведущих вузах Японии, Сингапура, Тайваня и Саудовской Аравии, вошедших в топ-100 по международным базам ранжирования вузов [22, с. 155].

В России университетские эндаументы на конец 2019 г., по данным Национальной ассоциации эндаументов, имели лишь отдельные вузы¹, из которых шесть не являлись классическими или технологическими вузами, хотя в международных рейтинговых базах должны быть представлены только они, а у частных вузов были самые большие эндаументы (Сколтех, ЕУСПБ и РЭШ), при этом и их размер в разы меньше, чем у ведущих вузов США. Для развития эндаументов в России необходимо изменить законодательство² и добавить норму о признании эндаумента (целевого капитала) собственностью вуза (сегодня это собственность специально создаваемых фондов, как и в большинстве стран мира³).

С января 2020 г. начала работать Национальная ассоциация участников рынка целевого капитала «Национальная ассоциация эндаумент-

¹ Там же. Объем университетских эндаументов составляет: Сколковский институт науки и технологий (4772 млн руб), Европейский университет в Санкт-Петербурге (1764 млн руб), Московский государственный институт международных отношений (1714 млн руб), Санкт-Петербургский государственный университет (1050 млн руб), НИУ «Высшая школа экономики» (942 млн руб), НМИЦ ДГОИ им. Д. Рогачёва (800 млн руб), РАНХиГС и Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара (593 млн руб), Высшая школа менеджмента СПбГУ (590 млн руб), Северо-Восточный федеральный университет (585 млн руб), Московский физико-технический институт (580 млн руб).

² О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций : федер. закон от 30.12.2006 № 275-ФЗ (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.08.2021).

³ Большинство эндаумент-фондов, имеющих целью стимулирование НИРов и НИОКРов, не прикреплены к одному вузу или научно-исследовательской организации и финансируют исследования, проводимые учеными вне зависимости от их аффилиации. Например, Нобелевский фонд (около 5 млрд шведских крон), эндаумент-фонд Билла и Мелинды Гейтс (Bill & Melinda Gates Foundation) финансирует исследования в области медицины, здравоохранения, развития наук о материалах, информационных технологиях, социальных науках. Только в 2020 г. им было выделено 60 млн долларов на создание вакцины и разработку новых методов лечения COVID-19.

тов»¹, объединяющая, по состоянию на март 2021 г., 20 различных организаций, в том числе эндаументы университетов², различные благотворительные фонды и управляющие компании. Для развития целевых капиталов университетов в России необходимо сочетать субсидирование из федерального и региональных бюджетов и частного сектора экономики, то есть работать в рамках азиатской модели университетского эндаумента³ [23; 24].

Кроме того, следует создать прозрачное правовое регулирование эндаумент-фонда, ведь для эффективного использования такого целевого капитала необходимо постоянное действенное сотрудничество, предполагающее действительно длительные партнерские отношения бизнеса с университетом. Каждый из участников таких отношений имеет свои цели и задачи, которые необходимо четко сформулировать. Отсюда возникает необходимость создания подробной совместной дорожной карты не менее чем на 10 лет вперед, где должны быть расписаны «все этапы реализации проекта, инвестирования крупных сумм и расчет доходной части для финансирования проектов, проведение мониторинга совместной работы на контрольных точках»⁴. Важно пропагандировать и социальное партнерство университетской среды и бизнес-сообщества, поощрять пожертвования выпускников в университетский эндаумент, как на западе, соотнося это с социальной благотворительностью, для чего необходимо внести соответствующие изменения в Налоговый кодекс по вопросу налоговых льгот.

После окончания Проекта 5-100 объявлена новая программа – программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», предложенная Министерством науки и высшего образования РФ⁵, участниками которой смогут стать около 120 вузов и научно-исследовательских институтов для «развития сотрудничества университетов и научных институтов». Целью новой программы, по мнению Д.В. Афанасьева,

¹ Национальная ассоциация эндаументов : сайт [Электронный ресурс] URL: <https://ruca.ru/co-founders.html> (дата обращения: 13.08.2021).

² ДВФУ, МГИМО, ДГТУ, РШЭ, ЕУСПБ, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Шанинка).

³ Осипов И. Указ. соч.

⁴ Деменко С. Забыть о рейтинге. Минобрнауки ждет совета академиков // Российская газета. 2020. № 130.

⁵ О реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» : распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3697-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: parvo.gov.ru (дата обращения: 21.07.2021).

должны стать иные цели высшего образования в России, ведь «предыдущие программы были нацелены на повышение глобальной конкурентоспособности, на различные рейтинги... Сейчас главная задача – ориентация вузов на национальные цели развития страны. Они должны готовить кадры высокой квалификации для российского работодателя, и прежде всего в сфере высоких технологий и передовых отраслей промышленности, науки»¹ [25]. Поэтому необходимо будет не уменьшать государственное финансирование данного проекта, а, возможно, даже увеличить его, ведь, как показывает анализ зарубежной практики финансирования вузов, например, «объем финансирования очередной европейской исследовательской и инновационной рамочной программы на 2021–2027 годы Horizon Europe предложено увеличить до 100 млрд евро» [25, с. 118].

Библиографический список

1. Габриелян А.М. Мировые тренды в политике реформирования высшего образования России : дис. канд. полит. наук. Симферополь, 2019. 194 с.
2. Юань Фаньфань Ю., Бражник Е.И. Специфика развития университетского образования в Китае // Человек и образование. 2020. № 4 (65). С. 121–125.
3. Амиров Р.А. Экспорт образовательных услуг как важнейший фактор повышения конкурентоспособности и экономического развития страны // Управленческое консультирование. 2018. № 8. С. 71–81. DOI 10.22394/1726-1139-2018-8-71-81.
4. Ручкин А.Б. Экспорт российского образования в страны Африки: вызовы и ресурсы развития // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 21–32. DOI 10.17805/zpu.2019.2.2.
5. Королев В.И., Королева Е.Н. Инновационный потенциал: содержание, организационные формы его реализации российскими и зарубежными компаниями // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 5. С. 40–47.
6. Василенко Н. В., Костенко А.А., Назаретян К.А. Коллаборация в высшем образовании: организационные перспективы консорциумов // Вопросы управления. 2017. № 1 (44). С. 196–204.

¹ Деменко С. Указ. соч.

7. Ключко Е.Н., Межлумова В.Р. Раскрытие принципов оптимизации взаимодействия научного и образовательного процессов в условиях модернизации сферы образовательных услуг РФ // Вестник Адыгейск. гос. ун-та. Сер.: Экономика. 2015. № 1. С. 189–195.
8. Бин В. Роль российско-китайских университетских консорциумов в развитии инновационной среды международного образования // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 88–90. DOI 10.26140/anie-2019-0802-0020.
9. Голобоков А.С. Основные элементы стратегий региональных вузов КНР и критерии их оценки // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокск. гос. ун-та экономики и сервиса. 2016. № 4 (35). С. 27–37.
10. Bruhn E. Virtual Internationalization in Higher Education Elisa // Innovative Hochschule: digital – international – transformative / E. Bruhn, S. Bedenlier, T. Reiffenrath (eds.). WBV, 2020. 333 p. DOI: 10.3278/6004797w. 561 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/344424367_Virtual_Internationalization_in_Higher_Education/link/5f7408dda6fdc00864851dd/download.
11. Диденко Г.А., Степанова О.А. Современные аспекты информатизации: концепция информационных сервисов // Информатика и образование. 2018. № 7 (296). С. 57–61.
12. Катунина А.С. Современные технологии в IT-рекрутинге // Управление развитием персонала. 2018. № 2. С. 118–130.
13. Краснова Г.А. Перспективы продвижения онлайн-модели экспорта российского образования в странах Африки // Вестник Российск. ун-та дружбы народов. Сер.: Информатизация образования. 2019. Т. 16, № 2. С. 117–127.
14. Gaebel M., Zhang T., Bunesco L., Stoeber H. Trends 2018. Learning and teaching in the European Higher Education Area. Brussels : European Union, 2018. 109 p.
15. de Wit H., Egron-Polak E., Howard L., Hunter F. (eds.). Internationalization of higher education. Brussels : European Union, 2015. 320 p.
16. Egron-Polak E., Hudson R. Internationalization of higher education. Growing expectations, fundamental values. Paris, 2014. 20 p.
17. Краснова Г.А., Гриншкун В.В., Пыхтина В.А. Сетевые медиаресурсы как инструмент рекрутинга иностранных студентов в российские вузы // Вестник Российск. ун-та дружбы народов. Сер.: Информатизация образования. 2017. Т. 14, № 2. С. 171–179.

18. Кокин Д.И., Лозовская К.Б., Пургина Е.С. Ориентиры развития образовательных систем в странах БРИКС: самопонимание и самопрезентация китайских и российских университетов // Вестник Удмуртск. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. Вып. 4. С. 375–384.

19. Rphew C.C., Fumasoli T., Stensaker B. Changing Missions? How the Strategic Plans of Research-Intensive Universities in Northern Europe and North America Balance Competing Identities // Studies in Higher Education. 2016. Vol. 43, № 6. P. 1074–1088.

20. Никитенко Е.В., Леонтьева Э.О. Привлечение иностранных студентов через сайт учебного заведения // Вестник Тихоокеанск. гос. ун-та. 2015. № 4 (39). С. 181–186.

21. Омельчук А. Официальная позиция // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. Университеты. 2021. № 2. С. 64–68.

22. Балацкий Е.В. Рынок университетских эндаументов в России: тенденции формирования и перспективы // Инновации. Наука. Образование. 2017. № 1. С. 149–178.

23. Дьячкова Э.А. Эндаумент-фонды образовательных организаций высшего образования: подходы к проектированию деятельности // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4-5. С. 77–83.

24. Котрикова Т.Ю., Борисова И.И. Создание и функционирование эндаумент-фонда учреждения высшего профессионального образования : метод. рекоменд. Н. Новгород : Нижегородск. госуниверситет, 2012. 43 с.

25. Никонова Е.Н. Университеты стран с развивающейся экономикой. Путь к признанию // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 1 (57). С. 102–126.

Дата поступления: 12.11.2021

POPOVA Anna Vladislavovna

Doctor of Law, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of International and Public Law, Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law named after M. M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; anna0710@yandex.ru

**WHAT NEEDS TO BE CHANGED IN THE RUSSIAN
HIGHER EDUCATION SYSTEM IN ORDER
TO IMPLEMENT THE INSTRUCTIONS
OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION:
PRACTICAL CONSIDERATIONS**

Based on the analysis of the best educational practices of foreign universities for the development of Russian universities and their achievement of the indicators of leading world-class universities, it is necessary to pay attention to the criteria indicators that exist in international rating systems. **Purpose:** to determine the measures of state policy in the field of education for achieving global competitiveness by Russian universities. **Methods:** the author uses empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Special scientific methods are used: comparative-legal, legal-dogmatic. **Results:** the study makes it possible to make the following proposals based on a comparative legal analysis of the main international rating systems and special literature: 1) to improve the quality of education, as a result of which the export of educational programs to the countries of the world will increase, primarily to those regions where Russia continues to be a key player, with their subsequent distribution to other states, including using electronic pedagogy and online education; 2) to determine the nature and effectiveness of the connection of Russian universities with production and business in specially created educational clusters and consortia; 3) to create university endowments (target capital) based on a combination of state, corporate financing, as well as donations from private individuals with a transparent financial reporting system and under the control of state bodies, for which to make appropriate changes to Russian legislation in terms of ensuring the effectiveness of its use and encouraging charitable actions in relation to universities by individuals; 4) to create conditions

for internationalization, provided that the traditions of the Russian education system and historical values are preserved, including the use of digital technologies and artificial intelligence technologies, which will be expressed in demand, the readiness of graduates to solve the challenges in the new reality, the competitiveness of Russian universities, provided that national educational sovereignty is ensured.

Keywords: right to education; university endowments; internationalization; educational clusters and consortia; international rating systems; rule-of-law state.

References

1. Gabrielyan A.M. *Mirovye trendy v politike reformirovaniya vysshego obrazovaniya Rossii. Kand. Diss.* [Global trends in the policy of reforming higher education in Russia. Cand. Diss.]. Simferopol, 2019. 194 p.
2. YUan Fanfan, Brazhnik E.I. Specifics of the development of university education in China. *CHelovek i obrazovanie = Man and Education*, 2020, no. 4 (65), pp. 121–125. (In Russian).
3. Amirov R.A. Export of educational services as the most important factor of competitiveness and economic development of the country. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2018, no. 8, pp. 71–81. DOI 10.22394/1726-1139-2018-8-71-81. (In Russian).
4. Ruchkin A.B. Export of Russian education to African countries: challenges and resources of development. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2019, no. 2, pp. 21–32. DOI 10.17805/zpu.2019.2.2. (In Russian).
5. Korolev V.I., Koroleva E.N. Innovative potential: content, organizational forms and its implementation by the Russian and foreign companies. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik = Russian Foreign Economic Journal*, 2014, no. 5, pp. 40–47. (In Russian).
6. Vasilenko N.V., Kostenko A.A., Nazaretyan K.A. Collaboration in higher education: institutional perspectives consortia. *Voprosy upravleniya = Management Issues*, 2017, no. 1 (44), pp. 196–204. (In Russian).
7. Klochko E.N., Mezhlumova V.R. Optimization principles of scientific and educational processes interaction in the educational services modernization of the Russian Federation. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika = The Bulletin of the Adyghe State University, Series: Economics*, 2015, no. 1, pp. 189–195. (In Russian).

8. Bing W. The role of the Russian-Chinese university consortium in the development of the innovative environment of international education. *Azimut nauchnykh issledovanij: ekonomika i upravlenie = Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2019, vol. 8, no. 2 (27), pp. 88–90. DOI 10.26140/anie-2019-0802-0020. (In Russian).

9. Golobokov A.S. Strategies of China regional universities' key features and its evaluation. *Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa = A Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2016, no. 4 (35), pp. 27–37. (In Russian).

10. Bruhn E. Virtual Internationalization in Higher Education Elisa. In Bruhn E., Bedenlier S., Reiffenrath T. (eds.). *Innovative Hochschule: digital – international – transformative*. WBV Publ., 2020. 333 p. DOI: 10.3278/6004797w. 561 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344424367_Virtual_Internationalization_in_Higher_Education/link/5f7408dda6fdcc00864851dd/download.

11. Didenko G.A., Stepanova O.A. Modern aspects of informatization: the concept of information services. *Informatika i obrazovanie = Computer Science and Education*, 2018, no. 7 (296), pp. 57–61. (In Russian).

12. Katunina A.S. Modern technologies in IT recruiting. *Upravlenie razvitiem personala = Personnel Development Management*, 2018, no. 2, pp. 118–130. (In Russian).

13. Krasnova G.A. Prospects for promoting the online model of Russian education exports in Africa. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Informatizaciya obrazovaniya = RUDN Journal of Informatization in Education*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 117–127. (In Russian).

14. Gaebel M., Zhang T., Bunescu L., Stoeber H. Trends 2018. Learning and teaching in the European Higher Education Area. Brussels, European Union Publ., 2018. 109 p.

15. de Wit H., Egron-Polak E., Howard L., Hunter F. (eds.). *Internationalization of higher education*. Brussels, European Union Publ., 2015. 320 p.

16. Egron-Polak E., Hudson R. *Internationalization of higher education. Growing expectations, fundamental values*. Paris, 2014. 20 p.

17. Krasnova G.A., Grinshkun V.V., Pykhtina N.A. Network media resources as the instrument of recruiting of foreign students in the Russian higher education institutions. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Informatizaciya obrazovaniya = RUDN Journal of Informatization in Education*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 171–179. (In Russian).

18. Kokin D.I., Lozovskaya K.B., Purgina E.S. Directions of development of BRICS higher education systems: self-understanding and self-presentation of Chinese and Russian universities. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2020, vol. 4, iss. 4, pp. 375–384. (In Russian).

19. Rphew C.C., Fumasoli T., Stensaker B. Changing Missions? How the Strategic Plans of Research-Intensive Universities in Northern Europe and North America Balance Competing Identities. *Studies in Higher Education*, 2016, vol. 43, no. 6, pp. 1074–1088.

20. Nikitenko E.V., Leontieva E.O. Recruiting foreign students via the institution website. *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Pacific State University Bulletin*, 2015, no. 4 (39), pp. 181–186. (In Russian).

21. Omelchuk A. Official position. *Byulleten' Schetnoj palaty Rossijskoj Federacii. Universitety = Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Universities*, 2021, no. 2, pp. 64–68. (In Russian).

22. Balatsky E.V. The market of university endowments in Russia: development trends and opportunities. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie = Innovation. Science. Education*, 2017, no. 1, pp. 149–178. (In Russian).

23. Dyachkova E.A. Endowment funds of higher education institutions: approaches to the organizational design. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*, 2014, no. 4-5, pp. 77–83. (In Russian).

24. Kotrikova T.YU., Borisova I.I. *Sozdanie i funkcionirovanie endowment-fonda uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Creation and operation of the endowment fund of the institution of higher professional education]. Nizhny Novgorod State University Publ., 2012. 43 p.

25. Nikonova E.N. Universities of countries with growing economies. The path to recognition. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and Foreign Pedagogy*, 2019, vol. 1, no. 1 (57), pp. 102–126. (In Russian).

Received: 12.11.2021

К АВТОРАМ TO THE AUTHORS

Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом «ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА «Правовое государство: теория и практика» для публикации статей

1. Тематика и география. Редакция журнала «Правовое государство: теория и практика» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук в области государства и права и юридических наук. Представленные статьи должны быть оригинальными, не опубликованными ранее в других печатных изданиях. Статьи должны быть актуальными, обладать новизной, содержать выводы исследования, а также соответствовать указанным ниже требованиям к оформлению. **Журнал принимает к публикации статьи на русском и английском языках.** География авторов журнала охватывает как российских авторов, так и иностранных.

2. Порядок подачи статей. Для подачи статьи автору необходимо пройти электронную регистрацию на сайте журнала и направить научную статью путем подачи заявки через сайт журнала. Файл, представляемый в редакцию в электронном виде и размещенный на сайте журнала, должен быть поименован по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov.doc). Количество авторов одной статьи не более 3-х человек.

3. Общие требования к оформлению авторских материалов. При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Межстрочный интервал – полупетельный, цвет шрифта – черный, размер шрифта основного текста – 14, сноска – 12, размер всех полей – 20 мм. Абзац – 1,25 мм. Нумерация страниц внизу от центра. Недопустимо выделение отдельных элементов текста курсивом, полужирным курсивом, полужирным прямым. **Приоритет в публикации имеют авторы, использовавшие в исследовании иностранные источники и источники из изданий, индексированных в базах данных Web of Science и Scopus.**

4. Объем и структура статьи. Рекомендованный объем статьи – от 20–30 тыс. знаков с пробелами (приблизительно от 12 стр.). Статья должна состоять из введения, основ-

ной части и заключения, а также содержать библиографический список (не менее 10 источников). Все поступающие в редакцию Журнала рукописи проверяются техническим секретарем на уникальность с помощью системы «Антиплагиат». Редакция оставляет за собой право не публиковать статьи с **уникальностью текста менее 70 %**. При подаче статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале. Журнал не допускает множественных публикаций, дублирующих уже опубликованные статьи автора.

5. Заголовок статьи набирается **СТРОЧНЫМИ** (маленькими) буквами жирным шрифтом и форматируется по центру. Перед заголовком слева указывается УДК, под заголовком – Ф.И.О. автора, ученая степень, ученое звание, должность, название вуза, город, страна, информация о статьях автора в БД «Scopus» или БД «Web of Science» (при наличии) путем указания DOI таких статей, адрес электронной почты автора.

Англоязычный перевод заглавия статьи, сведений об авторе, аннотации и ключевых слов приводятся в конце статьи после библиографического списка.

6. Аннотация и ключевые слова. Объем аннотации на русском языке должен составлять не менее 100 и не более 250 слов. Аннотация обязательно должна содержать разделы: вводную часть, **ЦЕЛИ**, **МЕТОДЫ** исследования, основные **ВЫВОДЫ**.

Необходимое количество ключевых слов (словосочетаний) – 6–10. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга точкой с запятой.

7. Требования к библиографическому списку. Библиографический список должен быть построен **В ПОРЯДКЕ УПОМИНАНИЯ ИСТОЧНИКОВ В ТЕКСТЕ**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т. д. Ссылки на нормативно-правовые акты и судебно-арбитражную практику помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок, в библиографическом списке не указываются. В библиографическом списке желательно наличие иностранных источников, реально используемых при написании научной статьи.

8. Правила оформления таблиц и иллюстраций. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические заголовки. Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты) либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса.

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):

«Правовое государство: теория и практика» № 4 (66) 2021.

Учредитель Башкирский государственный университет

Главный редактор Р.И. Зайнуллин

Регистрирующий орган Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, РБ,

г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131. Тел. (347) 228-83-51,

e-mail niippg@mail.ru;

сайт <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге

«Газеты. Журналы» (Роспечать): 81192

Подписан в печать 21.12.2021 г. Вышел в свет 27.12.2021 г.
Бумага писчая. Формат 70x100¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 22,1. Уч. изд. л. 19,5. Тираж 500. Заказ 443.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Башкирского государственного университета
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, физ-мат. корпус, каб. 327.